U 417/599

G. Plekhanoff. — Recueil d'articles politiques.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

И 417/599

Погашено

Полит... Совѣта ... 1-го Особ. ...

НА ДВА ФРОНТА.

СБОРНИКЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

Г. Плеханова.

1) Соціализмъ и политическая борьба
2) Современныя задачи русскихъ рабочихъ.
3) Какъ добиваться конституціи?
4) Политическія задачи русскихъ соціалистовъ.
5) Еще разъ соціализмъ и политическая борьба.
6) Что же дальше?

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи. Rue de la Coulouvrenière, 27. Genève.
1905.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
21566-57

Отъ автора.

Выпуская въ видѣ отдѣльнаго сборника нѣкоторыя мои политическія сочиненія, я не имѣю ни возможности, ни охоты снабжать этотъ сборникъ длиннымъ предисловіемъ и ограничусь лишь немногими замѣчаніями.

Иныя изъ этихъ статей отчасти, — въ болѣе краткомъ видѣ и въ другой связи, — повторяютъ то, что болѣе подробно и по другому поводу развиваются въ предыдущихъ. Читатель найдетъ, пожалуй, такія повторенія излишними. Но я попрошу его вспомнить, что статьи эти отдѣлялись одна отъ другой промежуткомъ времени, простиравшимся иногда до нѣсколькихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ совершенно обновлялся,—благодаря чудовищнымъ условіямъ нашей политической жизни,—весь составъ „публики", интересующейся соціалистической литературой. Повторенія были, поэтому, не только допустимы, но прямо неизбѣжны. Скажу больше. Я буквально сожалѣю подчасъ о томъ, что группа „Освобожденіе труда" недостаточно часто возвращалась къ изложенію своего credo. Мнѣ кажется, что россійская соціалдемократія избѣжала бы серьезныхъ ошибокъ, если бы она полнѣе и лучше усвоила себѣ идеи, — и въ частности политическіе взгляды, — названной группы. Чтобы не далеко ходить за примѣромъ, напомню хотя бы эпизодъ съ экономизмомъ, представлявшимъ собою, въ теоретическомъ отношеніи, одно недоразумѣніе.

Названіе сборника объясняется тѣмъ, что намъ, въ нашей политической пропагандѣ приходилось вести борьбу съ двумя предразсудками, совершенно *противоположнаго* характера; намъ надо было

разъяснять, что соціализмъ не исключаетъ политики и въ то же самое время доказывать, что политика вовсе не требуетъ отъ насъ забвенія соціализма, т. е. нашего превращенія въ либераловъ.

Сборникъ этотъ заканчивается статьей: „*Что же дальше?*“. О ней мнѣ хочется сказать здѣсь два слова.

Она была написана по поводу студенческихъ волненій, къ которымъ чрезвычайно сочувственно отнеслась рабочая масса. Я доказывалъ въ ней, что *академическая* свобода можетъ явиться у насъ лишь какъ составная часть *политической* свободы вообще и что никакія „сердечныя попеченія“, идущія со стороны царскаго правительства, не прекратятъ нашихъ студенческихъ „безпорядковъ“. Тогда нужно было доказывать это, такъ какъ даже „передовая“ часть нашей „легальной“ печати склонна была поддерживать вѣру въ благія намѣренія царя и, —по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ—его слугъ. Теперь нечего и спрашивать, кто заблуждался; теперь почти все наше „общество“ видитъ и говоритъ, что отъ „бюрократизма“ ничего добраго не дождешься. Къ сожалѣнію, оно до сихъ поръ ограничивается одной чисто словесной борьбой съ „бюрократіей“. Но словами съ ней ничего не подѣлаешь. „Бюрократія“ — это тотъ врагъ, котораго надо, по выраженію Лассаля, повалить на землю и, взявъ его за горло, поставить ему колѣно на грудь. А для этого нужна *сила* и большая сила. А сила будетъ на сторонѣ враговъ царизма только тогда, когда на ихъ сторону рѣшительно перейдетъ *народная масса*. Это очевидно. Но если, исходя изъ этой очевидной истины, мы спросимъ себя, что же сдѣлало общество въ смыслѣ политической агитаціи въ народной массѣ, то придется отвѣтить: ничего или очень мало. И въ этомъ заключается причина того, что „бюрократія“, до сихъ поръ не очистила ни одной, рѣшительно ни одной изъ своихъ старыхъ позицій. Тутъ повторяется

исторія, такъ художественно изображенная Крыловымъ. „Интеллигенція“ твердитъ:

...Ахти, какой позоръ!
Теперь всѣ сосѣди скажутъ:
Котъ — Васька плутъ! Котъ Васька воръ!
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!

А плутъ Васька ни мало не смущается, этимъ „словъ теченьемъ“ интеллигентныхъ „риторовъ“ и продолжаетъ держать въ своихъ острыхъ и крѣпкихъ когтяхъ всю интеллигентную и прочую Россію.

А Васька слушаетъ да ѣстъ...

И не только ѣстъ. Онъ собирается дать рѣшительный отпоръ нашему „повару-грамотѣю“; онъ организуетъ своихъ своеобразныхъ шуановъ, набираемыхъ между хулиганами. И наша свободолюбивая интеллигенція, не желающая или неумѣющая „власть употребить“, — т. е. апеллировать къ народу, — дрожитъ передъ *черными сотнями*...

Эпиграфомъ для статьи „Что же дальше?“ я взялъ слова Маркса: Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Action wächst auch der Umfang der Masse, dessen Action sie ist (чѣмъ основательнѣе данное историческое дѣйствіе, тѣмъ шире та масса, которая его совершаетъ). Наша „интеллигенція“ до сихъ поръ не усвоила себѣ заключающейся здѣсь глубокой политической мысли. А время не терпитъ, роковая развязка приближается...

Заканчивая свою статью, я такъ формулировалъ тогдашнюю практическую задачу нашей партіи:

1. Организоваться.

2. Принять всѣ зависящія отъ насъ мѣры для выясненія оппозиціоннымъ элементамъ общества истиннаго характера преслѣдуемой нами ближайшей политической задачи.

3. Продолжать политическую агитацію въ трудящейся массѣ.

4. Придать этой агитаціи *еще болѣе широкіе размѣры, распространивъ ее по возможности и на сельское населеніе.*

6. Тоже въ большей степени.

7. Тоже въ еще большей степени.

8. Тоже въ самой большей степени.

9. А потомъ... но объ этомъ мы успѣемъ потолковать и въ другой разъ: время терпитъ...

Эта формулировка не понравилась „соціалистамъ-революціонерамъ“. Мнѣ сообщали, что одинъ изъ ихъ ораторовъ,—довольно извѣстный *человѣкъ съ невѣрнымп цитатами изъ Маркса и Энгельса*,— пытался публично осмѣять ее на одномъ русскомъ собраніи въ Женевѣ. Прибавляли даже, что его попытка увѣнчалась замѣтнымъ успѣхомъ, что довольно значительная часть присутствовавшихъ на собраніи рукоплескала насмѣшкамъ оратора. Но если черная сотня можетъ наводить трепетъ на общество; если правительству удается вызвать погромы, подобные Кишеневскому, Бакинскому и — совсѣмъ недавнимъ, — Мелитопольскому и Житоморскому, то не доказываетъ-ли это, что революціонная агитація и организація въ народной массѣ до сихъ поръ не приняла достаточно широкихъ размѣровъ? А если это такъ, то не ясно-ли, что люди меня осмѣивавшіе, смѣялись собственно надъ самими собою? Или, можетъ быть, имъ не понравилась то, что я не захотѣлъ сказать, какія задачи выставимъ мы тогда, когда намъ удастся воспитать политическое сознаніе массы? Можетъ быть слова: „время терпитъ“ поняты были ими въ смыслѣ проповѣди политическаго квіетизма? Но какой же квіетизмъ призываетъ къ дѣятельности? И развѣ политическая агитація въ народной массѣ не остается до сихъ поръ важнѣйшимъ родомъ дѣятельности для всякаго серьезнаго революціонера? И что можемъ предпринять мы въ смыслѣ *непосредственнаго* нападенія на царизмъ до тѣхъ поръ, пока наша политическая агитація въ народѣ не приняла достаточно широкихъ размѣровъ? Нѣтъ, по истинѣ надъ самими собою смѣялись мои „соціально-революціонные“ критики!

Что касается собственно организаціоннаго вопроса, то надо признать, что для насъ, соціальдемократовъ, онъ до сихъ поръ остается открытымъ. Пресловутый „планъ Ленина“ не только ничего не *„построилъ“* но, напротивъ, очень многое *разстроилъ*. Да, какъ видно теперь, иначе не могло и быть.

По поводу Ленина я не разъ вспоминалъ анекдотъ, разсказываемый профессоромъ Адлеромъ въ его книгѣ: Geschichte der ersten Socialpolitischen Bewegungen in Deutschland“. Послѣдователи Маркса будто бы просили его написать для нихъ катехизисъ, заключающій въ себѣ изложеніе всѣхъ его взглядовъ, а онъ не только отказывался писать такой катехизисъ, но еще и смѣялся надъ просившими, какъ надъ людьми, ничего не понимавшими въ той самой теоріи, изложенія которой они требовали, Se non — e vero, e bene trovato! *Катехизисъ марксизма* былъ бы произведеніемъ, рѣзко противорѣчащимъ всему духу *ученія Маркса*. Самъ Марксъ, разумѣется, лучше всѣхъ долженъ былъ понимать это. А Ленинъ написалъ для нашихъ практиковъ именно *Катехизисъ*,—правда, не теоретическій, а *организаціонный*. За это многіе изъ нихъ прониклись благоговѣйнымъ уваженіемъ къ нему и провозгласили его *соціальдемократическимъ* Солономъ. Но мысль о томъ, чтобы написать организаціонный катехизисъ для партіи, именующей себя *рабочей* партіей, еще нелѣпѣй, еще уродливѣе, — если это возможно, — чѣмъ мысль о теоретическомъ катехизисѣ марксизма. Теперь кажется, даже *„твердокаменные“* сторонники Ленина *смягчились* въ томъ смыслѣ, что увидѣли несостоятельность его „организаціоннаго плана“. Это не мѣшаетъ имъ по прежнему считать его Солономъ. Это странно, но это уже ихъ дѣло, дѣло ихъ логики, меня здѣсь совсѣмъ не интересующей; я хочу только сказать, что всякія попытки рѣшить у насъ организаціонный вопросъ съ помощью катехизиса, написаннаго тѣмъ или другимъ *“вожакомъ“*, заранѣе обреченъ на неудачу. *Этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ* только опы-

томъ и при томъ опытомъ особаго рода, опытомъ, который получится въ результатѣ твердаго рѣшенія расширить старыя, негодныя рамки нашей партійной организаціи и сдѣлать эту организацію *пролетарской не только на словахъ, но и на дѣлѣ.* Теперь какъ разъ наступило время для такого энергичнаго усилія.

Г. Плехановъ

Женева, 24 мая 1905 г.

Предисловіе.

Предлагаемая брошюра можетъ подать поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ или даже неудовольствіямъ. Лица, сочувствующія направленію „Земли и Воли“ и „Черпаго Передѣла“ (органовъ, въ редактированіи которыхъ я принималъ участіе), могутъ упрекнуть меня въ томъ, что я отступилъ отъ теоріи такъ называемаго народничества. Сторонникамъ другихъ фракцій нашей революціонной партіи можетъ не понравиться моя критика дорогихъ имъ воззрѣній. Считаю нелишнимъ, поэтому, небольшое предварительное объясненіе.

Стремленіе работать *въ народѣ* и для народа, увѣренность въ томъ, что „освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса“ — эта *практическая* тенденція нашего народничества дорога мнѣ по прежнему. *Теоретическія* же его положенія, дѣйствительно, кажутся мнѣ во многихъ отношеніяхъ ошибочными. Годы пребыванія за-границей и внимательнаго изученія соціальнаго вопроса убѣдили меня, что торжество стихійнаго народнаго движенія, въ родѣ бунта Ст. Разина или крестьянскихъ войнъ въ Германіи, не можетъ удовлетворить соціально-политическихъ нуждъ современной Россіи, что старыя формы нашей народной жизни носили въ самихъ себѣ много зародышей своего разложенія, и что онѣ не могутъ „развиться въ высшую коммунистическую форму“ безъ непосредственнаго воздѣйствія на нихъ сильной и хорошо организованной *рабочей* соціалистической партіи. Поэтому я и думаю, что рядомъ съ борьбой противъ абсолютизма русскіе революціонеры должны стремиться, по крайней мѣрѣ, къ выработкѣ элементовъ для созданія та-

кой партіи въ будущемъ. Въ этой созидательной дѣятельности имъ, по необходимости, придется перейти на почву современнаго соціализма, такъ какъ идеалы „Земли и Воли“ не соотвѣтствуютъ положенію промышленныхъ рабочихъ. И это будетъ очень кстати теперь, когда теорія русской самобытности становится синонимомъ застоя и реакціи, а прогрессивные элементы русскаго общества группируются подъ знаменемъ осмысленнаго „западничества“.

Перехожу къ другому пункту моего объясненія. Здѣсь, прежде всего, скажу въ свою защиту, что я касался не лицъ, а мнѣній и что частныя разногласія мои съ той или другой соціалистической группой ни мало не умепьшаютъ моего уваженія ко всѣмъ искреннимъ борцамъ за освобожденіе народа.

Кромѣ того, такъ называемое террористическое движеніе открыло собою новую эпоху въ развитіи нашей революціонной партіи — эпоху *сознательной политической борьбы* съ правительствомъ. Эта перемѣна въ направленіи дѣятельности нашихъ революціонеровъ дѣлаетъ необходимымъ пересмотръ всѣхъ взглядовъ, унаслѣдованныхъ ими отъ предшествующаго періода. Жизнь требуетъ внимательнаго пересмотра всего нашего умственнаго багажа при нашемъ вступленіи на новую почву и я смотрю на свою брошюру, какъ на посильный вкладъ въ это дѣло критики, давно уже начавшееся въ нашей революціонной литературѣ. Читатель не забылъ еще, вѣроятно біографіи А. И. Желябова, заключающей въ себѣ строгую и часто весьма вѣрную критическую оцѣнку программы и дѣятельности кружка *„Земли и Воли“*. Очень можетъ быть, что мои критическія попытки окажутся менѣе удачными, но едва-ли было бы справедливо признать ихъ менѣе своевременными.

Г. П.

Женева, 25 октября 1883 г.

Сборникъ этотъ я посвящаю старому товарищу и другу, Льву Дейчу, опытности и энергіи котораго группа „*Освобожденіе Труда*“ была столь многимъ обязана въ началѣ своей литературной дѣятельности и который заплатилъ 16-лѣтнимъ пребываніемъ въ Сибири за попытку доставить ея изданія на родину.

Г. Плехановъ.

Соціализмъ и политическая борьба.

Всякая классовая борьба есть борьба политическая.
Карлъ Марксъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ русское революціонное движеніе окончательно выступило на путь открытой борьбы съ абсолютизмомъ, вопросъ о политическихъ задачахъ соціалистовъ сдѣлался самымъ насущнымъ, самымъ жгучимъ вопросомъ для нашей партіи. Изъ-за него расходились люди, связанные многими годами совмѣстной практической дѣятельности, изъ-за него распадались цѣлые кружки и организаціи. Можно даже сказать, что всѣ русскіе соціалисты временно раздѣлились на два лагеря, держащіеся діаметрально-противоположныхъ взглядовъ на „политику". Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, дѣло не обошлось безъ крайностей. Одни считали политическую борьбу, чуть-ли не измѣной народному дѣлу, проявленіемъ въ нашей революціонной интеллигенціи буржуазныхъ инстинктовъ, оскверненїемъ чистоты соціалистической программы. Другіе не только признавали необходимость этой борьбы, но и готовы были, въ ея мнимыхъ интересахъ, идти на компромиссы съ либерально-оппозиціонными элементами нашего общества. Нѣкоторые доходили даже до того, что считали вреднымъ для настоящаго времени всякое проявленіе классового антагонизма въ Россіи. Такихъ взглядовъ держался, напр., Желябовъ, которому „русская революція представлялась, по словамъ его біографа, не исключительно въ видѣ освобожденія крестьянскаго или даже(?) рабочаго сословія, а въ видѣ политическаго возрожденія всего русскаго народа вообще"[1]). Другими словами „революціонное движеніе противъ абсолютной монар

[1]) См. брошюру „Андрей Ивановичъ Желябовъ", стр. 110.

хіи сливалось въ его представленіи съ соціально-революціоннымъ движеніемъ рабочаго класса во имя своего экономическаго освобожденія; частная, спеціально-русская задача настоящаго времени заслоняла собою общую задачу рабочаго класса всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Далѣе этого разногласіе идти не могло, и разрывъ сталъ неизбѣженъ.

Время сгладило, однако, крайности и разрѣшило значительную часть спорныхъ вопросовъ въ удовлетворительномъ для обѣихъ сторонъ смыслѣ. Мало по малу всѣ или почти всѣ признали, что начатая политическая борьба должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока широкое освободительное движеніе въ народѣ и обществѣ не разрушитъ зданія абсолютизма, какъ землетрясеніе разрушаетъ курятникъ, если можно употребить здѣсь энергическое выраженіе Маркса. Но очень многимъ изъ нашихъ соціалистовъ борьба-эта до сихъ поръ представляется какимъ-то вынужденнымъ компромиссомъ, временнымъ торжествомъ „практики“ надъ „теоріей“, насмѣшкой жизни надъ безсиліемъ мысли. Сами „политики“, оправдываясь отъ сыпавшихся на нихъ упрековъ, избѣгали всякой апелляціи къ основнымъ положеніямъ соціализма, а ссылались лишь на неотразимыя требованія дѣйствительности. Въ глубинѣ души они и сами, повидимому, вѣрили, что имъ не совсѣмъ къ лицу политическія тенденціи, но утѣшали себя тѣмъ соображеніемъ, что только въ свободномъ государствѣ они могутъ предоставить мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ и, покончивши всякіе счеты съ политикой, всецѣло посвятить себя дѣлу соціализма. Это смутное убѣжденіе приводило иногда къ нелишеннымъ курьеза недоразумѣніямъ. Разбирая рѣчь „русскаго гостя“ на Хурскомъ Конгрессѣ, и пытаясь оправдаться отъ мнимаго упрека въ политиканствѣ, „Народная Воля“ замѣтила, между прочимъ, что ея сторонники не соціалисты и не политическіе радикалы, а просто „народовольцы“. Органъ террористовъ полагалъ, что „на Западѣ“ вниманіе радикаловъ исключительно поглощено

политическими вопросами, а соціалисты, наоборотъ, знать не хотятъ „политики". Всякій, знакомый съ программами западно-европейскихъ соціалистовъ, понимаетъ, конечно, насколько ошибочно такое представленіе по отношенію къ огромному ихъ большинству. Извѣстно, что соціальная демократія Европы и Америки никогда не придерживалась принципа политическаго „воздержанія". Ея сторонники не игнорируютъ „политики". Они только не представляютъ себѣ задачъ соціалистической революціи въ видѣ „возрожденія всего народа вообще". Они стараются организовать рабочихъ въ особую партію, чтобы отдѣлить, такимъ образомъ, эксплуатируемыхъ отъ эксплуататоровъ и дать политическое выраженіе экономическому антагонизму. Откуда же взялась у насъ увѣренность въ томъ, что соціализмъ обусловливаетъ собою политическій индиферентизмъ, — увѣренность, стоящая въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью? У Шиллера Валленштейнъ говоритъ Максу Пикколомини, что человѣческій умъ широкъ, между тѣмъ какъ міръ узокъ, и что поэтому мысли легко уживаются въ первомъ, между тѣмъ какъ вещи рѣзко сталкиваются между собою во второмъ. Должны ли мы сказать про себя, что въ нашемъ мозгу, наоборотъ, не могутъ ужиться рядомъ понятія о такихъ вещахъ, которыя не только прекрасно уживаются на практикѣ, но и вообще немыслимы внѣ взаимной связи? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ нужно, прежде всего, привести въ ясность тѣ представленія о соціализмѣ, которыя существовали у нашихъ революціонеровъ въ эпоху возникновенія въ ихъ средѣ политическихъ тенденцій. Убѣдившись въ томъ, что эти представленія были ошибочными или отсталыми, мы посмотримъ, какое мѣсто отводитъ политической борьбѣ то ученіе, которому даже буржуазные его противники не отказываютъ въ названіи *научнаго соціализма*. Послѣ этого намъ останется только сдѣлать въ нашихъ общихъ выводахъ поправки, неизбѣжныя въ виду тѣхъ или другихъ особенностей современнаго положенія

дѣлъ въ Россіи — и наша тема будетъ исчерпана; политическая борьба рабочаго класса съ врагами, принадлежащими къ той или иной исторической формаціи, окончательно обнаружитъ передъ нами свою связь съ общими задачами соціализма.

I.

Соціалистическая пропаганда оказала огромное вліяніе на весь ходъ умственнаго развитія въ цивилизованныхъ странахъ. Нѣтъ почти ни одной отрасли общественной науки, на которую эта пропаганда не повліяла бы въ томъ или иномъ смыслѣ. Она частью разрушила старые, научные предразсудки, частью превратила ихъ изъ наивнаго заблужденія въ софизмъ. Понятно, что еще сильнѣе должно было отозваться вліяніе соціалистической пропаганды на самихъ сторонникахъ новаго ученія. Всѣ традиціи прежнихъ „политическихъ" революціоперовъ подверглись безпощадной критикѣ, всѣ пріемы общественной дѣятельности были анализированы съ точки зрѣнія „новаго Евангелія". Но такъ какъ дѣло научнаго обоснованія соціализма было закончено лишь съ появленіемъ „Капитала", то понятно, что результаты этой критики далеко не всегда были удовлетворительны. А такъ какъ, съ другой стороны, въ утопическомъ соціализмѣ существовало нѣсколько школъ, почти равносильныхъ по своему вліянію, то мало по малу выработался родъ какого-то средняго соціализма, котораго и придерживались люди, не претендовавшіе на основаніе новой школы и не принадлежавшіе къ числу особенно рьяныхъ сторонниковъ школъ, прежде существовавшихъ. „Этотъ эклектическій соціализмъ представляетъ собою, какъ говоритъ Фр. Энгельсъ — различныхъ оттѣнковъ смѣсь изъ наиболѣе общепризнанныхъ и наименѣе глубокихъ критическихъ замѣчаній, экономическихъ положеній и общественныхъ идеаловъ различныхъ основателей сектъ, смѣсь тѣмъ легче получаемую, чѣмъ скорѣе составныя части ея утрачиваютъ въ потокѣ дебатовъ — какъ камни въ руцѣ — свои острые уг-

лы и грани“ [1]). Этотъ средній соціализмъ, замѣчаетъ тотъ же авторъ, господствуетъ до сихъ поръ въ головахъ большинства рабочихъ въ Англіи и Франціи.[2]) Мы, русскіе, могли бы прибавить, что такая же точно смѣсь господствовала въ половинѣ семидесятыхъ годовъ въ умахъ нашихъ соціалистовъ и представляла тотъ общій фонъ, на которомъ выдѣлились два крайнія направленія: такъ называемыхъ „впередовцевъ“ и „бакунистовъ“. Первые склонялись къ нѣмецкой соціаль-демократіи, вторые представляли собою русское изданіе анархической фракціи интернаціонала. Расходясь между собою въ очень многомъ, почти во всемъ, оба направленія сходились — какъ это ни странно сказать — въ отрицательномъ отношеніи къ „политикѣ“. И нужно сознаться, что анархисты были, въ этомъ отношеніи, послѣдовательнѣе русскихъ соціаль-демократовъ того времени.

Съ анархической точки зрѣнія политическій вопросъ является пробнымъ камнемъ всякой рабочей программы. Анархисты не только отрицаютъ всякія сдѣлки съ современнымъ государствомъ, но исключаютъ изъ своихъ представленій о „будущемъ обществѣ“ все, что напоминаетъ такъ или иначе государственную идею. „Автономная личность въ автономной общинѣ“ — таковъ былъ и есть девизъ всѣхъ послѣдовательныхъ сторонниковъ этого направленія. Извѣстно, что родоначальникъ его, Прудонъ, поставилъ себѣ, въ своемъ органѣ „La voix du peuple“, весьма скромную задачу „сдѣлать по отношенію къ идеѣ правительства (которую онъ смѣшивалъ съ государственной идеей) то же, что сдѣлалъ Кантъ по отношенію къ идеѣ религіозной“ [3]), и дошелъ въ своемъ государственномъ рвеніи до того, что объя-

[1]) См. Entwicklung des Socialismus, s. 18.

[2]) Прим. ко 2-му изданію. Теперь во Франціи окончательно восторжествовалъ марксизмъ, основныя положенія котораго признаются, въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ, даже „оппортюнистами“ въ лагери Жореса.

[3]) См. Confession d'un révolution-naire, Préface, p. 4.

вить самаго Аристотеля „скептикомъ въ вопросѣ о государствѣ“ [1]). Рѣшеніе поставленной имъ себѣ задачи было очень просто и вытекало, если угодно, совершенно логично изъ экономическихъ ученій французскаго Канта. Прудонъ никогда не могъ представить себѣ экономическаго строя будущаго иначе, какъ въ формѣ товарнаго производства, исправленнаго и дополненнаго новой, „справедливой“ формой обмѣна на началахъ „конституированной стоимости“. При всей „справедливости“ этой новой формы обмѣна, она не исключаетъ, разумѣется, ни купли, ни продажи, ни договорныхъ обязательствъ, сопровождающихъ товарное производство и обращеніе. Всѣ эти сдѣлки предполагаютъ, конечно, различные договоры, которыми и опредѣляются взаимныя отношенія обмѣнивающихся сторонъ. Но въ современномъ обществѣ „договоры“ основываются на общихъ правовыхъ нормахъ, обязательныхъ для всѣхъ гражданъ и охраняемыхъ государствомъ. Въ „будущемъ обществѣ“ дѣло должно будетъ происходить иначе. Революція должна была, по мнѣнію Прудона, уничтожить „законы“, оставляя одни „договоры“. „Не нужно законовъ, вотированныхъ большинствомъ или единогласно — говоритъ онъ въ своей „Idée générale de la Révolution au XIX siècle“ —каждый гражданинъ, каждая коммуна и корпорація установитъ свои особые законы“ (p. 259). При такомъ взглядѣ на дѣло, политическая про-

---

[1]) До какой степени Аристотель былъ „скептикомъ въ вопросѣ о государствѣ“, видно изъ первой главы первой книги его „*Политики*“, гдѣ онъ говоритъ, что „государство есть самая законченная форма общественности“; что цѣль его есть „высшее благо“, и что поэтому оно оказывается явленіемъ „естественнымъ въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова, а человѣкъ есть животное, самой природой предназначенное къ государственной формѣ общественности“, B. I, C. I §§ I — XI нѣмецкаго изданія Бекемиля 1879 года. Авторъ „Политики“ такъ же „скептично“ относится къ государству, какъ Прудонъ къ товарному производству; первый не могъ представить себѣ иной, высшей формы общественности, второй не подозрѣвалъ, что продукты могутъ распредѣляться между членами общества, не являясь въ видѣ товаровъ.

грамма пролетаріата упрощалась до послѣдней возможности. Государство, признающее лишь общіе и обязательные для всѣхъ гражданъ законы, не могло служить даже средствомъ для достиженія соціалистическихъ идеаловъ. Пользуясь имъ для своихъ цѣлей, соціалисты лишь укрѣпляютъ то зло, съ искорененія котораго должна начаться „соціальная ликвидація". Государство должно „разложиться", открывая, такимъ образомъ, „каждому гражданину, каждой коммунѣ и корпораціи" полную свободу издавать "свои собственные законы" и заключать необходимые для нихъ „договоры". Если же анархисты не будутъ терять времени въ періодъ „ликвидаціи", то „Договоры" ихъ будутъ заключены въ духѣ „Системы экономическихъ противорѣчій", и торжество „Революціи" будетъ обезпечено.

Задача русскихъ анархистовъ упрощалась еще болѣе. „Разрушеніе государства" (занявшее мало по малу въ анархической программѣ мѣсто рекомендованнаго Прудономъ его „разложенія") должно было расчистить путь для развитія „идеаловъ" русскаго народа. А такъ какъ въ этихъ „идеалахъ" общинное земледѣліе и артельная организація промысловъ занимаетъ очень видное мѣсто, то предполагалось, что „автономные" россіяне демократическаго происхожденія будутъ заключать свои „договоры" уже не въ духѣ прудоновской взаимности, а скорѣе въ духѣ аграрнаго коммунизма. Какъ „прирожденный соціалистъ", русскій народъ не замедлитъ понять, что одно общинное владѣніе землею и орудіями производства не гарантируетъ еще желаннаго „равенства", и вынужденъ будетъ взяться за организацію „автономныхъ общинъ" на совершенно коммунистическихъ основаніяхъ.

Впрочемъ, русскіе анархисты—по крайней мѣрѣ анархисты такъ называемаго „бунтарскаго" оттѣнка — мало задумывались объ экономическихъ послѣдствіяхъ проповѣдуемой народной революціи. Они считали своею обязанностью устранить тѣ общественныя условія, которыя мѣшали, по ихъ мнѣ-

пію, нормальному развитію народной жизни; но они не спрашивали себя о томъ, по какому пути пойдетъ это развитіе, освободившись отъ внѣшнихъ препятствій. Что эта своеобразная передѣлка на революціонный фасонъ знаменитаго девиза манчестерской школы: laissez faire laissez passer, исключала всякую возможность серьезной оцѣнки современнаго состоянія нашей общественно-экономической жизни и уничтожала всякій критерій для опредѣленія самаго понятія о „нормальномъ“ ходѣ ея развитія—этого также не подозрѣвали ни„ бунтари“, ни появившіеся впослѣдствіи „народники“. При томъ же, подобная оцѣнка была бы совершенно безнадежной попыткой до тѣхъ поръ, пока исходной точкой разсужденій нашихъ революціонеровъ оставались ученія Прудона. Слабѣйшею частью этихъ ученій, пунктомъ ихъ логическаго грѣхопаденія, является понятіе о товарѣ и мѣновой стоимости, т. е. именно тѣ посылки, на основаніи которыхъ только и можно сдѣлать правильное заключеніе о взаимныхъ отношеніяхъ производителей въ экономической организаціи будущаго. Съ точки зрѣнія прудоновскихъ теорій не имѣетъ никакой особенной важности то обстоятельство, что современное русское общинное землевладѣніе отнюдь не исключаетъ товарнаго производства. Прудонистъ понятія не имѣетъ о „внутренней, неизбѣжной діалектикѣ“, превращающей товарное производство, на извѣстной стадіи его развитія, въ — капиталистическое[1]). Его русскому кузэну и въ голову не приходило, поэтому, спросить себя, достаточно-ли разъединенныхъ усилій „автономныхъ“ лицъ, коммунъ и корпорацій для борьбы съ этой тенденціей товарнаго производства, грозящей спабдить въ одинъ прекрасный день нѣкоторую часть „прирожденныхъ“ коммунистовъ „благопріобрѣтенными“ капиталами и превратить ихъ въ эксплуататаровъ остальной массы населенія. Анархистъ отрицаетъ созидающую роль государства

[1]) См. Das Kapital, 2 Auflage, s. s. 607 — 8.

въ соціалистической революціи именно потому, что не понимаетъ задачъ и условій этой революціи.

Мы не можемъ вступать здѣсь въ подробный разборъ ни анархизма вообще, ни „бакунизма“ въ частности [1]). Мы хотимъ лишь обратить вниманіе нашихъ читателей на то обстоятельство, что какъ Прудонъ, такъ и русскіе анархисты были, съ своей точки зрѣнія, вполнѣ правы, возводя „политическое невмѣшательство“ въ основной догматъ своей практической программы. Соціально-политическій складъ русской жизни, казалось, въ особенности оправдывалъ обязательное для всѣхъ анархистовъ отрицаніе „политики“. Прежде чѣмъ выступить на поприще политической агитаціи, русскій „*обыватель*“ долженъ превратиться въ *гражданина* т. е. завоевать себѣ хоть какія нибудь политическія права, а прежде всего, разумѣется, право думать что хочетъ и говорить что думаетъ. Такая задача сводится на практикѣ къ „политической революціи“, а опытъ западной Европы ясно „показалъ“ всѣмъ анархистамъ, что такія революціи никакой пользы народу не принесли, не принесутъ и принести не могутъ. Соображеніе же о необходимости политическаго воспитанія народа путемъ уча-

[1]) Напомнимъ только читателю возраженіе, сдѣланное Прудону Риттингаузеномъ. „Власть, правительство со всѣми его формами, — говорилъ неутомимый пропагандистъ теоріи прямаго народнаго законодательства, — представляютъ собою лишь *виды* того *рода*, который называется: *Вмѣшательство общества въ отношенія людей къ вещамъ, а черезъ посредство вещей — и другъ къ другу*... И вызываю г. Прудона бросить мнѣ въ лицо, какъ результатъ его умственной работы, слѣдующее заключеніе: нѣтъ, не нужно такого вмѣшательства общества въ отношенія людей, къ вещамъ и другъ къ другу!“ См. Législation directe par le peuple et ses adversaires, p. 194—195. Риттингаузенъ думалъ, что „поставить вопросъ такимъ образомъ — значитъ рѣшить его“, такъ какъ „г. Прудонъ самъ признаетъ *необходимость такого вмѣшательства*“. Но онъ не предвидѣлъ, что ученики пойдутъ дальше учителя, и что теорія анархіи выродится, наконецъ, въ теорію „соціальнаго аморфизма“. Современные анархисты не признаютъ никакого вмѣшательства общества въ отношенія индивидуумовъ, какъ они неоднократно заявляли это на страницахъ нѣкоторыхъ своихъ органовъ.

стія его въ общественной жизни своей страны, не могло имѣть мѣста уже потому, что анархисты считаютъ, какъ мы видѣли, такое участіе не воспитаніемъ, а развращеніемъ народныхъ массъ: оно развиваетъ въ нихъ „вѣру въ государство", а слѣдовательно и тенденцію къ государственности или, какъ сказалъ бы покойный М. А. Бакунинъ, „заражаетъ его официально-общественнымъ ядомъ, и, во всякомъ случаѣ, отвлекаетъ его хоть на малое время отъ единственно плодотворнаго и спасительнаго дѣла — отъ бунта"[1]. При томъ же, по философіи исторіи нашихъ „бунтарей" выходило, что русскій народъ цѣлымъ рядомъ крупныхъ и мелкихъ движеній доказалъ свои антигосударственныя наклонности, а потому и можетъ считаться достаточно зрѣлымъ въ политическомъ отношеніи. Поэтому, прочь всякое „политиканство"! Поможемъ народу въ его антигосударственной борьбѣ, сольемъ въ одинъ революціонный потокъ его разрозненныя усилія — и тогда неуклюжее зданіе государства развалится въ прахъ, открывая своимъ паденіемъ новую эру соціальной свободы и экономическаго равенства! Въ этихъ немногихъ словахъ выражалась вся программа нашего „бунтарства".

Въ этомъ бѣгломъ обзорѣ программъ различныхъ фракцій русскихъ революціонеровъ мы не должны упускать изъ виду, что взгляды, съ точки зрѣнія которыхъ „всякія конституціи" являлись, по выраженію стараго Ф. Г. Якоби, линіи болѣе или менѣе невыгодной сдѣлкой съ чертомъ — такіе взгляды, говоримъ мы, были свойственны не однимъ народникамъ и анархистамъ. Если читателю извѣстна полемика Фр. Энгельса съ П. Ткачевымъ[2]), то онъ вѣроятно помнитъ, что редакторъ „Набата", расходясь съ бакунистами по вопросу о практической борьбѣ, совершенно сходился съ ними въ основныхъ взглядахъ на соціально-политическое положеніе нашего отечества. Онъ разсматривалъ его

---

[1]) См. письмо интересную и характерную для міросозерцанія М. А. Бакунина „Наука и насущное революціонное дѣло".

[2]) См. „Offener Brief an Herrn F. Engels.

черезъ ту-же призму русской самобытности и „прирожденныхъ коммунистическихъ наклонностей русскаго народа[1]). Какъ истинный блапкистъ, онъ не отрицалъ, разумѣется, „политики", но понималъ ее исключительно въ формѣ заговора съ цѣлью захвата государственной власти. Эта цѣль занимала, повидимому, все поле зрѣнія нашихъ тогдашнихъ блапкистовъ и приводила ихъ ко многимъ противорѣчіямъ. Оставаясь послѣдовательными, они должны были признать, что дѣятельность ихъ можетъ быть полезна дѣлу прогресса лишь въ томъ исключительномъ случаѣ, когда направляемый ими ударъ ни на волосъ не минуетъ своей цѣли. Если задуманный захватъ власти не удастся, если заговоръ будетъ открытъ или революціонное правительство будетъ низвергнуто либеральной партіей, то русскій народъ не только ничего не выиграетъ, но, напротивъ, рискуетъ очень много потерять. Въ особенности гибельнъ послѣдній изъ предположенныхъ случаевъ. Либералы создадутъ сильное правительство, борьба съ которымъ будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ борьба противъ современной „абсолютно-нелѣпой и нелѣпо-абсолютной" монархіи; а „огонь экономическаго прогресса" разрушитъ коренныя основы народной жизни. Подъ его вліяніемъ, разовьется обмѣнъ, упрочится капитализмъ, уничтожится самый принципъ общины", словомъ рѣка временъ унесетъ тотъ камень, съ котораго рукой подать до коммунистическаго неба. Въ случаѣ неудачи, русскіе блапкисты должны были нанести страшный вредъ дѣлу народнаго освобожденія и попадали, такимъ образомъ, въ трагическое положеніе Вильгельма Телля, рисковавшаго жизнью собственнаго сына. Но такъ какъ они едва ли отличались ловкостью мифическаго швейцарскаго „крамольника", то русскій народъ не крикнулъ бы имъ:

Стрѣляй! я не боюсь!

[1]) Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ лишь сравнить напечатанное „Письмо къ Фр. Энгельсу" съ цитированной выше брошюрой **М. А. Бакунина.**

если бы усвоилъ ихъ взглядъ на „коренныя основы“ своей жизни и былъ приглашенъ высказать свое мнѣніе объ ихъ программѣ.

Такая узкая и безнадежная философія русской исторіи должна была логически вести къ тому поразительному выводу, что экономическая отсталость Россіи является надежнѣйшимъ союзникомъ революціи, а застой долженъ красоваться въ качествѣ перваго и единственнаго параграфа нашей „программы-минимумъ“. „Каждый день приноситъ намъ новыхъ враговъ, создаетъ новые враждебные намъ общественные, факторы“—читаемъ мы въ первомъ, ноябрскомъ номерѣ „Набата“ за 1875 годъ. „Огонь подбирается и къ нашимъ государственнымъ формамъ. Теперь онѣ мертвы, безжизненны. Экономическій прогрессъ пробудитъ въ нихъ жизнь, вдохнетъ въ нихъ новый духъ, дастъ имъ силу и крѣпость, которыхъ пока еще въ нихъ нѣтъ“, и т. д. Но если Іисусу Навину удалось, по библейскому разсказу, остановить солнце „на десять степеней“, то время чудесъ прошло, и нѣтъ ни одной партіи, которая могла бы крикнуть: „стойте производительныя силы, не шевелись капитализмъ!“ Исторія также мало обращаетъ вниманія на опасенія революціонеровъ, какъ и на реакціонныя іереміады. „Экономическій прогрессъ“ дѣлаетъ свое дѣло, не дожидаясь того времени, когда анархисты или бланкисты осуществятъ свои намѣренія. Каждая фабрика, основанная въ Петербургѣ, каждый лишній „работничекъ“, принанятый ярославскимъ кустаремъ, усиливаетъ роковое будто бы для революціи „пламя прогресса“, а слѣдовательно и уменьшаетъ вѣроятность народнаго торжества. Можно ли назвать революціоннымъ такой взглядъ на взаимное отношеніе различныхъ общественныхъ силъ въ Россіи? Мы думаемъ, что нѣтъ. Чтобы сдѣлаться революціонерами по существу, а не по названію, русскіе анархисты, народники и бланкисты должны были, прежде всего, революціонизировать свои собственныя головы, а для этого имъ нужно было научиться понимать ходъ историческаго развитія и стать

во главѣ его, а не упрашивать старуху-исторію потоптаться на одномъ мѣстѣ, пока они проложатъ для нея новые, болѣе прямые и торные пути.

Кружокъ „впередовцевъ“ понималъ незрѣлость и ошибочность вышеизложенныхъ воззрѣній, и было время, когда онъ могъ получить преобладающее умственное вліяніе въ нашей революціонной средѣ. Это было именно то время, когда практическій опытъ порядкомъ таки поистрепалъ основы стараго, анархическаго народничества, и всѣ его сторонники чувствовали, что ихъ программа нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ. Тогда послѣдовательная критика всѣхъ ея теоретическихъ и практическихъ положеній могла сдѣлать приближающійся переломъ въ движеніи еще болѣе рѣшительнымъ и безповоротнымъ. За такую критику удобнѣе всего было взяться именно „впередовцамъ“, которые, стоя почти цѣликомъ на точкѣ зрѣнія соціалъ-демократіи, были совершенно свободны отъ всѣхъ народническихъ традицій. Но, чтобы имѣть успѣхъ, критика ихъ должна была *не осуждать, а выяснять и обобщать* тѣ насущныя потребности русской жизни, которыя все болѣе и болѣе толкали нашихъ революціонеровъ на путь политической борьбы. Между тѣмъ „впередовцы“ отрицали „политику“ также рѣшительно, какъ и анархисты. Они не думали, правда, что соціализмъ не совмѣстимъ со вмѣшательствомъ въ политическую жизнь буржуазнаго государства, и вполнѣ оправдывали программу западно-европейской соціалъдемократіи. Но они полагали, что возможность открытой организаціи рабочаго класса въ особую политическую партію куплена въ современномъ „правовомъ“ государствѣ слишкомъ дорогою цѣной: окончательнымъ торжествомъ буржуазіи и соотвѣтствующимъ эпохѣ капитализма ухудшеніемъ положенія рабочихъ. Они забывали, что при оцѣнкѣ этого положенія нужно принимать во вниманіе не только распредѣленіе національнаго дохода, но и *всю организацію производства и обмѣна*, не только *среднее количество* потребляемыхъ рабочимъ продуктовъ, но и самый *видъ*, который принимаютъ эти

продукты [1]), не только *степень* эксплуатаціи, но — и въ особенности — *ея форму*, не только *фактъ порабощенія* рабочихъ массъ, но и также и тѣ *нуги* и *понятія*, которыя зарождаются и могутъ зародиться въ головѣ рабочаго подъ вліяніемъ этого факта [2]). Они едва ли согласились бы съ тѣмъ, что фабричный рабочій долженъ оказаться воспріимчивѣе къ соціализму, чѣмъ временно-обязанный крестьянинъ; тѣмъ менѣе признали бы они, что переходъ, напр., отъ натуральнаго хозяйства къ денежному увеличиваетъ возможность сознательнаго движенія рабочихъ массъ во имя своего экономическаго освобожденія. Философско-историческая часть ученія Маркса осталась для нихъ непрочитанною главою любимой книги: они слишкомъ вѣрили во всемогущее вліяніе своей пропаганды, чтобы искать для нея опоры въ объективныхъ условіяхъ общественной жизни. И, подобно соціалистамъ утопическаго періода, они сводили къ этой пропагандѣ всю дальнѣйшую исторію своей страны вплоть до соціальнаго переворота. При такой постановкѣ вопроса они могли, вмѣстѣ съ анархистами, сказать, пародируя извѣстную фразу Прудона — la révolution est au-dessus de la politique. Но именно потому они и не могли вывести наше движеніе изъ той мертвой точки, въ которую оно попало въ концѣ семидесятыхъ годовъ, благодаря отрицанію всякой политической борьбы, съ одной стороны, и невозможности создать, при современныхъ политическихъ условіяхъ, сколько-нибудь сильную рабочую партію — съ другой.

Честь сообщенія новаго размаха нашему движенію безспорно принадлежитъ „Народной Волѣ“. У всѣхъ еще на памяти тѣ нападенія, которыя вы-

---

[1]) Т. е. являются ли они въ видѣ товаровъ или непосредственно потребляются семьею производителя, его господиномъ или, наконецъ, государствомъ, не являясь вовсе на рынокъ.

[2]) Просимъ имѣть въ виду, что мы говоримъ не о редакціи журнала „Впередъ“, а о дѣйствовавшихъ въ Россіи сторонникахъ этого органа.

звали противъ себя тенденціи народовольцевъ. Пишущій эти строки самъ принадлежалъ къ числу рѣшительныхъ противниковъ этого направленія, и хотя совершенно признаетъ теперь, что борьба за политическую свободу стала злобою дня современной Россіи, но до сихъ поръ раздѣляетъ далеко не всѣ взгляды, высказывавшіеся въ „народовольческихъ" изданіяхъ. Это не мѣшаетъ ему, однако, признать, что въ спорахъ, происходившихъ въ организаціи „Земли и Воли" около времени ея распаденія, народовольцы были совершенно правы, пока они оставались на почвѣ нашего практическаго опыта. Этотъ опытъ и тогда уже приводилъ къ поразительнымъ и совершенно неожиданнымъ выводамъ, хотя мы и не смѣли сдѣлать ихъ именно вслѣдствіе ихъ неожиданности. Попытки практической борьбы „противъ государства" въ сущности и тогда уже должны были навести на ту мысль, что русскій „бунтарь" непреодолимою силою обстоятельствъ вынужденъ направлять свою агитацію не противъ государства вообще, а только противъ *абсолютнаго* государства, воевать не съ государственной, а съ бюрократической идеей, не во имя полнаго экономическаго освобожденія народа, а во имя устраненія тѣхъ тягостей, которыми обременяетъ народъ самодержавное императорство. Конечно, аграрный вопросъ лежалъ въ основаніи всѣхъ или почти всѣхъ проявленій народнаго недовольства. Иначе и быть не могло въ средѣ земледѣльческаго населенія, гдѣ „власть земли" сказывается рѣшительно во всемъ складѣ и нуждахъ частной и общественной жизни. Этотъ аграрный вопросъ настойчиво требовалъ своего разрѣшенія, но онъ не вызывалъ *политическаго* недовольства. Крестьяне съ спокойною увѣренностью ожидали рѣшенія этого вопроса сверху; они „бунтовались" не во имя земельнаго передѣла, а противъ притѣсненій администраціи, противъ непомѣрныхъ тягостей податной системы, противъ азіатскаго способа взысканія недоимокъ и т. д., и т. д. Формулой, обобщавшей большую часть случаевъ активнаго протеста, явля-

лось „правовое государство“, а не „Земля и Воля“, какъ намъ всѣмъ казалось въ то время. Но если это было такъ и если революціонеры считали своею обязанностью принимать участіе въ разрозненной и неосмысленной борьбѣ отдѣльныхъ общинъ противъ абсолютной монархіи, то не пора ли было имъ понять смыслъ своихъ собственныхъ усилій и направить ихъ съ большею цѣлесообразностью? Не пора ли имъ было призвать въ этой борьбѣ всѣ прогрессивныя, живыя силы Россіи и, найдя для нея наиболѣе общее выраженіе, атаковать абсолютизмъ въ самомъ центрѣ его организаціи? Отвѣчая утвердительно на эти вопросы, „народовольцы“ только подводили итогъ революціонному опыту предшествующихъ лѣтъ; поднимая знамя политической борьбы, они только не пугались этихъ итоговъ и сознательно продолжали идти по дорогѣ, на которую мы выступили, имѣя ошибочное понятіе объ ея направленіи. „Терроризмъ“ совершенно логически выросъ изъ нашего „бунтарства“.

Но съ появленіемъ II. В. логическое развитіе нашего революціоннаго движенія переходило уже въ тотъ фазисъ, въ которомъ оно не могло болѣе удовлетвориться народническими теоріями добраго стараго,—т. е. чуждаго политическихъ интересовъ,—времени. Примѣры переростанія теоріи практикой очень не рѣдки въ исторіи человѣческой мысли вообще и революціонной мысли въ частности. Внося то или другое измѣненіе въ свою тактику, подвергая тѣмъ или другимъ передѣлкамъ свою программу, революціонеры часто и не подозрѣваютъ, какому серьезному испытанію подвергаютъ они общепризнанныя въ ихъ средѣ ученія. Многіе изъ нихъ такъ и умираютъ въ тюрьмахъ или на висѣлицахъ, вполнѣ увѣренные въ томъ, что они дѣйствовали въ духѣ именно этихъ ученій, между тѣмъ какъ въ сущности они были представителями новыхъ тенденцій, возникшихъ на почвѣ старыхъ теорій, но уже переросшихъ ихъ и готовыхъ найти новое теоретическое выраженіе. Такъ было и у насъ съ тѣхъ поръ, какъ окрѣпло

„народовольческое“ направленіе. Съ точки зрѣнія старыхъ народническихъ теорій направленіе это не выдерживало критики. Народничество стояло въ рѣзкомъ отрицательномъ отношеніи ко всякой государственной идеѣ: народовольцы разсчитывали осуществить свои соціально-реформаторскіе планы съ помощью государственной машины. Народничество открещивалось отъ всякой „политики“; народовольцы видѣли въ „демократическомъ политическомъ переворотѣ“ самое надежное „средство соціальной реформы“. Народничество основывало свою программу на такъ называемыхъ „идеалахъ“ и требованіяхъ крестьянскаго населенія: народовольцы должны обращаться, главнымъ образомъ, къ городскому и промышленному населенію, а слѣдовательно и отвести интересамъ этого населенія несравненно болѣе широкое мѣсто въ своей программѣ. Словомъ, въ дѣйствительности „народовольство“ было новымъ и всесторонннимъ отрицаніемъ народничества, и пока спорящія стороны апеллировали къ основнымъ положеніямъ послѣдняго, „новаторы“ были совершенно неправы: ихъ практическая дѣятельность стояла въ непримиримомъ противорѣчіи съ ихъ теоретическими взглядами. Нужень былъ полный пересмотръ этихъ взглядовъ, чтобы придать программѣ „Народной Воли“ характеръ цѣльности и послѣдовательности: практическая революціонная дѣятельность ея сторонниковъ должна была, по крайней мѣрѣ, *сопровождаться* теоретической революціей въ умахъ нашихъ соціалистовъ; взрывая Зимній дворецъ, нужно было вмѣстѣ съ тѣмъ взорвать и наши старыя анархическія и народническія традиціи. Но „ходъ идей“ и здѣсь отсталъ отъ „хода вещей“, и пока еще трудно предвидѣть, когда онъ, наконецъ, его нагонитъ. Не рѣшаясь разорвать съ народничествомъ, новая фракція необходимо должна была прибѣгать къ фикціямъ, приносящимъ съ собою хоть какую-нибудь разрѣшеніе присущихъ ея программѣ противорѣчій. Идея русской самобытности получила новую переработку, и если пре-

гдѣ она вела къ полному отрицанію политики, то теперь оказывалось, что самобытность русскаго общественнаго развитія именно въ томъ и заключается, что экономическіе вопросы рѣшались и должны рѣшаться у насъ путемъ государственнаго вмѣшательства. Весьма распространенное у насъ въ Россіи незнакомство съ экономической исторіей Запада способствовало тому, что подобнаго рода „теоріи“ никого не приводили въ изумленіе. Періодъ капиталистическаго накопленія въ Россіи противопоставлялся періоду капиталистическаго производства на Западѣ, и неизбѣжное несходство этихъ двухъ фазисовъ развитія экономической жизни приводилось, какъ убѣдительнѣйшее доказательство, во первыхъ, нашей самобытности, а во вторыхъ, обусловленной этой самобытностью цѣлесообразности „народовольческой программы“.

Нужно-ли прибавлять, что наши революціонные писатели, какъ и большинство русскихъ писателей вообще, смотрѣли на „Западъ“ съ точки зрѣнія еврейскаго мальчика въ извѣстномъ разсказѣ Вейнберга? Бѣдному школьнику весь свѣтъ казался подраздѣленнымъ на двѣ равныя части: „Россію и за-границу“, при чемъ достойныя вниманія черты различія существовали для него лишь между этими „половинами“ земного шара,—„заграница“ же представлялась ему совершенно однообразнымъ цѣлымъ. Русскіе „самобытные“ писатели сдѣлали въ этой остроумной географической классификаціи лишь одно нововведеніе: они подраздѣлили „за-границу“ на Востокъ и Западъ и, не долго думая, принялись сравнивать этотъ послѣдній съ нашей „громкой державой“, игравшей при этомъ роль какой-то „Срединной Имперіи“. Историческое развитіе Италіи отождествлялось, такимъ образомъ, съ историческимъ развитіемъ Франціи, въ экономической политикѣ Англіи не усматривалось никакой разницы съ экономической политикой Пруссіи, дѣятельность Кольбера валилась въ одну кучу съ дѣятельностью Ричарда Кобдена, своеобразно-“патріотическая“ физіономія

Фридриха Листа терялась въ толпѣ „западно-европейскихъ“ политико-экономиковъ, старавшихся, по совѣту Горго, „забыть, что существуютъ на свѣтѣ государства, раздѣленныя границами и различно организованныя“. Какъ всѣ кошки въ темнотѣ кажутся сѣрыми и совершенно походятъ другъ на друга, такъ и общественныя отношенія различныхъ государствъ „Запада“ утрачивали всякія несходства при отраженномъ свѣтѣ нашей самобытности. Очевидно было одно: „Франки“ давно уже „обуржуазились“, между тѣмъ какъ „храбрые Россы“ сохранили невинность „первыхъ человѣковъ“ и, въ качествѣ избраннаго народа, идутъ самобытнымъ путемъ къ своему спасенію. Чтобы достигнуть обѣтованной земли имъ нужно лишь неуклонно держаться этой стези самобытности и не удивляться тому, что программы русскихъ соціалистовъ стоятъ въ противорѣчіи съ научными положеніями западно-европейскаго соціализма, а иногда и со своими собственными посылками!

Типическимъ образчикомъ фикцій, наскоро придуманныхъ для соглашенія практической программы „Народной Воли“ съ народническими теоріями, было извѣстное пророчество о томъ, что въ будущемъ русскомъ Учредительномъ Собраніи 90% депутатовъ явятся сторонниками соціальной революціи, если только мы добьемся всеобщаго избирательнаго права. Здѣсь теорія нашей самобытности дошла уже до Геркулесовыхъ столбовъ, за которыми ей грозила гибель со стороны самаго простого здраваго смысла. Народники „старой вѣры“, твердо держась догмата „самобытности“, допускали, все-таки, что эта самобытность нуждается еще въ нѣкоторой окончательной отдѣлкѣ. Одни находили, что у русскаго народа находится еще въ слишкомъ зачаточномъ состояніи бугоръ... виноваты! — чувство храбрости и независимости, другіе стремились къ тому, чтобы реализовать самобытное настроеніе русскаго народа въ видѣ не менѣе самобытной революціонной организаціи. Но

всѣ одинаково признавали необходимость предварительной работы въ народѣ. Народовольцы пошли далѣе. Въ передовыхъ статьяхъ первыхъ-же №№ своего журнала они стали развивать ту мысль, что такая работа, во первыхъ, безплодна („биться въ народъ, какъ рыба объ ледъ"), а во вторыхъ, и излишня, потому что 90% депутатовъ, сочувствующихъ соціальной революціи, болѣе чѣмъ достаточно для осуществленія стремленій русскихъ народниковъ. Программа „Народной Воли" не могла придать себѣ народническаго характера иначе, какъ доводя до абсурда всѣ характеристическія особенности народническаго міросозерцанія.

Въ этомъ заключается отрицательная заслуга народовольческихъ фикцій. Онѣ будили критическую мысль русскихъ революціонеровъ, представляя имъ въ утрированномъ видѣ „самобытныя" черты ихъ народнической программы. Но едва-ли можно даже заводить рѣчь о положительной заслугѣ этихъ фикцій. Онѣ укрѣпляли временно энергію бойцовъ, нуждавшихся въ теоретическомъ обоснованіи своей практической дѣятельности, но сшитыя на живую нитку, онѣ не выдерживали ни малѣйшаго прикосновенія серьезной критики, и своимъ паденіемъ компрометировали дѣло борьбы, которая велась подъ ихъ знаменемъ. Нанеся своею практическою дѣятельностью смертельный ударъ всѣмъ традиціямъ правовѣрнаго народничества и сдѣлавши такъ много для развитія революціоннаго движенія въ Россіи, Народная Воля не можетъ найти себѣ оправданія, да и не должна искать его, помимо современнаго научнаго соціализма. Но чтобы стать на эту новую точку зрѣнія, она должна подвергнуть очень серьезному пересмотру свою программу, такъ какъ теоретическіе промахи и пробѣлы этой программы не могли не придать ей извѣстной практической односторонности.

Прежде чѣмъ говорить, въ какомъ смыслѣ долженъ быть предпринятъ этотъ пересмотръ, поста-

раемся, — согласно нашему плану, — выяснить отношеніе научнаго соціализма къ политическимъ движеніямъ рабочаго класса.

II.

Но что такое научный соціализмъ? Подъ этимъ именемъ мы разумѣемъ то коммунистическое ученіе, которое начало вырабатываться въ началѣ сороковыхъ годовъ изъ утопическаго соціализма подъ сильнымъ вліяніемъ гегелевской философіи, съ одной стороны, и классической экономіи — съ другой; то ученіе, которое впервые дало реальное объясненіе всему ходу развитія человѣческой культуры, безжалостно разрушило софизмы теоретиковъ буржуазіи и „во всеоружіи знанія своего вѣка“ выступило на защиту пролетаріата. Это ученіе не только съ полною ясностью показало всю научную несостоятельность противниковъ соціализма, но, указывая ошибки, оно въ тоже время давало имъ историческое объясненіе и такимъ образомъ, какъ сказалъ нѣкогда Гаймъ о философіи Гегеля, „привязывало къ своей тріумфальной колесницѣ каждое побѣжденное имъ мнѣніе“. Какъ Дарвинъ обогатилъ біологію поразительно простой и вмѣстѣ съ тѣмъ строго-научной теоріей происхожденія видовъ, такъ и основатели научнаго соціализма показали намъ въ развитіи производительныхъ силъ и въ борьбѣ этихъ силъ противъ отсталыхъ „общественныхъ условій производства“ великій принципъ измѣненія *видовъ общественной организаціи*. Едва ли нужно говорить, кого считаемъ мы основателями этого соціализма. Заслуга эта безспорно принадлежитъ Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу, ученіе которыхъ именно такъ относится къ современному революціонному движенію въ цивилизованномъ человѣчествѣ, какъ относилась когда-то, по словамъ одного изъ нихъ, передовая нѣмецкая философія къ освободительному движенію въ Германіи: оно составляетъ его *голову*, между тѣмъ какъ пролетаріатъ составляетъ его *сердце*. Но само собою разумѣется, что

развитіе научнаго соціализма еще не закончено и также мало можетъ остановится на трудахъ Энгельса и Маркса, какъ теорія происхожденія видовъ могла считаться окончательно выработанной съ выходомъ въ свѣтъ главныхъ сочиненій англійскаго біолога. За установленіемъ основныхъ положеній новаго ученія должна послѣдовать детальная разработка относящихся къ нему вопросовъ, разработка, дополняющая и завершающая переворотъ, совершенный въ наукѣ авторами „Коммунистическаго Манифеста“.[1]) Нѣтъ ни одной отрасли соціологіи, которая не пріобрѣтала бы новаго и чрезвычайно обширнаго поля зрѣнія, усвоивая ихъ философско-историческіе взгляды. Благотворное вліяніе этихъ взглядовъ и теперь уже начинаетъ сказываться въ области исторіи, права и такъ называемой первобытной культуры. Но эта философско-историческая сторона современнаго соціализма слишкомъ еще мало извѣстна у насъ въ Россіи, и потому мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать здѣсь нѣсколько выписокъ, знакомящихъ съ нею читателя словами самого Маркса.

Ведя свою родословную между прочимъ „отъ Канта и Гегеля“, научный соціализмъ является тѣмъ не менѣе самымъ смертельнымъ и рѣшительнымъ противникомъ идеализма. Онъ изгоняетъ его изъ его послѣдняго убѣжища — соціологіи, въ которой его принимали съ такимъ радушіемъ позитивисты. Научный соціализмъ предполагаетъ „матеріалистическое пониманіе исторіи“, т. е. онъ объясняетъ духовную исторію человѣчества развитіемъ его общественныхъ отношеній (между про-

[1]) **Прим. ко 2-му изданію.** Впослѣдствіи г.г. „критики Маркса“ упрекали насъ „ортодоксовъ“, въ томъ, что мы возставали противъ всякой попытки дальнѣйшаго развитія взглядовъ Маркса. Читатель видитъ, что я не обнаруживалъ склонности къ подобному возстанію. Но само собою разумѣется, что въ качествѣ ученика Маркса, понимавшаго великое значеніе его теоріи, я долженъ былъ возстать противъ всякой попытки замѣнить нѣкоторыя положенія марксизма старыми давно отжившими буржуазными „догмами“. И эту свою обязанность я исполнилъ, какъ могъ.

чимъ подъ вліяніемъ окружающей природы). Съ этой точки зрѣнія, какъ и съ точки зрѣнія Вико, „ходъ идей соотвѣтствуетъ ходу вещей“, а не наоборотъ. Главной же причиной того или иного направленія ихъ развитія является состояніе производительныхъ силъ и соотвѣтствующая имъ экономическая структура общества. „Въ своей общественной жизни люди наталкиваются, говоритъ Марксъ [1]), на извѣстныя, необходимыя, независящія отъ ихъ воли отношенія, именно на отношенія производства, соотвѣтствующія той или другой ступени развитія производительныхъ силъ. Вся совокупность этихъ отношеній производства составляетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка, и которому соотвѣтствуютъ извѣстныя формы общественнаго сознанія. Соотвѣтствующій матеріальной жизни способъ производства обусловливаетъ собою процессы соціальной, политической и духовной жизни вообще. Не понятія опредѣляютъ общественную жизнь людей, но наоборотъ, ихъ общественная жизнь обусловливаетъ собою ихъ понятія... Правовыя отношенія, равно какъ и формы государственной жизни, не могутъ быть объяснены ни сами собою, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ человѣческаго духа, но коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, совокупность которыхъ Гегель, по примѣру англичанъ и французовъ 18 столѣтія, обозначилъ именемъ гражданскаго общества; анатомію же гражданскаго общества нужно искать въ его экономіи... На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ столкновеніе съ существующими отношеніями производства, или — говоря юридическимъ языкомъ — съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ онѣ до тѣхъ поръ вращались. Изъ формъ, способствующихъ развитію производительныхъ силъ, эти имущественныя

[1]) См. „Zur Kritik der Politischen Oekon.“, Vorwort s. s. IV—VI.

отношенія дѣлаются его тормазами. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія измѣняется болѣе или менѣе быстро вся возвышающаяся на немъ огромная надстройка. Ни одна общественная формація не исчезаетъ раньше, чѣмъ развиваются всѣ производительныя силы, которымъ она предоставляетъ достаточно простора; и новыя высшія отношенія производства никогда не занимаютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ вырабатываются въ нѣдрахъ стараго общества матеріальныя условія ихъ существованія. Поэтому можно сказать, что человѣчество всегда ставитъ себѣ лишь неполнимыя задачи, ибо, при внимательномъ разсмотрѣніи, всегда оказывается, что самая задача является лишь тамъ, гдѣ матеріальныя условія ея рѣшенія уже существуютъ или находятся въ процессѣ своего возникновенія".

Теперь понятно, почему Марксъ и Энгельсъ отзывались съ такой презрительной насмѣшкой объ „истинныхъ соціалистахъ" Германіи конца сорокового годовъ, ставшихъ въ отрицательное отношеніе къ борьбѣ нѣмецкой буржуазіи противъ абсолютизма и „проповѣдующихъ народной массѣ, что въ этомъ буржуазномъ движеніи она ничего не можетъ выиграть, но рискуетъ все потерять". Историческое ученіе Маркса и Энгельса представляетъ собою настоящую „алгебру революціи", какъ выразился когда-то Герценъ о философіи Гегеля. Поэтому они сочувствовали „всякому революціонному движенію противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній"; потому же они отнеслись съ горячимъ сочувствіемъ и къ русскому движенію, сдѣлавшему Россію, по ихъ выраженію, передовымъ отрядомъ европейской революціи.

Но, не смотря на всю ихъ ясность и недвусмысленность, взгляды Маркса подали, однако, поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ въ области революціонной теоріи и практики. Такъ, напримѣръ, у насъ часто говорятъ, что теоріи научнаго соц-

ализма непримѣнимы къ Россіи, потому что онъ выросли на почвѣ западно-европейскихъ экономическихъ отношеній. Ученію Маркса подсказывается тотъ смѣшной выводъ, что Россія должна пройти совершенно тѣ-же фазы историко-экономическаго развитія, которыя были пройдены Западомъ. Подъ вліяніемъ убѣжденія въ неизбѣжности этого вывода, уже не одинъ русскій философъ, незнакомый ни съ Марксомъ, ни съ исторіей Западной Европы, ополчался на автора „Капитала“, обвиняя его въ узости и шаблонности взглядовъ. Но, разумѣется, это была борьба съ вѣтряными мельницами. Наши дон-Кихоты не понимали, что исторія западно-европейскихъ отношеній положена Марксомъ лишь въ основу *исторіи капиталистическаго производства*, которое родилось и выросло именно въ этой части свѣта. Общіе философско-историческіе взгляды Маркса имѣютъ ровно такое же отношеніе къ современной Западной Европѣ, какъ къ Греціи и Риму, Индіи и Египту. Они обнимаютъ всю культурную исторію человѣчества и могутъ быть непримѣнимы къ Россіи только въ случаѣ ихъ общей несостоятельности. Само собою понятно, что ни авторъ „Капитала“, ни его знаменитый другъ и сотрудникъ не исключаютъ изъ своего поля зрѣнія экономическихъ особенностей той или другой страны; они только ищутъ въ нихъ объясненія всѣхъ ея общественно-политическихъ и умственныхъ движеній. Что они не игнорируютъ значенія нашей поземельной общины, видно уже изъ того обстоятельства, что не далѣе какъ въ январѣ 1882 года, они не считали возможнымъ сдѣлать рѣшительное предсказаніе относительно ея будущей судьбы. Въ предисловіи къ нашему переводу „Манифеста коммунистической партіи“ (Женева, 1882 г.), они даже прямо говорятъ, что русская община можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, „непосредственно перейти въ высшую коммунистическую форму землевладѣнія“. Эти обстоятельства стоятъ, по ихъ мнѣнію, въ тѣсной связи съ ходомъ революціон-

наго движенія на западѣ Европы и въ Россіи. „Если русская революція — говорятъ они — послужитъ сигналомъ рабочей революціи на Западѣ, такъ что объ онѣ пополнятъ другъ друга, то современное русское землевладѣніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія“ (Ман. ком. партіи, VIII). Едва-ли хоть одному „народнику“ придетъ въ голову отрицать такого рода условность рѣшенія вопроса объ общинѣ. Едва ли кто нибудь можетъ утверждать, что гнетъ современнаго государства благопріятенъ для развитія или хотя бы для сохраненія поземельной общины. Точно также, едва ли хоть одинъ человѣкъ, понимающій значеніе международныхъ отношеній въ экономической жизни современныхъ цивилизованныхъ обществъ, можетъ отрицать, что развитіе русской общины „въ высшую коммунистическую форму“ тѣсно связано съ судьбою рабочаго движенія на Западѣ. Оказывается, такимъ образомъ, что во взглядѣ Маркса на Россію нѣтъ ничего противорѣчащаго самой очевидной дѣйствительности, и нелѣпый предразсудокъ относительно его крайняго „западничества“ лишается всякой тѣни разумнаго основанія.

Но существуетъ другое недоразумѣніе, которое непосредственно касается интересующаго насъ вопроса о значеніи политической борьбы въ дѣлѣ переустройства соціальныхъ отношеній и коренится въ ошибочномъ пониманіи взгляда Маркса на роль экономическаго фактора въ развитіи человѣческой культуры. Взглядъ этотъ часто истолковывался многими въ томъ смыслѣ, что авторъ „Капитала“ придастъ политическому строю общества лишь самое ничтожное значеніе, считаетъ его незаслуживающею вниманія второстепенною частностью, которая не можетъ служить не только цѣлью, но даже и средствомъ плодотворной дѣятельности. Нерѣдко и до сихъ поръ можно встрѣтить у насъ „марксистовъ“, которые именно на этомъ основаніи игнорируютъ политическія задачи соціализма. Экономическія отношенія, говорятъ

они лежатъ въ основаніи всякой общественной организаціи. Измѣненіе этихъ отношеній составляетъ причину всякаго политическаго переустройства. Чтобы освободиться отъ ига капитала, рабочій классъ долженъ имѣть въ виду не слѣдствіе,— а причину, не политическую, а экономическую организацію общества. Политическая агитація не приблизитъ рабочихъ къ ихъ цѣли, такъ какъ ихъ политическое порабощеніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ устранена экономическая зависимость ихъ отъ имущихъ классовъ. Употребляемыя рабочими *средства* борьбы должны быть приведены въ соотвѣтствіе съ ея *цѣлью*. Экономическая революція можетъ быть достигнута только путемъ борьбы на экономической же почвѣ.

При нѣкоторой послѣдовательности, понимаемый такимъ образомъ „марксизмъ“ долженъ былъ бы измѣнить самый взглядъ соціалистовъ на цѣли и средства соціальной революціи и вернуть ихъ къ знаменитой формулѣ Прудона: „политическая революція — цѣль, экономическая революція—средство“. Точно также онъ долженъ былъ бы значительно сблизить, по крайней мѣрѣ въ теоріи, соціалистовъ-революціонеровъ съ послѣдователями „консервативнаго соціализма“, который такъ рѣшительно противится политической самодѣятельности рабочаго класса. Послѣдній честный и умный представитель этого соціализма, Родбертусъ, именно потому и не сошелся съ Лассалемъ, что знаменитый агитаторъ старался выдвинуть нѣмецкихъ рабочихъ на путь самостоятельной политической дѣятельности. Не Марксъ, а Родбертусъ, не *революціонный*, а *консервативный*, *монархическій* соціализмъ отрицаетъ значеніе „политическихъ примѣсей къ революціоннымъ цѣлямъ“ рабочаго класса. И консерваторы прекрасно понимаютъ, почему они такъ дѣлаютъ; но тѣ, которые хотятъ примирить революціонное движеніе рабочаго класса съ отрицаніемъ „политики“, тѣ, которые подсказываютъ Марксу практическія тенденціи Прудона или даже Родбертуса, — наглядно показываютъ, что они не

понимаютъ автора „Капитала" или сознательно извращаютъ его ученіе. Мы говоримъ о сознательномъ извращеніи, потому что извѣстная книга московскаго профессора, г. Иваюкова есть ничто иное, какъ именно такое сознательное извращеніе всѣхъ слѣдствій, вытекающихъ изъ основныхъ положеній научнаго соціализма. Книга эта показываетъ, что наши русскіе *полицей*-соціалисты не прочь эксплуатировать для своихъ реакціонныхъ цѣлей даже такую теорію, подъ знаменемъ которой совершается самое революціонное движеніе нашего вѣка. Одно это обстоятельство могло бы сдѣлать необходимымъ подробное выясненіе *политической* программы современнаго соціализма. Мы и приступимъ теперь къ этому выясненію, не пускаясь, однако, ни въ какую полемику съ гг. Иваюковыми, такъ какъ достаточно выяснить истинный смыслъ той или другой теоріи, чтобы тѣмъ самымъ опровергнуть умышленныя ея искаженія. При томъ же пасъ гораздо болѣе интересуютъ здѣсь тѣ революціонеры, которые, при всей искренности своихъ стремленій, слишкомъ еще пропитаны, хотя быть можетъ и безсознательно, анархическими ученіями, и потому готовы видѣть въ сочиненіяхъ Маркса мысли, умѣстныя только въ „Общихъ идеяхъ революціи въ XIX вѣкѣ". Критика выводовъ, сдѣланныхъ ими изъ философски-историческихъ взглядовъ Маркса логически приведетъ насъ къ вопросу о такъ называемомъ *захватѣ власти* и покажетъ намъ, насколько правы тѣ, которые усматриваютъ въ этомъ актѣ какое-то преступленіе противъ идеи человѣческой свободы, а равно и тѣ, которые, наоборотъ, видятъ въ немъ альфу и омегу всего соціально-революціоннаго движенія.

Посмотримъ, прежде всего, какое значеніе имѣютъ понятія о причинѣ и слѣдствіи въ примѣненіи къ общественнымъ отношеніямъ.

Если мы толкнемъ рукой или кіемъ билліардный шаръ, то онъ придетъ въ движеніе; если мы ударимъ сталью о кремень, то появится искра. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ очень легко

опредѣлить, какое явленіе служитъ причиной и какое — слѣдствіемъ. Но эта легкость рѣшенія задачи обусловливается лишь крайнею ея простотою. Если вмѣсто двухъ одиноко стоящихъ явленій, мы возьмемъ процессъ, въ которомъ одновременно замѣчается нѣсколько явленій, или даже нѣсколько рядовъ явленій, то дѣло значительно усложнится. Такъ, напримѣръ, горѣніе свѣчи есть, относительно говоря, довольно сложный процессъ, въ результатѣ котораго является свѣтъ и теплота. Казалось бы, поэтому, что мы безо всякаго риска ошибиться, можемъ назвать выдѣляемую пламенемъ теплоту однимъ изъ слѣдствій этого химическаго процесса. Такъ оно и есть до извѣстной степени. Но если бы какимъ нибудь способомъ мы ухитрились лишить пламя выдѣляемой имъ теплоты, то горѣніе тотчасъ прекратилось бы, такъ какъ интересующій насъ процессъ не можетъ происходить при обыкновенной температурѣ. Поэтому оказался бы до извѣстной степени правымъ и тотъ, кто сказалъ бы, что теплота есть *причина* горѣнія. Чтобы не уклоняться отъ истины ни въ ту, ни въ другую сторону, мы должны были бы сказать, что теплота, явившаяся въ данный моментъ *слѣдствіемъ* горѣнія, въ слѣдующій затѣмъ моментъ является его *причиной*. Значитъ, по отношенію къ процессу горѣнія въ продолженіе нѣсколькихъ моментовъ, мы должны сказать, что теплота является *и слѣдствіемъ* его *и причиной*, или, другими словами, *ни слѣдствіемъ, ни причиной*, а просто однимъ изъ явленій, вызываемыхъ этимъ процессомъ и, въ свою очередь, составляющихъ необходимое для него условіе. Возьмемъ другой примѣръ. Всякому, „даже не обучавшемуся въ семинаріи“, извѣстно, что такъ называемые растительные процессы человѣческаго организма оказываютъ огромное вліяніе на психическія явленія. То или другое настроеніе духа оказывается *слѣдствіемъ* того или другого физическаго состоянія организма. Но разъ существуетъ извѣстное настроеніе духа, то самые растительные

процессы часто испытываютъ на себѣ его вліяніе, и оно дѣлается, такимъ образомъ, *причиной* тѣхъ или другихъ измѣненій въ физическомъ состояніи организма. Чтобы и здѣсь не погрѣшить ни въ ту и ни въ другую сторону, мы должны сказать, что психическія явленія и растительная жизнь организма представляютъ собою два ряда сосуществующихъ процессовъ, при чемъ каждый изъ этихъ рядовъ испытываетъ вліяніе другого. И если бы какой нибудь медикъ сталъ игнорировать психическія вліянія на томъ основаніи, что душевное настроеніе человѣка есть слѣдствіе физическаго состоянія его организма, мы сказали бы, что школьная логика лишила его всякой способности къ разумной медицинской практикѣ.

Общественная жизнь отличается еще большею сложностью, чѣмъ жизнь индивидуальнаго организма. Поэтому, въ ней еще болѣе замѣтна относительность понятій о причинѣ и слѣдствіи. По ученію классической экономіи, высота заработной платы опредѣляется, въ среднемъ выводѣ, уровнемъ насущнѣйшихъ потребностей рабочаго. Значитъ, данная высота заработной платы есть *слѣдствіе* даннаго состоянія потребностей рабочаго. Но, съ своей стороны, потребности эти могутъ повыситься лишь въ случаѣ повышенія заработной платы, потому что иначе не было бы достаточной причины для измѣненія ихъ уровня. Слѣдовательно, данная высота заработной платы есть *причина* даннаго состоянія потребностей рабочаго. Изъ этого логическаго круга нельзя вырваться съ помощью школьныхъ категорій причины и слѣдствія. А мы будемъ попадать въ него на каждомъ шагу нашихъ соціологическихъ разсужденій, если забудемъ, что „причина и слѣдствіе суть понятія, имѣющія значеніе лишь въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ; но разъ мы разсматриваемъ этотъ случай въ его общей міровой связи, то причина и слѣдствіе совпадаютъ, ихъ противоположность исчезаетъ при созерцаніи всемірнаго взаимодѣйствія, въ которомъ причина и слѣдствіе постоян-

но мѣняются мѣстами, и то, что теперь или здѣсь — слѣдствіе, станетъ тамъ или тогда причиной, и наоборотъ" (фр. Энгельсъ) [1]).

Сдѣлавши эту оговорку, постараемся опредѣлить теперь, въ какомъ смыслѣ нужно понимать причинную связь между экономическими отношеніями и политическимъ строемъ даннаго общества.

Чему учитъ насъ, въ этомъ случаѣ, исторія? Она показываетъ намъ, что всегда и вездѣ, гдѣ процессъ экономическаго развитія вызывалъ расчлененіе общества на классы, — противорѣчіе интересовъ этихъ классовъ неизбѣжно приводило ихъ къ борьбѣ за политическое господство. Эта борьба возникала не только между различными слоями господствующихъ классовъ, но также между этими классами, съ одной стороны, и народомъ — съ другой, если только послѣдній былъ поставленъ въ условія, хоть немного благопріятныя для его умственнаго развитія. Въ государствахъ древняго Востока мы видимъ борьбу между воинами и жрецами; весь драматизмъ исторіи античнаго міра заключается въ борьбѣ аристократіи и демоса, патриціевъ и плебеевъ; средніе вѣка выдвигаютъ горожанъ, которые стремятся завоевать политическое господство въ предѣлахъ своихъ коммунъ; наконецъ, современный рабочій классъ ведетъ политическую борьбу съ буржуазіей, достигшей полнаго господства въ новѣйшемъ государствѣ. Всегда и вездѣ политическая власть была рычагомъ, съ помощью котораго добившійся господства классъ совершалъ общественный переворотъ, необходимый для его благосостоянія и дальнѣйшаго развитія. Чтобы не заходить далеко, вспомнимъ исторію „третьяго сословія", этого класса, который съ гордостью можетъ смотрѣть на свое прошлое, полное блестящихъ завоеваній во всѣхъ отрасляхъ жизни и мысли. Едва ли кому

[1]) Cм. Herrn Eugen Duehring s Umwaelzung der Wissenschaft s. 6.

нибудь можетъ придти въ голову упрекнуть буржуазію въ отсутствіи такта и умѣнья достигать своихъ цѣлей наиболѣе подходящими средствами. Никто не станетъ также отрицать, что ея стремленія имѣли вполнѣ опредѣленный экономическій характеръ. Это не помѣшало ей, однако, вступить на путь политической борьбы и политическихъ завоеваній. То съ оружіемъ въ рукахъ, то путемъ мирныхъ договоровъ, то во имя республиканской независимости своихъ городовъ, то во имя усиленія королевской власти — нарождающаяся буржуазія вела въ теченіе цѣлыхъ столѣтій безпрерывную, упорную борьбу съ феодализмомъ, и уже задолго до французской революціи могла съ гордостью указывать врагамъ на свои успѣхи. „Различны были шансы и неодинаковъ успѣхъ въ великой борьбѣ горожанъ противъ феодаловъ — говоритъ историкъ [1]) — и не только сумма вольностей, вырванныхъ силою или полученныхъ путемъ мирнаго соглашенія, была не повсюду одинакова, но даже и при одинѣхъ и тѣхъ же политическихъ формахъ города пользовались часто различною степенью свободы и независимости". Тѣмъ не менѣе смыслъ движенія былъ тождественъ повсюду и знаменовалъ собою начало соціальной эмансипаціи третьяго сословія и упадка аристократіи, свѣтской и духовной [2]). Въ общемъ, это движеніе принесло горожанамъ „муниципальную независимость, право выбора всѣхъ мѣстныхъ властей, точную опредѣленность въ повинностяхъ", обезпечило права личности внутри город-

---

[1]) См. Essai sur l'histoire du Tiers Etat, par Aug. Thierry, p. 3[illegible]

[2]) Сторонники феодализма прекрасно понимали связь горожанъ и связь ихъ политическихъ и экономическихъ требованій. „Коммуна есть слово новое и гнусное — говоритъ аббатъ Гиберъ — и вотъ что оно означаетъ: люди обязанные нести повинности, платятъ своему господину должную имъ ренту одинъ только разъ въ годъ. Когда они совершаютъ какое нибудь преступленіе, они платятъ установленный закономъ штрафъ; и что касается денежныхъ обложеній, которымъ подвергаются обыкновенно крѣпостные, то они освобождаются отъ нихъ совершенно". Laurent, la féodalité et l'église. p. 516.

скихъ коммунъ [1]), дало буржуазіи болѣе высокое положеніе въ сословныхъ государствахъ „стараго режима", и рядомъ постоянныхъ завоеваній привело ее, наконецъ, къ полному господству въ современномъ обществѣ. Ставя себѣ совершенно опредѣленныя, хотя современемъ и измѣняющіяся, соціально-экономическія цѣли, почерпая средства для своей дальнѣйшей борьбы изъ пріобрѣтенныхъ уже выгодъ своего матеріальнаго положенія, буржуазія не упустила ни одного случая дать правовое выраженіе достигнутымъ ею ступенямъ экономическаго прогресса и, наоборотъ, съ такимъ же искусствомъ пользовалась каждымъ своимъ политическимъ пріобрѣтеніемъ для новыхъ завоеваній въ области экономической жизни. Не далѣе, какъ въ половинѣ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, англійская „Лига противъ хлѣбныхъ законовъ" добивалась, по остроумному плану Ричарда Кобдена, усиленія своего *политическаго* вліянія въ „Іарствахъ" ради отмѣны ненавистной ей „монополіи", имѣвшей, повидимому, исключительно *экономическій* характеръ.

Исторія есть величайшій діалектикъ, и если, въ ходѣ ея движенія, разумъ превращается, по выраженію Мефистофеля, въ безсмыслицу, а благодѣяніе становится источникомъ страданій, — то не менѣе часто въ историческомъ процессѣ слѣдствіе становится причиной, а причина оказывается слѣдствіемъ. Выростая изъ экономическихъ отношеній современнаго ему общества, политическое могущество буржуазіи, въ свою очередь, служило и служитъ незамѣннымъ факторомъ дальнѣйшаго развитія этихъ отношеній.

Теперь, когда буржуазія близится къ окончанію своей исторической роли и пролетаріатъ становится единственнымъ представителемъ прогрессивныхъ стремленій въ обществѣ, мы можемъ на-

[1]) Льежскій Статутъ установляетъ принципъ неприкосновенности жилища въ слѣдующемъ энергическомъ выраженіи: „*Бѣднякъ въ своемъ жилищѣ — король*". Laurent, Ibid, p. 510.

блюдать явленіе аналогичное вышеуказанному, хотя и совершающееся при измѣнившихся условіяхъ. Во всѣхъ передовыхъ государствахъ цивилизованнаго міра, въ Европѣ также, какъ и въ Америкѣ, рабочій классъ выступаетъ на поприще политической борьбы, и тѣмъ сознательнѣе относится онъ къ своимъ экономическимъ задачамъ, тѣмъ рѣшительнѣе выдѣляется онъ въ особую политическую партію. „Такъ какъ существующія нынѣ политическія партіи всегда дѣйствовали лишь въ интересахъ имущихъ для охраненія ихъ экономическихъ привилегій — читаемъ мы въ программѣ Сѣверо-Американской соціалистической рабочей партіи — то рабочій классъ обязанъ организоваться въ большую рабочую партію, чтобы *добиться политической силы въ государствѣ* и завоевать, съ ея помощью, экономическую независимость, потому что освобожденіе рабочаго класса можетъ быть совершено лишь самими рабочими“ [1]) Въ томъ же духѣ и вполнѣ согласно съ программой нѣмецкой соціалъ-демократіи, высказывается французская рабочая партія, которая признаетъ, что пролетаріатъ долженъ стремиться къ экономической революціи „всѣми зависящими отъ него средствами, не исключая и всеобщаго избирательнаго права, превращаемаго, такимъ образомъ, изъ орудія обмана, какимъ оно было до сихъ поръ, *въ орудіе освобожденія*“. Испанская рабочая партія также стремится къ „завоеванію политической власти“ для устраненія препятствій, стоящихъ на пути къ освобожденію рабочаго класса [2]).

Въ Англіи, гдѣ, со времени прекращенія чартистскаго движенія, борьба пролетаріата сосредоточивалась исключительно на экономической почвѣ, — политическія стремленія рабочихъ начинаютъ снова оживать въ послѣднее время. Не далѣе, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣмецкій экономистъ Луи Брентано съ торжествомъ констати-

[1]) Von Studnitz, Nordamerikanische Arbeiterverhaeltnisse, s 353.

[2]) Мы интерируемъ эту программу изъ книги Е. Малона — Le nouveau parti, t. I, p. 15.

ровалъ въ своей книгѣ „Das Arbeitsverhältniss etc.“ полное исчезновеніе „соціальдемократическихъ“ тенденцій въ Англіи и съ истинно-буржуазнымъ самодовольствомъ глубокомысленно философствовалъ на ту тему, что „въ настоящее время Англія снова образуетъ *одну* націю“, что „современные англійскіе рабочіе снова составляютъ часть великой либеральной партіи“, а не стремятся къ захвату государственной власти, чтобы съ ея помощью „перестроить общество въ своихъ интересахъ“ (стр. 110). Опубликованный недавно манифестъ англійской „демократической федераціи“ показываетъ, что радость буржуазнаго экономиста была нѣсколько преждевременна. Демократическая федерація стремится вызвать политическое отдѣленіе эксплуатируемыхъ отъ эксплуататоровъ, и приглашаетъ первую изъ этихъ „націй“ именно къ захвату государственной власти съ цѣлью переустройства общества въ интересахъ рабочихъ. „Пришло время, — говоритъ названный манифестъ, — когда народная масса необходимо должна взять въ свои собственныя руки завѣдываніе касающимися ея дѣлами; политическая и соціальная сила представляетъ собою въ настоящее время монополію людей, живущихъ трудомъ своихъ сограждан. Землевладѣльцы и капиталисты, завладѣвшіе Верхней Палатой и пополняющіе нижнюю, стремятся лишь къ охраненію своихъ собственныхъ интересовъ. Возьмите свою судьбу въ свои собственныя руки, устраните этихъ богатыхъ паразитовъ обѣихъ группъ и разсчитывайте только на самихъ себя!“ Манифестъ требуетъ „*полнаго права голосованія для всѣхъ взрослыхъ мущинъ и женщинъ*“ Соединеннаго Королевства, и другихъ политическихъ реформъ, осуществленіе которыхъ „показало бы только, что мущины и женщины этой страны стали господами у себя дома“. Далѣе перечисляется, — въ качествѣ ближайшихъ требованій англійской демократической федераціи, — цѣлый рядъ мѣръ, необходимыхъ для развитія „здороваго, независимаго и серьезно образован-

наго поколѣнія, готоваго организовать трудъ каждаго на пользу всѣхъ и *овладѣть, наконецъ, всей соціально-политической машиной государства*, въ которомъ перестанутъ тогда существовать классовыя различія и привилегіи".

Такимъ образомъ и англійскій пролетаріатъ снова выступаетъ на тотъ путь, на который давно уже вышли работники другихъ цивилизованныхъ государствъ.

Но подобно тому, какъ буржуазія не только боролась съ аристократіей на почвѣ существующихъ уже политическихъ отношеній, а стремилась также перестроить эти отношенія въ своихъ интересахъ, пролетаріатъ не ограничиваетъ свою политическую программу захватомъ современной государственной машины. Въ его средѣ все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе въ томъ, что „каждый порядокъ вещей, опредѣляющій взаимное положеніе гражданъ и ихъ имущественныя и трудовыя отношенія, соотвѣтствуетъ особой формѣ правленія, которая служитъ для него средствомъ осуществленія и сохраненія въ одно и то же время"[1]). Между тѣмъ, какъ представительная (монархическая или республиканская) система была дѣтищемъ буржуазіи, пролетаріатъ требуетъ *прямого народнаго законодательства*, какъ единственной политической формы, при которой возможно осуществленіе его соціальныхъ стремленій. Это требованіе рабочаго класса занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ программѣ соціальной демократіи всѣхъ странъ и стоитъ въ самой тѣсной связи со всѣми остальными пунктами ея программы[2]). Вопреки Прудону, пролетаріатъ продолжаетъ смотрѣть на „политическую революцію", какъ на самое могущественное средство достиженія экономическаго переворота.

---

[1]) См. Sozialdemokratische Abhandlungen, von M. Ritinghausen, drittes Heft, ueber die Nothwendigkeit der direkten Gesetzgebung durch das Volk. S. 3.

[2]) См. Программу нѣмецкой и сѣверо американской рабочихъ партій. Манифестъ англійской демократической партіи также требуетъ „прямого голосованія по всѣмъ важнымъ вопросамъ".

Уже одно это свидѣтельство исторіи должно было бы предрасположить насъ къ той мысли, что не ошибочная теорія, а вѣрный практическій инстинктъ лежитъ въ основѣ политическихъ тенденцій различныхъ общественныхъ классовъ. Если несмотря на полное несходство въ другихъ отношеніяхъ, всѣ классы, ведущіе сознательную борьбу съ своими противниками, начинаютъ на извѣстной стадіи своего развитія, стремиться обезпечить себѣ политическое вліяніе, а затѣмъ и господство — то ясно, что политическій строй общества представляетъ собою далеко не безразличное условіе для ихъ развитія. А если мы видимъ, кромѣ того, что ни одинъ классъ, добившійся политическаго господства, не имѣетъ причинъ раскаиваться въ своемъ интересѣ къ „политикѣ“; если, напротивъ, каждый изъ нихъ достигалъ высшей, кульминаціонной точки своего развитія лишь послѣ того, какъ онъ пріобрѣталъ политическое господство, то мы должны признать, что политическая борьба представляетъ собою такое средство соціальнаго переустройства, годность котораго доказана исторіей. Всякое ученіе, противорѣчащее этой исторической индукціи, лишается значительной доли убѣдительности, и если бы современный соціализмъ дѣйствительно осуждалъ политическія стремленія рабочаго класса, какъ нецѣлесообразныя, то уже по одному этому онъ не могъ бы назваться научнымъ.

Провѣримъ теперь наше наведеніе дедуктивнымъ путемъ, принимая философско-историческіе взгляды Маркса за посылки для нашихъ выводовъ.

Представимъ себѣ общество, въ которомъ данный классъ пользуется полнымъ господствомъ. Онъ добился этого господства, благодаря преимуществамъ своего экономическаго положенія, которыя открываютъ, согласно нашимъ посылкамъ, путь во всѣмъ другимъ успѣхамъ общественной жизни. Въ качествѣ *господствующаго* класса, онъ, разумѣется, приспособляетъ общественную организацію

къ наиболѣе выгоднымъ условіямъ своего существованія и тщательно устраняетъ изъ нея все, что можетъ такъ или иначе ослабить его вліяніе. „Господствующій классъ каждаго даннаго періода — справедливо говоритъ Шэфле — есть также и творецъ его права и обычаевъ. Его члены повинуются лишь инстинкту самосохраненія, когда они стараются упрочить свое господство и удержать его на возможно болѣе продолжительное время за своими потомками, какъ необходимое условіе ихъ привилегированнаго положенія и средство эксплуатаціи угнетенныхъ... Почти ни одна часть положительнаго права не пользуется такимъ почетомъ со стороны господствующихъ сословій даннаго времени, ни одной не приписывается въ такой степени характеръ „вѣчныхъ“ институтовъ или даже „священныхъ“ основъ общества, какъ той, которая упрочиваетъ сословныя права и защищаетъ классовое господство“[1]). И до тѣхъ поръ, пока господствующій классъ будетъ носителемъ наиболѣе прогрессивныхъ общественныхъ идеаловъ, созданный имъ строй будетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ соціальнаго развитія. Но какъ только экономическая исторія даннаго общества выдвинетъ новые элементы поступательнаго движенія, какъ только его „производительныя силы придутъ въ столкновеніе съ существующими отношеніями производства — или говоря юридическимъ языкомъ — съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ они до тѣхъ поръ вращались“, прогрессивная роль даннаго господствующаго класса будетъ окончена. Изъ представителя прогресса онъ сдѣлается заклятымъ его врагомъ и, разумѣется, воспользуется государственной машиной съ цѣлью самообороны. Политическая власть сдѣлается въ его рукахъ самымъ могучимъ орудіемъ реакціи. Чтобы открыть свободный путь развитію производительныхъ силъ общества, не-

---

[1]) См. Шеффле, Bau und Leben des soc. Koerpers B. III, s. s. 91 u. 102.

обходимо устранить тормозящія это развитіе имущественныя отношенія, т. е. произвести, какъ говоритъ Марксъ, соціальную революцію. Но это невозможно до тѣхъ поръ, пока законодательная власть находится въ рукахъ представителей стараго порядка, т. е. говоря другими словами, пока она охраняетъ интересы господствующаго класса. Неудивительно, поэтому, что новаторы, т. е. представители угнетеннаго класса или классовъ, будутъ стремиться выбить изъ рукъ своихъ противниковъ и обратить противъ нихъ это страшное оружіе. Сама логика вещей выдвинетъ ихъ на путь политической борьбы и захвата государственной власти, хотя они и задаются цѣлью экономическаго переворота. Лассаль сказалъ глубокую истину, когда замѣтилъ въ предисловіи къ своей „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ“, что „тамъ, гдѣ юридическія отношенія, переходя въ область частнаго права, теряютъ, повидимому всякую связь съ политикой, въ нихъ *оказывается гораздо болѣе политическаго, чѣмъ въ самой политикѣ*, потому что они представляютъ собою тогда элементъ *соціальный*[1]).

Въ практической жизни дѣло происходитъ, конечно, далеко не такъ скоро, какъ это можно было-бы предположить, разсуждая a priori. Угнетенный классъ лишь постепенно уясняетъ себѣ связь между своимъ *экономическимъ* положеніемъ и своею *политической* ролью въ государствѣ. Долгое время онъ не понимаетъ во всей ея полнотѣ даже своей экономической задачи. Составляющіе его индивидуумы ведутъ тяжелую борьбу за свое повседневное существованіе, не задумываясь даже о томъ, какимъ сторонамъ общественной организаціи обязаны они своимъ бѣдственнымъ положеніемъ. Они стараются избѣгать наносимыхъ имъ ударовъ, не спрашивая себя, откуда и кѣмъ направляются, въ послѣднемъ счетѣ, эти удары. Въ нихъ нѣтъ еще

---

[1]) См System der erworbenen Rechte, Leipzig, 1880, erster Theil Vorrede, s. VII

классоваго сознанія, въ ихъ борьбѣ противъ отдѣльныхъ угнетателей нѣтъ никакой руководящей идеи. Угнетенный классъ еще не существуетъ *для себя*; онъ *будетъ* современемъ передовымъ классомъ общества, но онъ еще не *становится* имъ. Сознательно-организованной силѣ господствующаго класса противостоятъ лишь разрозненныя, единичныя стремленія отдѣльныхъ личностей или отдѣльныхъ группъ личностей. Такъ, напр., и теперь еще не рѣдкость встрѣтить рабочаго, который ненавидитъ особенно энергичнаго эксплуататора, но не подозрѣваетъ еще необходимости борьбы противъ цѣлаго класса эксплуататоровъ и устраненія самой возможности эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

Мало по малу процессъ обобщенія дѣлаетъ, однако, свое дѣло, и угнетенные начинаютъ сознавать себя классомъ. Но они еще слишкомъ односторонне понимаютъ особенности своего классоваго положенія; пружины и двигатели общественнаго механизма, въ его цѣломъ, остаются еще скрытыми отъ ихъ умственныхъ взоровъ. Классъ эксплуататоровъ представляется имъ просто совокупностью отдѣльныхъ предпринимателей, не связанныхъ нитями политической *организаціи*. На этой ступени развитія въ понятіяхъ угнетенныхъ, какъ и въ головѣ профессора Лоренца фонъ Штейна, не ясна еще связь между „обществомъ“ и „государствомъ“. Предполагается, что государственная власть стоитъ выше антагонизма классовъ, ея представители кажутся естественными судьями и примирителями враждующихъ сторонъ. Угнетенный классъ относится къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ и приходитъ въ большое удивленіе, когда обращенныя къ нимъ съ его стороны просьбы о помощи остаются безъ отвѣта. Не останавливаясь на частныхъ примѣрахъ, мы замѣтимъ только, что подобная путаница понятій обнаруживалась до послѣдняго времени англійскими рабочими, которые вели весьма энергичную борьбу на экономической почвѣ и въ тоже время находили возможнымъ фи-

гурировать въ рядахъ той или другой буржуазной политической партіи.

Только на слѣдующей и послѣдней ступени развитія угнетенный классъ всесторонне выясняетъ себѣ свое положеніе. Теперь онъ понимаетъ, какая связь существуетъ между обществомъ и государствомъ, и не апеллируетъ на притѣсненія своихъ эксплуататоровъ къ тѣмъ, кто представляетъ собою политическій органъ той же эксплуатаціи. Онъ знаетъ, что государство есть крѣпость, служащая оплотомъ и защитой его притѣснителямъ, крѣпость, которою можно и должно овладѣть, которую можно и должно перестроить въ интересахъ своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ея нейтралитетъ. Разсчитывая лишь на самихъ себя, угнетенные начинаютъ понимать, что „*политическая* самопомощь есть, какъ говоритъ Лассе, важнѣйшій изъ всѣхъ видовъ *соціальной* самопомощи". Они стремятся тогда къ политическому господству, чтобы помочь себѣ путемъ измѣненія существующихъ соціальныхъ отношеній и приспособленія общественнаго строя къ условіямъ своего собственнаго развитія и благосостоянія. Разумѣется, они тоже не вдругъ достигаютъ господства; лишь постепенно становятся они грозной силой, исключающей въ умахъ противниковъ всякую мысль о сопротивленіи. Долгое время добиваются они лишь уступокъ, требуютъ лишь такихъ реформъ, которыя дали бы имъ не господство, а только возможность расти и созрѣвать для будущаго господства, реформъ, которыя удовлетворили бы самыя насущныя, самыя ближайшія ихъ требованія, и хоть немного расширили бы сферу ихъ вліянія на общественную жизнь страны. Только пройдя суровую школу борьбы за отдѣльные клочки непріятельской территоріи, угнетенный классъ пріобрѣтаетъ настойчивость, смѣлость и развитіе, необходимыя для рѣшительной битвы. Но разъ пріобрѣтя эти качества, онъ можетъ смотрѣть на своихъ противниковъ, какъ на классъ окончательно осужденный исторіей; онъ можетъ уже не сомнѣваться въ сво-

ей побѣдѣ. Такъ называемая революція есть только послѣдній актъ въ длинной драмѣ революціонной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она дѣлается борьбою *политической*[1]).

Спрашивается теперь, цѣлесообразно ли поступили бы соціалисты, если бы они стали удерживать рабочихъ отъ „политики" на томъ основаніи, что политическій строй общества обусловливается экономическими его отношеніями? Конечно, нѣтъ. Они лишили бы рабочихъ точки опоры для ихъ борьбы, отняли бы у нихъ возможность сконцентрировать свои усилія и направить свои удары на созданную ихъ эксплуататорами общественную организацію. Вмѣсто этого рабочимъ пришлось бы вести партизанскую войну съ отдѣльными эксплуататорами или самое большое, съ отдѣльными группами этихъ эксплуататоровъ, на сторонѣ которыхъ всегда стояла бы организованная сила государства. Именно такую ошибку дѣлали русскіе соціалисты изъ такъ называемой интеллигенціи, когда они порицали (въ 4 № З. и В.) „Сѣверно-русскій рабочій союзъ" за то, что онъ выставилъ въ своей программѣ извѣстныя политическіе требованія. Ту-же ошибку повторило „Зерно", которое рекомендовало рабочимъ вести борьбу на экономической почвѣ, добиваться сокращенія рабочаго дня, повышенія заработной платы и т. п., даже убивать шпіоновъ и особенно нелюбимыхъ мастеровъ и предпринимателей, но ни однимъ словомъ не обмолвились о *политическихъ* задачахъ русскихъ работниковъ. Это отсутствіе синтеза въ революціонныхъ взглядахъ и программахъ нашихъ соціалистовъ не могло не оказать самаго вреднаго вліянія на результаты ихъ дѣятельности. Охраняя политическій индиферен-

---

[1]) Примѣчаніе ко 2 му изд. Эти строки были написаны за 15 лѣтъ до выступленія г. Бернштейна въ роли „Критика Маркса". Пусть судятъ самъ читатель, правъ-ли этотъ „критикъ" и его многочисленные единомышленники, упрекающіе насъ, „ортодоксовъ", въ томъ, что мы понимаемъ революцію пролетаріата какъ простую и почти моментальную „катастрофу".

тизмъ рабочихъ, какъ важнѣйшій признакъ радикализма ихъ экономическихъ требованій, мы тѣмъ самымъ оказывали косвенную поддержку современному абсолютизму. Кромѣ того, обрывая наши программы именно на томъ пунктѣ, гдѣ нужно было подвести политическій итогъ соціальнымъ требованіямъ рабочаго класса, мы уменьшали практическое значеніе этихъ программъ въ глазахъ рабочихъ, лучше насъ понимавшихъ, до какой степени безплодна разрозненная борьба противъ отдѣльныхъ эксплуататоровъ. Къ счастью, наше рабочее движеніе очень рано переросло эту первую фазу своего развитія. Отвѣтъ Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза редакціи „Земли и Воли“ (см. № 5 этого изданія) показалъ, что, по крайней мѣрѣ, члены этого союза раньше нашей „интеллигенціи“ поняли всю неумѣстность „политическаго невмѣшательства“ рабочаго класса.

Все это прекрасно, скажетъ иной читатель но ваша аргументація не попадаетъ въ цѣль. Мы не отрицаемъ, что рабочему классу было бы *полезно* добиться политическаго вліянія и захватить государственную власть въ свои руки; мы утверждаемъ только, что въ настоящее время это *невозможно* для него по многимъ причинамъ. Ваша ссылка на исторію буржуазіи не доказательна, такъ какъ положеніе пролетаріата въ буржуазномъ обществѣ вовсе не сходно съ положеніемъ третьяго сословія въ государствахъ „стараго режима“. Самъ Марксъ признаетъ это несходство и формулируетъ его слѣдующимъ образомъ въ „Коммунистическомъ манифестѣ“. „Подъ гнетомъ лежавшаго на немъ ига средневѣковый крѣпостной возвысился — говоритъ онъ — до степени члена коммуны, подобно тому, какъ горожанинъ вырось до буржуа, несмотря на гнетъ феодальнаго абсолютизма. Напротивъ, современный рабочій, вмѣсто того, чтобы съ прогрессомъ промышленности улучшать свое положеніе, опускается все ниже и ниже. Работникъ становится нищимъ, и нищета развивается быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство буржуазныхъ

страшъ". Если каждый прогрессивный шагъ буржуазіи въ области производства и обмѣна сопровождался „соотвѣтствующими политическими завоеваніями", то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: всякому извѣстно, что улучшеніе матеріальнаго благосостоянія того или другого класса сопровождается возрастаніемъ его политическаго вліянія. Но именно тотъ фактъ, что политическія завоеванія буржуазіи предполагали увеличеніе ея богатства — именно этотъ фактъ и заставляетъ безнадежно смотрѣть на политическія движенія рабочаго класса. Все болѣе и болѣе превращаясь въ „нищихъ", рабочіе должны, повидимому, утратить и ту долю вліянія, которую они пріобрѣли въ борьбѣ за интересы буржуазіи. „побивая враговъ своихъ враговъ, – остатки абсолютной монархіи, землевладѣльцевъ, непромышленную буржуазію" и т. д. Политическая борьба рабочаго класса нецѣлесообразна, потому что, въ силу экономическаго его положенія, она осуждена на неудачу.

При всей своей внутренней несостоятельности, возраженіе это кажется, на первый взглядъ, до такой степени рѣшительнымъ, что его невозможно обойти молчаніемъ. Оно является послѣднимъ основаніемъ аргументаціи тѣхъ сторонниковъ теоріи политическаго невмѣшательства, которые считаютъ себя послѣдователями Маркса [1]). Поэтому, съ его

[1]) Примѣчаніе ко 2-му изд. Это покажется парадоксомъ, но на самомъ дѣлѣ теорія политическаго невмѣшательсіва рабочаго класса формулирована была Бакунинымъ, *какъ выводъ изъ матеріалистическаго объясненія исторіи.* Бакунинъ, бывшій горячимъ сторонникомъ этого объясненія, разсуждалъ такъ: если политическій строй всякаго даннаго общества основывается на его экономикѣ, то *политическая* революція излишня: она сама явится результатомъ *экономической* революціи. Этотъ человѣкъ, который былъ когда то ученикомъ Гегеля и который долженъ былъ бы, кажется, изощрить свою логику, никакъ не могъ понять, что результатомъ экономики является не только всякій данный, *готовый* политическій строй, но и всякое новое политическое движеніе, которое, возникнувъ на почвѣ данныхъ экономическихъ отношеній, въ свою очередь, служитъ необходимымъ *орудіемъ* ихъ переустройства. На этомъ *недоразумѣніи* до сихъ поръ строятся всѣ *наиболѣе серьезныя* возраженія *анархистовъ* противъ *соціалъдемократовъ.*

устранешемъ теорія невмѣшательства падаетъ окончательно, и политическія задачи современнаго соціализма выступаютъ въ ихъ истинномъ свѣтѣ.

Доля рабочаго класса въ національномъ продуктѣ постоянно уменьшается, — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ становится бѣднѣе не только относительно, но и абсолютно, его доходъ не только не возрастаетъ въ одинаковой прогрессіи съ доходомъ другихъ классовъ общества, но онъ падаетъ; реальная заработная плата современнаго пролетарія (количество достающихся ему предметовъ потребленія) меньше, чѣмъ была плата рабочаго 500 лѣтъ тому назадъ — это доказано изслѣдованіями Роджерса, Дюнатлэ и др[1]). Но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что въ настоящее время экономическія условія менѣе благопріятны для политическаго движенія рабочаго класса, чѣмъ были они въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Мы говорили уже выше, что, при такого рода оцѣнкѣ экономическихъ условій данной страны, нужно принимать во вниманіе не только распредѣленіе національнаго дохода, но, главнымъ образомъ, организацію производства и способъ обмѣна продуктовъ. Сила зарождавшейся буржуазіи заключалась не столько въ ея богатствѣ, сколько въ томъ общественно-экономическомъ прогрессѣ, носителемъ котораго она нѣкогда явилась. Не увеличеніе ея дохода толкнуло ее на путь революціонной борьбы и обезпечило возрастаніе ея политическаго вліянія, а противорѣчіе между вызванными ею къ жизни производительными силами и тѣми условіями, въ которыхъ совершались производство и обмѣнъ продуктовъ въ феодальномъ обществѣ. Сдѣлавшись представительницей прогрессивныхъ требованій въ этомъ обществѣ, она собрала подъ свои знамя всѣ его недовольные элементы и повела ихъ на борьбу противъ режима, ненавистнаго огром-

[1]) Примѣчаніе ко 2-му изд. Это касается „теоріи обнищанія", надѣлавшей столько шуму во время „*Бернштейніады*". О ней см. въ моей статьѣ „*Критика нашихъ критиковъ*, въ 2—3-ей книжкѣ „Зари".

ному большинству народа. Не деньги, а неразвитое состояніе рабочаго класса создало ей руководящую роль въ этомъ освободительномъ движеніи. Ея богатство, ея и тогда уже относительно довольно высокое общественное положеніе были, конечно, необходимы для исполненія этой роли. Но чѣмъ обусловливалась эта необходимость? Прежде всего невозможностью для нея вести дѣло разрушенія стараго порядка безъ помощи низшихъ слоевъ населенія. Здѣсь-то и помогло ей ея богатство. Оно принесло ей вліяніе на ту самую массу, которая должна была сражаться за ея господство. Не будучи богатой, буржуазія не была бы и вліятельной, а безъ вліянія на народъ она не побѣдила бы аристократіи, потому что она была сильна не собственной силою, а той силой, надъ которой она уже господствовала и которой она повелѣвала, благодаря своимъ капиталамъ. Спрашивается теперь, *возможно-ли* для пролетаріата такое вліяніе на какой нибудь другой классъ населенія и *нужно-ли* оно для его торжества? Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы услышать рѣшительное — „нѣтъ“ отъ всякаго понимающаго современное положеніе рабочаго класса. Пролетаріату *невозможно* вліять на низшіе классы такъ, какъ вліяла когда-то на него буржуазія, по той простой причинѣ, что нѣтъ такихъ классовъ, которые стояли бы ниже его: онъ представляетъ собою самую послѣднюю экономическую формацію современнаго общества. Да ему и *не нужно* добиваться такого вліянія, потому что онъ, въ тоже время, есть *самый многочисленный* слой этого общества, потому что, вмѣстѣ съ другими слоями трудящагося населенія, онъ всегда былъ именно тою средою, вмѣшательство которой рѣшало политическіе споры. Говоримъ — самый многочисленный классъ, потому что всѣ „прочіе классы приходятъ въ упадокъ и уничтожаются, съ развитіемъ крупной промышленности, пролетаріатъ же именно ею и создается. Средніе слои, мелкіе купцы и промышленники, ремесленники и крестьяне — всѣ они борются про-

тивъ буржуазіи, чтобы отстоять свое существованіе, какъ среднихъ слоевъ. Слѣдовательно, они консервативны. Еще того болѣе, они реакціонны, они стремятся повернуть назадъ колесо исторіи. Если они имѣютъ революціонное значеніе, то лишь постольку, поскольку имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ не современные, но будущіе свои интересы, поскольку они покидаютъ свою точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата".

Прежде рабочій классъ побѣждалъ, состоя подъ начальствомъ буржуазіи, и только наивно дивился тому странному обстоятельству, что почти всѣ трудности борьбы падаютъ на его долю, между тѣмъ какъ почти всѣ выгоды и почести побѣды достаются его союзницѣ. Теперь онъ не довольствуется этой служебной ролью и обращаетъ противъ буржуазіи ту самую силу, которая никогда не принесла ей побѣду. Но теперь эта сила значительно увеличилась. Она возросла и продолжаетъ возрастать въ той же пропорціи, въ какой совершались и совершаются концентрація капиталовъ и распространеніе крупнаго производства. Она возросла, кромѣ того, въ той самой мѣрѣ, въ какой умножился политическій опытъ рабочаго класса, выведеннаго самой буржуазіей на арену общественной дѣятельности. Можно-ли сомнѣваться, что пролетаріатъ, оказавшійся никогда достаточно сильнымъ, чтобы разрушить феодальный абсолютизмъ подъ руководствомъ буржуазіи, будетъ современемъ достаточно силенъ, чтобы сломить политическое господство буржуазіи по своей собственной иниціативѣ? Буржуазія могла побѣдить феодализмъ, лишь благодаря своему богатству, пролетаріатъ побѣдитъ буржуазію именно потому, что его удѣлъ —„ницета"—становится удѣломъ все большей и большей части современнаго общества.

Но въ исторіи развитія буржуазіи богатство оказало ей и другую и притомъ весьма „*производительную* услугу", какъ выразились бы ея экономисты. Оно дало ей знаніе, сдѣлало ее самымъ

передовымъ и образованнымъ слоемъ тогдашняго общества. Можетъ-ли пролетаріатъ пріобрѣсти это знаніе, можетъ-ли онъ быть одновременно и самымъ бѣднымъ и самымъ развитымъ изъ всѣхъ общественныхъ классовъ? Политическое господство невозможно для него внѣ этого условія, потому что безъ знанія — нѣтъ силы!

Мы говорили уже, что сама буржуазія начала политическое воспитаніе пролетаріата. Она заботилась объ его образованіи, по-скольку это было нужно ей для борьбы съ ея врагами. Она расшатала его религіозныя вѣрованія тамъ, гдѣ это было необходимо для ослабленія политическаго значенія духовенства: она расширила его правовыя воззрѣнія тамъ, гдѣ ей нужно было противопоставить „естественное„ право писанному праву сословнаго государства. Теперь сталъ на очередь экономическій вопросъ, и политическая экономія играетъ теперь—по выраженію одного очень умнаго нѣмца [1])—такую же важную роль, какую играло въ XVIII столѣтіи естественное право. Захочетъ ли буржуазія быть руководительницей рабочаго класса при изслѣдованіи отношеній труда къ капиталу, этого вопроса изъ вопросовъ всей общественной экономіи? Она неохотно беретъ на себя даже эту выгодную для нея роль, потому что поднимать этотъ вопросъ значитъ уже угрожать ея господству. Да и *можетъ ли* она выполнить эту роль хотя бы такъ, какъ она выполнила ее когда-то по отношенію къ религіи и праву? Нѣтъ! Ослѣпленные интересами своего класса, ея ученые представители давно уже утратили всякую способность къ объективному, научному изслѣдованію общественныхъ вопросовъ. Въ этомъ и заключается вся тайна современнаго упадка буржуазной экономіи. Рикардо былъ послѣднимъ экономистомъ, который, оставаясь буржуа до конца ногтей, имѣлъ достаточно ума, чтобы понять діаметральную противоположность интересовъ труда и капитала. Си-

---

[1]) Примѣчаніе ко второму изд. Т. е. Родбертуса.

смопди быть послѣднимъ экономистомъ - буржуа, у котораго было достаточно чувства, чтобы непосредственно оплакать этотъ антагонизмъ. Послѣ нихъ *общія*, теоретическія изслѣдованія буржуазныхъ экономистовъ утратили, большею частью, всякое научное значеніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить исторію политической экономіи со времени Рикардо и полюбоваться произведеніями Бастіа, Кери, Леруа-Болье или хотя бы современныхъ катедеръ - соціалистовъ. Изъ мирныхъ и объективныхъ мыслителей буржуазные экономисты превратились въ воинственныхъ охранителей и стражей капитала, направляющихъ всѣ свои усилія на то, чтобы перестроить съ воеными цѣлями самое зданіе науки. Но несмотря на эти воинственныя упражненія, они отступаютъ безпрерывно и оставляютъ въ рукахъ непріятелей ту научную территорію, на которой они когда-то властвовали безконтрольно. Въ настоящее время люди, совершенно чуждые какихъ бы то ни было „демагогическихъ“ стремленій, увѣряютъ, будто рабочіе „лучше какого - нибудь Пр. Смита или Фаухера способны усваивать самыя абстрактныя понятія“ въ экономической наукѣ. Такъ думалъ напримъ. человѣкъ, имя котораго пользуется огромнымъ авторитетомъ среди нѣмецкихъ экономистовъ, но который съ своей стороны питалъ къ нимъ самое глубокое презрѣніе. „Мы смотримъ на рабочихъ, какъ на дѣтей, — прибавлялъ этотъ человѣкъ, — между тѣмъ какъ они переросли уже насъ на цѣлую голову.“ [1])

Но нѣтъ - ли въ его словахъ преувеличенія? Можетъ-ли рабочій классъ понимать „абстрактные“ вопросы общественной экономіи и соціализма не говоримъ уже лучше, но такъ же, какъ люди, затратившіе цѣлые десятки лѣтъ на свое образованіе?

На чемъ основываются положенія современнаго научнаго соціализма? Представляютъ-ли они собою

[1]) Примѣчаніе ко второму изданію. Я опять имѣю въ виду Родбертуса.

измышленія какого-нибудь досужаго благодѣтеля человѣческаго рода, или является обобщеніемъ тѣхъ самыхъ явленій, съ которыми мы всѣ такъ или иначе сталкиваемся въ своей ежедневной жизни, объясненіемъ тѣхъ самыхъ законовъ, которыми опредѣляется наше участіе въ производствѣ, обмѣнѣ или просто въ распредѣленіи продуктовъ? Кто рѣшитъ этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, тотъ согласится, что рабочій классъ имѣетъ много шансовъ для правильнаго пониманія „самыхъ абстрактныхъ“ законовъ общественной экономіи, для усвоенія самыхъ отвлеченныхъ положеній научнаго соціализма. Трудность пониманія законовъ той или другой науки обусловливается неполнымъ знакомствомъ съ данными, лежащими въ основаніи этихъ законовъ. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ лишь объ явленіяхъ повседневной жизни, гдѣ научный законъ обобщаетъ лишь каждому извѣстные случаи, тамъ люди практическаго дѣла не только отлично понимаютъ теоретическія положенія, но и могутъ иногда научить самихъ теоретиковъ. Спросите сельскаго хозяина о вліяніи отдаленности рынка на цѣну его продуктовъ или плодородія почвы на высоту поземельной ренты. Спросите фабриканта о вліяніи расширенія сбыта на удешевленіе производства. Спросите рабочаго, откуда берется прибыль его предпринимателя... Вы убѣдитесь, что всѣ эти люди знаютъ Рикардо, никогда не видавши даже обертки его сочиненій. А вѣдь эти вопросы пользуются репутаціей весьма сложныхъ и „абстрактныхъ“ вопросовъ; вѣдь по поводу ихъ пролиты цѣлыя моря чернилъ, написано такое огромное количество томовъ, что, приступая къ изученію экономической науки, можно ужаснуться этихъ вороховъ печатной бумаги. И такъ во всемъ, во всѣхъ частяхъ общественной экономіи! Возьмите хоть теорію мѣновой стоимости. Въ двухъ словахъ вы можете объяснить рабочему, чѣмъ и какъ она опредѣляется; а вотъ многіе изъ г.г. буржуазныхъ экономистовъ до сихъ поръ не хотятъ или не

могутъ понять этой весьма простой теоріи и впадаютъ, въ спорахъ о ней, въ такія грубыя логическія ошибки, за которыя ни одинъ учитель ариѳметики не поствѣнялся бы поставить единицу ученику „младшаго возраста“. Поэтому мы и думаемъ, что цитированный нами писатель былъ правъ, что въ настоящее время единственною понятливою аудиторіею по жгучимъ соціальнымъ вопросамъ можетъ быть только аудиторія, состоящая изъ пролетаріевъ или людей, ставшихъ на точку зрѣнія пролетаріата. А разъ усвоены основныя положенія общественной экономіи,—пониманіе научнаго соціализма не представляетъ уже трудности: рабочій и здѣсь будетъ слѣдовать лишь указаніямъ своего практическаго опыта. Эта сторона дѣла прекрасно выяснена самимъ Марксомъ. „Если пролетаріатъ провозглашаетъ разложеніе *всего современнаго порядка* — читаемъ мы въ его „*Критикѣ гегелевской философіи права*“ — то онъ высказываетъ этимъ лишь тайну *своего собственнаго существованія*, потому оно есть *фактическое разложеніе* этого порядка. Если пролетаріатъ требуетъ *отрицанія частной собственности*, то этимъ онъ только возводитъ на степень *общественнаго принципа* то, что уже возведено въ *его* принципъ самимъ обществомъ, что воплотилось уже въ немъ, какъ отрицательный общественный результатъ, безъ всякаго содѣйствія съ его стороны“[1]).

Мы видимъ, стало быть, что пролетаріатъ не нуждается въ матеріальномъ богатствѣ, чтобы развиться до пониманія условій своего освобожденія. Его нищета, — обусловленная *не бѣдностью и дикостью общества, а недостатками общественной организаціи*, — *такая* нищета не только не затрудняетъ, но облегчаетъ пониманіе этихъ условій.

Законы распредѣленія продуктовъ въ капиталистическомъ обществѣ въ высшей степени не благопріятны для рабочаго класса. Но свойствен-

[1]) См Deutsch-Franzoesische Jahrbuecher, 1 u. 2 Lieferung, s.s. 81—85

ныя капитализму организаціи производства и форма обмѣна впервые создаютъ и объективную и субъективную возможность эмансипаціи трудящихся. Капитализмъ расширяетъ міросозерцаніе рабочаго, уничтожаетъ всѣ предразсудки, унаслѣдованные имъ отъ стараго общества; онъ толкаетъ его на борьбу и въ то же время обезпечиваетъ побѣду, увеличивая его численный составъ и предоставляя въ его распоряженіе экономическую возможность организаціи царства труда. Развитіе техники увеличиваетъ власть человѣка надъ природой и поднимаетъ производительность труда до такой степени, что обязательность его не можетъ послужить препятствіемъ, но, наоборотъ, явится необходимымъ условіемъ всесторонняго развитія всѣхъ членовъ соціалистическаго общества. Въ то же время, характеризующая капитализмъ соціализація *производства* прокладываетъ путь для обращенія въ общую собственность его *средствъ и продуктовъ*. Акціонерныя компаніи, эта высшая въ настоящее время форма организаціи промышленныхъ предпріятій, устраняютъ капиталистовъ отъ всякой активной роли въ экономической жизни общества и превращаютъ ихъ въ трутней, исчезновеніе которыхъ не можетъ произвести ни малѣйшаго замѣшательства въ ходѣ этой жизни. „Если дѣятельному роду майордомовъ удалось нѣкогда безъ труда свергнуть съ престола обленившуюся королевскую династію — говоритъ консерваторъ Родбертусъ, — то почему бы живая и энергичная организація рабочихъ (служебный персонатъ компаній составляютъ квалифицированные работники), почему бы такая организація не была бы въ состояніи устранить современемъ собственниковъ, превратившихся въ простыхъ рентьеровъ?... А между тѣмъ капиталъ уже не можетъ свернуть съ этой дороги! Переживши періодъ расцвѣта, капиталъ превращается въ своего собственнаго могильщика!“

Почему бы, спросимъ мы, въ свою очередь, та самая организація рабочихъ, которая будетъ въ

состояніи „устранить собственниковъ, сдѣлавшихся простыми рентьерами", почему бы такая организація не въ состояніи была захватить въ свои руки государственную власть и добиться, такимъ образомъ, политическаго господства? Вѣдь первое предполагаетъ второе: „устранить" собственниковъ можетъ только такая организація, которая въ состояніи преодолѣть ихъ *политическое* сопротивленіе.

Но и это не все; существуютъ другія общественныя явленія, которыя также увеличиваютъ вѣроятность *политической* побѣды пролетаріата.

„По мѣрѣ развитія крупной промышленности, цѣлые слои господствующаго класса переходятъ въ ряды пролетаріата, или, по крайней мѣрѣ, подвергаются опасности потерять свое общественное положеніе. Они также являются воспитательнымъ элементомъ въ средѣ пролетаріата.

„Наконецъ, въ тѣ періоды, когда борьба классовъ близится къ развязкѣ, процессъ разложенія въ средѣ господствующаго класса, внутри всего стараго общества, достигаетъ такой сильной степени, что нѣкоторая часть господствующаго сословія отдѣляется отъ него и примыкаетъ къ революціонному классу, несущему знамя будущаго. Какъ часть дворянства соединилась нѣкогда съ буржуазіей, такъ переходитъ теперь къ пролетаріату часть буржуазіи, именно буржуа-идеологи, которые возвысились до теоретическаго пониманія всего хода историческаго движенія".

У негровъ сѣверной Гвинеи есть одна въ высшей степени замѣчательная легенда. По словамъ этой легенды, „богъ призвалъ къ себѣ однажды двухъ сыновей первой человѣческой пары. Одинъ изъ нихъ былъ бѣлый, другой — чернокожій. Положивши передъ ними кучу золота и книгу, богъ приказалъ черному брату, какъ старшему, выбирать любой изъ этихъ предметовъ. Тотъ выбралъ золото, и младшій братъ получилъ, такимъ образомъ, книгу. Неизвѣстная сила немедленно перенесла его тогда, вмѣстѣ съ книгой, въ отда-

ленную и холодную страну. Но благодаря своей книгѣ, онъ сдѣлался ученымъ и сталъ страшенъ и силенъ. Старшій же братъ остался на родинѣ и прожилъ достаточно долго, чтобы увидѣть, насколько наука выше богатства".

Буржуазія обладала когда то и знаніемъ, и богатствомъ. Въ противоположность черному брату негритянской легенды, она вступила во владѣніе и золотомъ, и книгой, потому что богъ человѣческихъ обществъ, исторія, не признаетъ правъ несовершеннолѣтнихъ классовъ и отдаетъ ихъ въ опеку ихъ старшихъ братьевъ. Но настало время, когда обдѣленный исторіей рабочій классъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста и буржуазіи пришлось съ нимъ дѣлиться. У нея осталось золото, между тѣмъ, какъ ея младшій братъ получилъ „книгу", благодаря которой онъ, не смотря на мракъ и холодъ своихъ подваловъ, сталъ и теперь уже „силенъ и страшенъ". Мало по малу научный соціализмъ вытѣсняетъ буржуазныя теоріи со страницъ этой магической книги, и скоро пролетаріатъ прочтетъ въ ней, какъ завоевать ему матеріальное довольство. Тогда онъ сбросить съ себя позорное иго капитализма и покажетъ буржуазіи, „на сколько наука выше богатства".

III.

Въ первой главѣ мы старались исторически объяснить возникновеніе того убѣжденія, что соціализмъ несовмѣстимъ ни съ какой „политикой". Мы видѣли, что въ основѣ этого убѣжденія лежало прудоновско-бакунинское ученіе о государствѣ — съ одной стороны — и непоследовательность нашихъ соціальдемократовъ семидесятыхъ годовъ — съ другой. Кромѣ того, оно встрѣчало поддержку въ общемъ колоритѣ того фона, на которомъ выдѣлялись оба вышеназванныя направленія. Фонъ этотъ состоялъ, какъ мы сказали словами Энгельса, изъ смѣси различ-

шихъ ученій различныхъ основателей соціалистическихъ сектъ. Извѣстно, что соціалисты-утописты относились совершенно отрицательно къ политическимъ движеніямъ рабочаго класса, въ которыхъ они видѣли „лишь слѣпое невѣріе въ новое евангеліе“. Этотъ отрицательный взглядъ на „политику“ былъ занесенъ къ намъ вмѣстѣ съ ученіями утопистовъ. Задолго до начала сколько нибудь сильнаго революціоннаго движенія въ Россіи, наши соціалисты готовы были — подобно „истиннымъ“ соціалистамъ Германіи конца сороковыхъ годовъ (см. Коммун. Ман., стр. 32) — „расточать традиціонныя проклятія либерализму, представительному правленію, буржуазной конкурренціи, буржуазной свободѣ слова, буржуазному праву, буржуазной свободѣ и равенству“, совершенно забывая, что всѣ эти нападки „имѣютъ въ виду современное буржуазное общество съ соотвѣтствующими ему экономическими отношеніями и политической организаціей“, т. е. именно тѣ условія, о завоеваніи которыхъ только еще должна была пойти рѣчь въ нашемъ отечествѣ [1]).

Въ результатѣ всѣхъ этихъ вліяній получилась такая твердая увѣренность въ неумѣстности всякой политической борьбы, помимо борьбы революціонной въ узкомъ и вульгарномъ значеніи этого слова, что мы стали съ предубѣжденіемъ смотрѣть на тѣ соціалистическія партіи Западной Европы, которыя видѣли, напримѣръ, въ избирательной агитаціи могучее средство воспитанія и организаціи рабочихъ массъ. Всѣ сдѣланныя путемъ этой агитаціи политическія и экономическія пріобрѣтенія, казались намъ непростительнымъ оппортюнизмомъ, гибельной сдѣлкой съ демономъ буржуазнаго государства, равносильной отказу отъ блаженства въ будущей соціалистической жизни. Мы и сами не замѣчали, что наши теоріи завели

[1]) Сказанное не относится, впрочемъ, къ группѣ издававшей „Народное Дѣло“ въ Женевѣ, группѣ, неоднократно заявлявшей свое отрицательное отношеніе къ „теоріи политическаго невмѣшательства“.

пасъ въ заколдованный кругъ неразрѣшимыхъ противорѣчій. Мы считали поземельную общину исходной точкой соціально-экономическаго развитія Россіи, и въ тоже самое время, отказываясь отъ политической борьбы, мы добровольно лишали себя всякой возможности предохранить эту общину, путемъ государственнаго вмѣшательства, отъ разрушительныхъ вліяній настоящаго времени. Мы должны были, такимъ образомъ, оставаться равнодушными зрителями процесса, разрушающаго тотъ самый фундаментъ, на которомъ мы хотѣли строить зданіе будущаго.

Мы видѣли, однако, что логика событій вывела русское движеніе на другую дорогу, и заставила русскихъ революціонеровъ, въ лицѣ партіи „Народной Воли", добиваться политическаго вліянія и даже господства, какъ одного изъ самыхъ могучихъ факторовъ экономической революціи. Мы видѣли также, что выступая на эту дорогу, наше движеніе выростало настолько, что соціально-политическія теоріи различныхъ разновидностей прудонизма оказались для него слишкомъ узкими и неудобными. Свойственный русской общественной жизни ходъ вещей пришелъ въ столкновеніе съ ходомъ господствовавшихъ въ нашей революціонной средѣ идей, и тѣмъ вызвалъ новое умственное теченіе.

Это новое умственное теченіе, сказали мы далѣе, до тѣхъ поръ не отдѣлается отъ свойственныхъ ему теперь противорѣчій, пока не сольется съ несравненно болѣе глубокимъ и широкимъ теченіемъ современнаго соціализма. Русскіе революціонеры должны стать на точку зрѣнія соціальной демократіи Запада и разорвать свою связь съ „бунтарскими" *теоріями* такъ же, какъ они уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ отказались отъ „бунтарской" *практики*, вводя новый, *политическій* элементъ въ свою программу. Сдѣлать это имъ будетъ не трудно, если они постараются усвоить себѣ правильный взглядъ на политическую сторону ученія Маркса и захотятъ подвергнуть пересмотру пріемы

и ближайшія задачи своей борьбы, прилагая къ нимъ этотъ новый критерій.

Мы видѣли уже во второй главѣ, къ какимъ ложнымъ выводамъ подали поводъ философско-историческія посылки современнаго соціализма. Сама „Народная Воля“ не замѣчала, повидимому, ошибочности этихъ выводовъ и склонна была „даже къ защитѣ соціологической точки зрѣнія Дюринга о преобладающемъ вліяніи политико-юридическаго элемента общественнаго строя на экономическій“, какъ выразился П. Л. Лавровъ, характеризуя новѣйшія направленія въ русскомъ революціонномъ движеніи [1]). Только этою склонностью и можно объяснить содержащуюся во внутреннемъ обозрѣніи № 6-го „Народной Воли“ полемику противъ какихъ-то „непосредственныхъ толкователей“ исторической теоріи Маркса“, основывающихъ свой взглядъ, по словамъ автора, „главнымъ образомъ на извѣстной тріадѣ Гегеля“, не имѣющихъ „иного индуктивнаго матеріала“ для своихъ выводовъ и объясняющихъ „Гегелевъ законъ въ томъ смыслѣ, что дурное просто въ своемъ крайнемъ развитіи приведетъ къ хорошему“ [2]). Достаточно познакомиться съ программой нѣмецкихъ соціалъдемократовъ или французскихъ коллективистовъ, чтобы видѣть, какъ понимаютъ „историческую теорію Маркса“ его западно-европейскіе послѣдователи и, если угодно, „непосредственные толкователи.“ Со своей стороны, мы мо-

[1]) См. статью „*Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго соціализма*“, *Календарь Н. В., стр. 109.*

[2]) Примѣчаніе ко 2-му изд. Впослѣдствіи этотъ взглядъ на разные лады повторяли наши „легальные„ критики,—Н. Михайловскій и братія. Вообще надо замѣтить, что эти господа въ спорахъ съ нами не могли придумать ровно ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что пришлось противъ насъ въ *нелегальной* литературѣ Кто хочетъ убѣдиться въ этомъ, пусть прочтетъ статью г. Тихомирова во 2-ой книжкѣ „Вѣстника Народной Воли“ („Чего намъ ждать отъ революціи?“) и сравнитъ съ тѣми доводами, которые пришлось, долго спустя, опровергать Бельтову въ своей книгѣ. „Нелегальная“ мысль давно опередила у насъ „легальную“.

жемъ увѣрить нашихъ русскихъ товарищей, что эти „толкователи" понимаютъ „Гегелевъ законъ" вовсе не „въ томъ смыслѣ, что дурное, просто въ своемъ крайнемъ развитіи, приведетъ къ хорошему", и къ тому же пользуются имъ какъ „*индуктивнымъ* матеріаломъ" лишь при изученіи исторіи нѣмецкой философіи, въ которой этотъ законъ занимаетъ весьма видное мѣсто и изъ которой его, *во всякомъ случаѣ*, не выкинешь, какъ не выкинешь, по народному выраженію, слова изъ пѣсни. Цитированное нами мѣсто есть почти буквальное повтореніе словъ Дюринга, упрекавшаго Маркса въ томъ, что въ его исторической схемѣ „гегелевское отрицаніе отрицанія играетъ, за недостаткомъ лучшихъ и болѣе ясныхъ средствъ, роль повивальной бабки, при помощи которой будущее выйдетъ изъ нѣдръ настоящаго"[1]). Но эта выходка понесла уже заслуженную кару со стороны Энгельса, разоблачившаго все научное ничтожество произведеній бывшаго берлинскаго доцента. Зачѣмъ же повторять чужія ошибки и становиться, на такомъ шаткомъ основаніи, въ отрицательное отношеніе къ величайшей и самой революціонной общественной теоріи XIX вѣка? Вѣдь безъ революціонной теоріи нѣтъ революціоннаго движенія, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Всякій классъ, стремящійся къ своему освобожденію, всякая политическая партія, добивающаяся господства, — революціонны лишь постольку, поскольку они представляютъ собою наиболѣе прогрессивныя общественныя теченія, а слѣдовательно являются носителями наиболѣе передовыхъ идей своего времени. (Революціонная, по своему внутреннему содержанію, идея есть своего рода динамитъ, котораго не замѣнятъ никакія взрывчатыя вещества въ мірѣ. И пока наше движеніе будетъ происходить подъ знаменемъ отсталыхъ или ошибочныхъ теорій, оно будетъ имѣть революціонное значеніе лишь *нѣкоторыми*, но да-

---

[1]) См. „Kritische Geschichte der Nationaloekonomie und des Socialismus", dritte Auflage, s. 498.

леко не всѣми своими сторонами). Въ то же время оно, безъ вѣдома своихъ участниковъ, будетъ носить въ себѣ зародыши реакціи, которые липнатъ его и этой доли значенія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, потому что, какъ сказалъ еще Гёте, всякому

Новому времени новый костюмъ
Потребенъ для новаго дѣла.

А вѣдь настанетъ же, наконецъ, оно, это дѣйствительно новое время и для нашего отечества.

Впрочемъ, невѣрное пониманіе тѣхъ или другихъ положеній современнаго соціализма не составляетъ еще главнаго препятствія для окончательнаго выхода нашего революціоннаго движенія на путь, проложенный рабочимъ классомъ Запада. Ближайшее знакомство съ литературой „марксизма“ покажетъ нашимъ соціалистамъ, какого могучаго оружія лишали они себя отказываясь понять и усвоить теорію великаго учителя „пролетаріевъ всѣхъ странъ“. Они убѣдятся тогда, что наше революціонное движеніе не только ничего не потеряетъ, но напротивъ, очень много выиграетъ, если русскіе народники и русскіе народовольцы сдѣлаются, наконецъ, русскими марксистами, и новая, высшая точка зрѣнія примиритъ всѣ существующія у насъ фракціи, которыя правы, каждая по своему, потому что, при всей своей односторонности, каждая изъ нихъ выражаетъ извѣстную насущную потребность русской общественной жизни.

Есть другое препятствіе для развитія нашего движенія въ только что указанномъ направленіи. Оно заключается въ томъ отсутствіи у насъ политическаго главомѣра, которое съ самаго начала движенія мѣшало нашимъ революціонерамъ привести свои ближайшія задачи въ соотвѣтствіе со своими силами, и которое обусловливается ничѣмъ другимъ, какъ недостаткомъ политическаго опыта у русскихъ общественныхъ дѣятелей. Отправлялись ли мы въ народъ съ цѣлью распространенія соціалистическихъ изданій, селились ли мы въ дерев-

нять для организаціи протестующихъ элементовъ нашего крестьянства, вступали ли мы въ непосредственную борьбу съ представителями абсолютизма, мы вездѣ повторяли одну и ту же ошибку. Мы всегда преувеличивали свои силы, никогда не принимали въ разсчетъ, во всей его полнотѣ, окружающаго насъ сопротивленія общественной среды, и торопились возвести временно благопріятствуемый обстоятельствами способъ дѣйствія въ универсальный принципъ, исключающій всѣ другіе способы и пріемы. Всѣ наши программы находились, благодаря этому, въ совершенно неустойчивомъ равновѣсіи, изъ котораго ихъ могла вывести самая незначительная перемѣна въ окружающей обстановкѣ. Чуть не каждые два года мѣняли мы эти программы, и не могли остановиться на чемъ либо *прочномъ*, потому что всегда останавливались на чемъ нибудь *узкомъ* и *односторонне*мъ. Подобно тому, какъ, по словамъ Бѣлинскаго, русское общество, не имѣя еще литературы, перешло уже всѣ литературныя направленія, русское соціалистическое движеніе, не сдѣлавшись еще движеніемъ нашего рабочаго класса, успѣло уже перепробовать всѣ возможные оттѣнки западно-европейскаго соціализма.

Предпринятая „Народной Волей" борьба съ абсолютизмомъ, выдвигая нашихъ революціонеровъ на болѣе широкій путь дѣятельности, заставляя ихъ стремиться къ созданію дѣйствительной *партіи*, — будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, сильно содѣйствовать устраненію односторонности *кружковъ*. Но чтобы прекратить эту постоянную смѣну программъ, чтобы отдѣлаться отъ этихъ привычекъ политическихъ номадовъ и пріобрѣсти, наконецъ, умственную осѣлость, русскіе революціонеры должны довести до конца дѣло критики, начавшееся съ возникновеніемъ въ ихъ средѣ сознательныхъ политическихъ тенденцій. Они должны стать въ критическое отношеніе къ той самой программѣ, которая сдѣлала необходимой критику *всѣхъ* прежнихъ программъ и теорій. „Партія На-

родной Воли„ есть дитя переходнаго времени. Ея программа есть послѣдняя программа, родившаяся при тѣхъ условіяхъ, которыя дѣлали нашу односторонность неизбѣжнымъ и потому законнымъ явленіемъ. Расширяя политическій горизонтъ русскихъ соціалистовъ, программа эта сама не свободна еще отъ односторонности. Въ ней также замѣтно отсутствіе политическаго глазомѣра, способности сообразовать ближайшія цѣли партіи съ ея дѣйствительными или возможными силами. Партія Народной Воли напоминаетъ человѣка, идущаго по настоящей дорогѣ, но еще не имѣющаго понятія о разстояніяхъ и потому увѣреннаго въ томъ, что онъ тотчасъ же можетъ „верстъ сто тысячъ отмахать и нигдѣ не отдыхать". Практика разрушитъ, разумѣется, его иллюзіи, но это разрушеніе можетъ стоить ему очень дорого. Лучше ему самому спросить себя, не принадлежатъ ли семимильные шаги къ области фантазіи.

Подъ хожденіемъ семи-мильными шагами мы разумѣемъ упомянутый уже фантастическій элементъ въ интересующей насъ программѣ, который во второмъ № „Народной Воли" выразился въ увѣренности относительно соціально-революціоннаго (мы не говоримъ *соціалистическаго*) большинства въ будущемъ русскомъ Учредительномъ Собраніи, а въ № 8-9 — проявилъ себя въ разсужденіяхъ о „захватѣ власти временнымъ революціоннымъ правительствомъ". Мы глубоко убѣждены, что этотъ фантастическій элементъ въ высшей степени вреденъ для самой „партіи Народной Воли". Какъ партіи соціалистической, онъ вреденъ ей тѣмъ, что отвлекаетъ ее отъ ея непосредственныхъ задачъ въ средѣ рабочаго класса въ Россіи; какъ партіи, взявшей на себя инициативу нашего освободительнаго движенія, — онъ вреденъ ей тѣмъ, что всегда будетъ отталкивать отъ нея очень много средствъ и силъ, которыя могли бы, при другихъ условіяхъ, притекать къ ней изъ среды такъ называемаго общества. Объяснимся подробнѣе.

Къ кому обращается, къ кому *можетъ* и должна обращаться „Народная Воля“ въ своей борьбѣ съ абсолютизмомъ? „Привлеченіе въ организацію (Народной Воли) *отдѣльныхъ лицъ изъ среды крестьянства*,— способныхъ къ ней примкнуть,—читаемъ мы въ „Календарѣ Народной Воли„ [1]) — конечно, всегда признавалось очень желательнымъ... Но что касается организаціи въ настоящее время *въ массѣ* крестьянства, то она признавалась въ эпоху составленія программы совершенной фантазіей, и, если не ошибаемся, дальнѣйшая практика не могла измѣнить въ этомъ отношеніи мнѣній нашихъ соціалистовъ“. Быть можетъ „партія Народной Воли“ разсчитываетъ опереться на болѣе передовой слой нашего трудящагося населенія, т. е. на городскихъ рабочихъ? Она, дѣйствительно, придаетъ весьма большое значеніе дѣлу пропаганды и организаціи въ ихъ средѣ. она считаетъ, что „городское рабочее населеніе должно обратить на себя серьезное вниманіе партіи“. Но уже самая мотивировка необходимости этого дѣла показываетъ, что, по ея понятіямъ, городскіе рабочіе должны быть лишь однимъ изъ элементовъ нашего революціоннаго движенія. Они „имѣютъ особенно важное значеніе *для революціи*, какъ по своему положенію, такъ и по относительно большей развитости — поясняетъ намъ тотъ же документъ, — успѣхъ перваго нападенія всецѣло зависитъ отъ поведенія рабочихъ и войска“. Значитъ, предстоящая революція не будетъ рабочей революціей въ полномъ смыслѣ этого слова.но рабочіе должны принять въ ней участіе, такъ какъ они имѣютъ *для нея* особенно важное значеніе“. Какіе же другіе элементы войдутъ въ это движеніе? Мы видѣли уже, что войдетъ, между прочимъ, „войско“, а въ войскѣ „при настоящихъ условіяхъ пропаганда между солдатами затруднена въ такой степени, что на нее едва ли можно возлагать много надежды. Гораздо

---

[1]) „Подготовительная работа партіи“, страница 129 въ примѣчаніи.

удобнѣе воздѣйствіе на *офицерство*: болѣе развитое, болѣе свободное, оно болѣе доступно вліянію"! Это, конечно, совершенно справедливо, но не будемъ пока останавливаться на этомъ и пойдемъ далѣе. Кромѣ рабочихъ и „офицерства", партія Народной Воли имѣетъ въ виду также либераловъ и „Европу", по отношенію къ которой „политика партіи должна стремиться къ тому, чтобы обезпечить русской революціи сочувствіе *народовъ*, вызвать къ этой революціи симпатіи европейскаго общественнаго мнѣнія". Для достиженія этой цѣли „партія должна знакомить Европу со всѣмъ пагубнымъ значеніемъ русскаго абсолютизма для самой европейской цивилизаціи, съ истинными цѣлями партіи, со значеніемъ нашего революціоннаго движенія, какъ выраженія всенароднаго протеста". Что же касается „либераловъ", то въ отношеніи къ нимъ „слѣдуетъ, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что, при современной постановкѣ партіонныхъ задачъ, интересы наши и ихъ заставляютъ совмѣстно дѣйствовать противъ правительства".

Мы видимъ, такимъ образомъ, что „партія Народной Воля" разсчитываетъ не на одинъ только рабочій и крестьянскій классы и даже не главнымъ образомъ на эти классы. Она имѣетъ въ виду также и общество и офицерство, которое, въ сущности, есть „плоть отъ плоти и кость отъ костей" того же общества. Она хочетъ убѣдить либеральную часть этого общества, что „при современной постановкѣ партіонныхъ задачъ" интересы русскаго либерализма сходятся съ интересами русской соціально-революціонной партіи. Что же она дѣлаетъ, чтобы всѣять въ русскихъ либералахъ это убѣжденіе? Она издаетъ, во-первыхъ, программу „Исполнительнаго Комитета", въ которой говорится, что „*народная воля* была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительнымъ Собраніемъ, избраннымъ свободно, всеобщей подачей голосовъ, при инструкціяхъ отъ избирателей". Въ извѣстномъ „Письмѣ къ Александру III" Ис-

полнительный Комитетъ также требуетъ „созыва представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями". Такая программа, дѣйствительно, совпадаетъ съ интересами русскихъ либераловъ и для ея осуществленія они, пожалуй, примирились бы и со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, котораго не можетъ не требовать „Исполнительный Комитетъ". Во всемъ этомъ программа названнаго „Комитета" обнаруживаетъ гораздо большую зрѣлость, чѣмъ всѣ предшествовавшія ей программы. Но, не говоря уже о такомъ крупномъ промахѣ, какъ требованіе свободы сходокъ, слова, печати и избирательныхъ программъ лишь „въ видѣ временной мѣры" [1]), припомнимъ другія заявленія „партіи Народной Воли". Органъ этой партіи поспѣшилъ предупредить читающую публику, что большинство депутатовъ Учредительнаго Собранія будетъ состоять изъ сторонниковъ радикальнаго экономическаго переворота. Мы уже говорили выше, что эта увѣренность была не болѣе, какъ фикціей, придуманной для соглашенія несогласимыхъ между собою элементовъ народовольческой программы. Взглянемъ теперь на печатное выраженіе такой увѣренности съ точки зрѣнія тактики. Спрашивается, развѣ экономическій переворотъ входитъ въ интересы русскаго либерализма? Развѣ наше либеральное общество сочувствуетъ аграрной революціи, которой, по словамъ „Народной Воли", будутъ добиваться крестьянскіе депутаты? Западно-европейская исторія говоритъ намъ весьма убѣдительно, что тамъ, гдѣ „красный призракъ" принималъ хоть сколько нибудь грозныя формы, „либералы" готовы были искать защиты въ объятіяхъ самой безцеремонной военной диктатуры. Думалъ ли террористическій органъ, что наши русскіе

[1]) Смотри „Письмо къ Александру III," „Календарь Народной Воли", стр. 14.

либералы составятъ исключеніе изъ этого общаго правила? Если такъ, то на чемъ основывалъ онъ свое убѣжденіе? Думалъ ли онъ также, что современное „общественное мнѣніе Европы" до такой степени проникнуто соціалистическими идеями, что будетъ сочувствовать созыву соціально-революціоннаго Учредительнаго Собранія? Или онъ думалъ, что, трепеща краснаго призрака у себя дома, европейская буржуазія будетъ аплодировать появленію его въ Россіи? Само собою разумѣется, что ничего подобнаго онъ не думалъ и ничего подобнаго не забывалъ. Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, было дѣлать это рискованное заявленіе? Или органъ „партіи Народной Воли" былъ до такой степени убѣжденъ въ неминуемомъ осуществленіи своего пророчества, что считалъ нужнымъ побудить членовъ организаціи къ принятію мѣръ, соотвѣтствующихъ важности ожидаемаго событія? Но въ виду того, что въ томъ же органѣ дѣятельность въ народѣ объявлялась безплодною, мы думаемъ, что заявленіе это имѣло скорѣе успокоительный, чѣмъ побудительный характеръ: соціально-революціонное большинство въ Учредительномъ Собраніи ожидалось, *несмотря* на то, что названная дѣятельность напоминаетъ собою теперь „наполненіе бездонныхъ бочекъ Данаидъ".

Само по себѣ заявленіе это могло бы считаться неважнымъ, тѣмъ болѣе, что „Народная Воля" сама, повидимому, разсталась съ преувеличенно-радужными надеждами на составъ будущей русской Конституанты. Мы думаемъ такъ потому, что передовая статья № 8—9 говоритъ объ экономическомъ переворотѣ, который, въ случаѣ отсутствія соціально-революціонной инціативы въ самомъ народѣ, долженъ быть совершенъ „временнымъ революціоннымъ правительствомъ" ранѣе созыва Учредительнаго Собранія. Авторъ статьи совершенно справедливо видитъ лишь въ такомъ переворотѣ гарантію того, что „на созванный Земскій Соборъ явятся истинные представители на-

рода". Прежняя иллюзія „Народной Воли" разсѣялась, такимъ образомъ, окончательно. Но, къ сожалѣнію, она исчезла лишь затѣмъ, чтобы уступить мѣсто новой, еще болѣе вредной для дѣла самой „партіи Народной Воли". Фантастическій элементъ программы не уничтожился, онъ принялъ только новый видъ и называется теперь тѣмъ самымъ „*захватомъ власти временнымъ революціоннымъ правительствомъ*", который долженъ доставить партіи возможность совершить упомянутый экономическій переворотъ. Само собою понятно, что эта новая „постановка партіонныхъ задачъ" ни въ какомъ случаѣ не можетъ внушить ни русскимъ либераламъ, ни буржуазной Европѣ мысли о солидарности ихъ интересовъ съ интересами русскаго революціоннаго движенія. Какъ ни забито, какъ ни задавлено русское общество, но оно вовсе не лишено инстинкта самосохраненія, и ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ добровольно на встрѣчу „красному призраку"; указывать ему на такую „постановку" задачъ партіи — значитъ лишать себя его поддержки и разсчитывать лишь на свои собственныя силы. Но на столько ли велики эти силы, чтобы не рисковано было отталкивать отъ себя такого союзника? Могутъ ли наши революціонеры дѣйствительно захватить въ свои руки власть и удержать ее хоть на короткое время, или всѣ толки объ этомъ представляютъ собою ничто иное, какъ выкраиваніе шкуры звѣря, не только еще не убитаго, но по обстоятельствамъ дѣла, и не подлежащаго убіенію? Вотъ вопросъ, который становится въ послѣднее время злобою дня революціонной Россіи...

Сѣдымъ оговориться. Предыдущія страницы должны были уже убѣдить читателя, что мы не принадлежимъ къ числу принципіальныхъ противниковъ такого акта, какъ захватъ власти революціонной партіей. По нашему мнѣнію, онъ представляетъ собою послѣдній и при томъ совершенно неизбѣжный выводъ изъ той политической борьбы, которую, на извѣстной ступени обществен-

наго развитія, долженъ начать всякій классъ, стремящійся къ своему освобожденію. Достигшій политическаго господства революціонный классъ только тогда и сохранитъ за собою это господство, только тогда и будетъ въ сравнительной безопасности отъ ударовъ реакціи, когда онъ направитъ противъ нея могучее орудіе государственной власти. Den Teufel halte, wer ihn hält! говоритъ Фаустъ.

Но диктатура класса, какъ небо отъ земли, далека отъ диктатуры группы революціонеровъ-разночинцевъ. Это въ особенности можно сказать о диктатурѣ рабочаго класса, задачей котораго является, въ настоящее время, не только разрушеніе политическаго господства непроизводительныхъ классовъ общества, но и устраненіе существующей нынѣ анархіи производства, сознательная организація всѣхъ функцій соціально-экономической жизни. Одно *пониманіе* этой задачи предполагаетъ развитой рабочій классъ, обладающій политическимъ опытомъ и воспитаніемъ, освободившійся отъ буржуазныхъ предразсудковъ и умѣющій самостоятельно обсуждать свое положеніе. *Рѣшеніе* же ея предполагаетъ, кромѣ всего сказаннаго, еще и распространеніе соціалистическихъ идей въ средѣ пролетаріата, сознаніе имъ своей силы и увѣренность въ побѣдѣ. Но *такой* пролетаріатъ *и не позволитъ* захватить власть даже самымъ искреннимъ благожелателямъ. Не позволитъ по той простой причинѣ, что онъ проходилъ школу своего политическаго воспитанія съ твердымъ намѣреніемъ окончить когда нибудь эту школу и выступить самостоятельнымъ дѣятелемъ на арену исторической, а не переходить вѣчно отъ одного опекуна къ другому; не позволитъ потому, что такая опека была бы излишней, такъ какъ онъ и самъ могъ бы тогда рѣшить задачу соціалистической революціи; не позволитъ, наконецъ, потому, что такая опека была бы вредной, такъ какъ сознательнаго участія производителей въ дѣлѣ организаціи производства не замѣнитъ

никакая конспираторская сноровка, никакая отвага и самоотверженіе заговорщиковъ. Одна мысль о томъ, что соціальный вопросъ можетъ быть на практикѣ рѣшенъ кѣмъ либо, помимо самихъ рабочихъ, указываетъ на полное непониманіе этого вопроса, безъ всякаго отношенія къ тому, держится ли ее „желѣзный канцлеръ" или революціонная организація. Появившій условія своего освобожденія и созрѣвшій для него пролетаріатъ возьметъ государственную власть въ свои собственныя руки съ тѣмъ, чтобы, покончивши со своими врагами, устроить общественную жизнь на началахъ — не ан-архіи, конечно, которая принесла бы ему новыя бѣдствія, — но *пан*-архіи, которая дала бы возможность непосредственнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи общественныхъ дѣлъ всѣмъ взрослымъ членамъ общества. До тѣхъ же поръ, пока рабочій классъ не развился еще до рѣшенія своей великой исторической задачи, обязанность его сторонниковъ заключается въ ускореніи процесса его развитія, въ устраненіи препятствій, мѣшающихъ росту его силы и сознанія, а не въ придумываніи соціальныхъ экспериментовъ и вивисекцій, исходъ которыхъ всегда болѣе, чѣмъ сомнителенъ.

Такъ понимаемъ мы вопросъ о захватѣ власти въ соціалистической революціи. Принимая эту точку зрѣнія къ русской дѣйствительности, мы должны сознаться, что отнюдь не вѣримъ въ близкую возможность соціалистическаго правительства въ Россіи.

„Народная Воля" считаетъ современное соотношеніе политическихъ и экономическихъ факторовъ на русской почвѣ" особ ино „выгоднымъ" для соціалистовъ. Мы согласны, что оно болѣе выгодно для нихъ въ Россіи, чѣмъ въ Индіи. Персіи или Египтѣ, но его, конечно, невозможно и сравнивать къ западно-европейскими общественными отношеніями. И если „Народная Воля" пришла къ своему убѣжденію, противопоставляя наши порядки не египетскимъ или персидскимъ, а французскимъ или англійскимъ, то она внала

въ очень крупную ошибку. Современное „соотношеніе общественныхъ факторовъ „на русской почвѣ“ обусловливаетъ собою невѣжество и индефферентизмъ народной массы; когда же такія свойства были выгодны для дѣла ея освобожденія? „Народная Воля“ полагаетъ, повидимому, что индеффферентизмъ этотъ начинаетъ исчезать, такъ какъ въ народѣ все болѣе и болѣе „пробуждается ненависть къ привиллегированнымъ, правящимъ сословіямъ и настойчивое стремленіе къ радикальному измѣненій экономическихъ отношеній“. Но что же выходитъ изъ этого стремленія? „Ненависть къ привиллегированнымъ сословіямъ“ еще ровно ничего не доказываетъ: она не сопровождается часто ни однимъ лучемъ политическаго сознанія. Притомъ же въ настоящее время намъ нужно строго различать *сословное* сознаніе отъ сознанія *классоваго*, такъ какъ старыя сословныя подраздѣленія не соотвѣтствуютъ болѣе экономическимъ отношеніямъ Россіи и готовятся уступить свое мѣсто формальному равенству гражданъ въ „правовомъ государствѣ“. Если „Народная Воля“ взглянетъ на современное міросозерцаніе нашего крестьянства съ точки зрѣнія развитія въ немъ *классоваго* и *политическаго* сознанія, то она едва ли будетъ настаивать на выгодности соотношенія нашихъ общественныхъ факторовъ для дѣла соціальнаго переворота. Вѣдь не можетъ же она считать „выгодными“ для этого дѣла хотя бы тѣ толки, которые идутъ въ средѣ крестьянства по поводу ея собственной борьбы съ правительствомъ. Какъ ни сильно сказывается въ этихъ толкахъ „ненависть къ правящимъ классамъ“, но въ виду того, что самое революціонное движеніе приписывается крестьянами крѣпостническимъ проискамъ дворянъ и чиновниковъ, „временное революціонное правительство“ будетъ находиться въ большой опасности, когда народъ начнетъ „отвоевывать экономическое равенство у своихъ вѣковыхъ угнетателей и эксплуататоровъ“. Тогда нынѣшнее соотношеніе интересующихъ насъ факторовъ обна-

ружить, пожалуй, свойства, весьма *невыгодныя* для временно восторжествовавшихъ заговорщиковъ. Да и что значитъ „отвоевать экономическое равенство“?

Достаточно ли для этого экспропріировать крупныхъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и предпринимателей? Не нужно ли для этого организовать, извѣстнымъ образомъ, и самое производство? А если да, то благопріятны ли ей современныя экономическія отношенія Россіи, иначе говоря, много ли шансовъ на ея успѣхъ обѣщаетъ намъ „экономическій факторъ“? Мы думаемъ, что нѣтъ, и думаемъ такъ по слѣдующей причинѣ. Всякая организація предполагаетъ извѣстныя, опредѣляемыя ея цѣлью и характеромъ, свойства организуемаго. Соціалистическая организація производства предполагаетъ такой характеръ экономическихъ отношеній, который дѣлалъ бы эту организацію логическимъ выводомъ изъ всего предыдущаго развитія страны, и, слѣдовательно, отличался бы весьма значительной опредѣленностью. Другими словами, соціалистическая, какъ и всякая другая, организація требуетъ соотвѣтствующей ей основы. Этой то основы и нѣтъ въ современной Россіи. Старые устои народной жизни слишкомъ узки, разнородны и односторонни и, кромѣ того, слишкомъ уже расшатаны, а — новые только еще вырабатываются. Объективныя общественныя условія производства не созрѣли еще для соціалистической организаціи, а потому и въ самыхъ производителяхъ нѣтъ еще ни стремленія, ни способности къ такой организаціи: наше крестьянство не можетъ еще ни понять, ни рѣшить этой задачи. Поэтому „временному правительству“ придется не „санкціонировать“, а *совершать* „экономическій переворотъ“, если его не снесетъ волной народнаго движенія, если только оно встрѣтитъ достаточно повиновенія со стороны производителей.

Но декретами не создашь условій, чуждыхъ самому характеру современныхъ экономическихъ

отношеній. „Временному правительству“ придется мириться съ тѣмъ, что есть, брать то, что дастъ ему современная русская дѣйствительность въ качествѣ основы его реформаторской дѣятельности. И на этой то узкой и шаткой основѣ зданіе соціалистической организаціи будетъ строиться руками правительства, въ которое войдутъ: во-первыхъ, городскіе рабочіе, пока еще мало подготовленные къ такой трудной дѣятельности, во-вторыхъ, представители нашей революціонной молодежи, всегда остававшейся чуждой практической жизни, и, въ третьихъ, „офицерство“, въ экономическихъ познаніяхъ которыхъ весьма позволительно усомниться. Мы не хотимъ дѣлать весьма вѣроятнаго предположенія относительно того, что, рядомъ со всѣми этими элементами, во временное правительство проникнутъ и либералы, которые будутъ не сочувствовать, а мѣшать соціально-революціонной „постановкѣ партійныхъ задачъ“. Мы предлагаемъ читателю взвѣсить лишь вышеперечисленныя обстоятельства и затѣмъ спросить себя: много ли вѣроятности успѣха имѣетъ „экономическій переворотъ“, начавшійся при этихъ обстоятельствахъ? Точно ли выгодно для дѣла соціалистической революціи существующее нынѣ „соотношеніе политическихъ и экономическихъ факторовъ на русской почвѣ“? И не принадлежитъ ли увѣренность въ выгодности этого соотношенія къ числу фикцій, заимствованныхъ изъ анархически - бунтарскаго міросозерцанія и доведенныхъ въ программѣ новой, *политической* партіи до совершенно уже невозможной крайности? А вѣдь этой фикціей опредѣляются ближайшія „непосредственныя задачи“ партіи, на ней основывается стремленіе къ немедленному „захвату власти“, стремленіе, пугающее наше общество и придающее односторонній характеръ всей дѣятельности нашихъ революціонеровъ!

Намъ возразятъ, быть можетъ, что „Народная Воля„ и не думаетъ приступать къ соціалистической организаціи общества тотчасъ же, послѣ захвата ею власти, что проэктируемый ею „экономи-

ческій переворотъ" имѣетъ цѣлью лишь воспитаніе народа для будущей соціалистической революціи. Посмотримъ, возможно ли такое предположеніе, и если — да, то какіе слѣдуютъ изъ него выводы?

Передовая статья № 8—9 „Народной Воли" говоритъ объ экономическомъ равенствѣ, которое будетъ „отвоевано" самимъ народомъ, а въ случаѣ недостатка въ немъ инціативы, создано временнымъ правительствомъ. Мы говорили уже, что это такъ называемое экономическое равенство возможно лишь при соціалистической организаціи производства. Но допустимъ, что „Народная Воля" считаетъ его возможнымъ и при другихъ условіяхъ, что экономическое равенство будетъ, по ея мнѣнію, достаточно обезпечено переходомъ земли и орудій производства въ собственность трудящихся. Такое мнѣніе было бы ничѣмъ другимъ, какъ возвратомъ къ старымъ народническимъ идеаламъ „Земли и Воли", и, съ экономической точки зрѣнія, обнаруживало бы тѣ же самыя слабыя стороны, которыя свойственны были этимъ идеаламъ. Взаимныя отношенія отдѣльныхъ общинъ другъ къ другу, превращеніе продуктовъ труда общинниковъ въ товары и связанное съ нимъ капиталистическое накопленіе грозили бы сдѣлать это „равенство" весьма неустойчивымъ. При самостоятельности міра, „какъ экономической и административной единицы", при „широкомъ областномъ самоуправленіи, обезпеченномъ выборностью всѣхъ должностей" и принадлежности земли народу", — которыхъ требуетъ программа Исполнительнаго Комитета, центральное правительство не *могло бы* принять никакихъ мѣръ для упроченія этого равенства; если даже и предположить, что оно придумало бы такія мѣры, которыя упразднили бы не только писанные законы Россійской имперіи, но и законы самаго товарнаго производства. Да оно и не захотѣло бы принимать такихъ мѣръ, такъ какъ оно состояло бы изъ представителей того „освобожденнаго экономически и полити

чески народа", идеалы котораго въ лучшемъ случаѣ выражались бы словами „Земли и Воли", и не оставляли бы мѣста для какой либо организаціи національнаго производства (мы не говоримъ уже объ *интернаціональномъ*).

Предположимъ, что въ виду этой опасности „временное правительство „Народной Воли" не передастъ захваченной имъ власти народнымъ представителямъ и превратится въ — постоянное. Тогда ему будетъ предстоять такая альтернатива: или оно должно будетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ медленнаго разложенія созданнаго имъ „экономическаго равенства", или оно вынуждено будетъ *организовать* національное производство. Рѣшить эту трудную задачу оно должно будетъ или въ духѣ современнаго соціализма, чему помѣшаютъ, какъ его собственная непрактичность, такъ и современная степень развитія національнаго труда и привычки самихъ трудящихся; или же оно должно будетъ искать спасенія въ идеалахъ „патріархальнаго и авторитарнаго коммунизма", внося въ эти идеалы лишь то видоизмѣненіе, что вмѣсто перувіанскихъ „сыновъ солнца" и ихъ чиновниковъ національнымъ производствомъ будетъ завѣдывать соціалистическая каста. Но русскій народъ и теперь уже слишкомъ развитъ, чтобы можно было льстить себя надеждою на счастливый исходъ такихъ опытовъ надъ нимъ. Несомнѣнно, кромѣ того, что при такой опекѣ народъ не только не воспитался бы для соціализма, но или окончательно утратилъ бы всякую способность къ дальнѣйшему прогрессу, или сохранилъ бы эту способность, лишь благодаря возникновенію того самаго экономическаго *нер*авенства, устраненіе котораго было бы непосредственной цѣлью революціоннаго правительства. Мы не говоримъ уже о вліяніи между-народныхъ отношеній и о невозможности перувіанскаго коммунизма даже на востокѣ Европы XIX или XX столѣтія.

Впрочемъ, зачѣмъ такъ много говорить о *результатахъ* захвата власти нашими революціонерами.

Вѣроятенъ ли, возможенъ-ли самый захватъ? По нашему мнѣнію очень, очень мало вѣроятенъ: такъ мало вѣроятенъ, что его можно считать совсѣмъ невозможнымъ. Нашъ „мыслящій пролетаріатъ“ сдѣлалъ уже очень много для освобожденія своей родины. Онъ расшаталъ абсолютизмъ, пробудилъ политическій интересъ въ обществѣ, занесъ сѣмя соціалистической пропаганды въ среду нашего рабочаго класса. Онъ составляетъ переходъ отъ высшихъ классовъ общества къ низшему, обладаетъ образованіемъ первыхъ и демократическими инстинктами втораго. Это положеніе облегчало ему разностороннюю работу агитаціи и пропаганды. Но тоже самое положеніе дастъ ему очень мало надежды на успѣхъ заговора съ цѣлью захвата власти. Для такого заговора недостаточно талантовъ, энергіи и образованія; нужны связи, богатство и вліятельное общественное положеніе заговорщиковъ. Именно этого-то и не достаетъ нашей революціонной интеллигенціи. Пополнить этотъ недостатокъ она можетъ, лишь вступая въ союзъ съ другими недовольными элементами русскаго общества. Допустимъ, что ея планы встрѣтятъ сочувствіе со стороны этихъ элементовъ, допустимъ, что къ заговору примкнутъ богатые землевладѣльцы, капиталисты, чиновники, штабъ-и оберъ-офицеры. Успѣхъ заговора станетъ тогда вѣроятнѣе, хотя вѣроятность эта будетъ еще очень невелика: припомнимъ только исходъ большей части извѣстныхъ въ исторіи заговоровъ. Но главная опасность будетъ грозить *соціалистическому* заговору не со стороны существующаго правительства, а со стороны его собственныхъ участниковъ. Вошедшіе въ него вліятельныя и высокопоставленныя лица могутъ быть искренними соціалистами лишь въ видѣ „счастливой случайности“. Относительно же большей части этихъ лицъ не можетъ быть никакихъ гарантій въ томъ, что они не пожелаютъ воспользоваться захваченною ими властью для цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ интересами рабочаго класса. А

разъ заговорщики отклонятся отъ соціалистической цѣли заговора, его можно считать не только безполезнымъ, но даже вреднымъ для соціальнаго развитія страны; вѣдь нельзя же изъ ненависти къ абсолютизму сочувствовать успѣхамъ „новѣйшихъ Сѣяновъ“ — какъ выражается Степнякъ въ своей извѣстной книгѣ, которые захотѣли бы воспользоваться заговоромъ въ своихъ собственныхъ интересахъ. Такимъ образомъ, результаты заговора соціалистической интеллигенціи съ цѣлью захвата власти въ ближайшемъ будущемъ станутъ тѣмъ болѣе сомнительными, чѣмъ болѣе сочувствія встрѣтитъ онъ во вліятельныхъ сферахъ, т. е, чѣмъ вѣроятнѣе будетъ его внѣшній успѣхъ; и наоборотъ, результаты такого заговора, поскольку рѣчь идетъ о намѣреніяхъ его участниковъ — будутъ тѣмъ несомнѣннѣе, чѣмъ болѣе его сфера ограничится нашей соціалистической „интеллигенціей“, т. е, чѣмъ невѣроятнѣе будетъ его счастливый исходъ. Все заставляетъ думать, что въ настоящее время русскому соціалистическому заговору грозила бы неудача скорѣе второго, чѣмъ перваго рода.

Въ виду всего сказаннаго мы думаемъ, что единственною нефантастическою цѣлью русскихъ соціалистовъ можетъ быть теперь только завоеваніе свободныхъ политическихъ учрежденій съ одной стороны, и выработка элементовъ для образованія будущей *рабочей соціалистической партіи* Россіи — съ другой. Они должны выставить требованіе демократической конституціи, которая, вмѣстѣ съ „правами человѣка“, обезпечила бы рабочимъ „права гражданина“ и дала бы имъ, путемъ всеобщаго избирательнаго права, возможность активнаго участія въ политической жизни страны. Не пугая никого далекимъ пока „краснымъ призракомъ“, такая политическая программа вызывала бы къ нашей революціонной партіи сочувствіе всѣхъ, не принадлежащихъ къ систематическимъ противникамъ демократіи; вмѣстѣ съ соціалистами подъ ней могли бы подписаться очень

многіе представители нашего либерализма. [1]) И между тѣмъ, какъ захватъ власти той или другой тайной революціонной организаціей всегда останется лишь дѣломъ этой организаціи и лицъ, посвященныхъ въ ея планы, агитація въ пользу названной программы была бы дѣломъ всего русскаго общества, въ которомъ она усиливала бы сознательное стремленіе къ политическому освобожденію. Тогда интересы либераловъ дѣйствительно „заставили“ бы ихъ „вмѣстѣ съ соціалистами дѣйствовать противъ правительства“, потому что либералы перестали бы встрѣчать въ революціонныхъ изданіяхъ увѣренія въ томъ, что ниспроверженіе абсолютизма будетъ сигналомъ соціальной революціи въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ другая, менѣе пугливая, и болѣе трезвая часть либеральнаго общества перестала бы видѣть въ революціонерахъ непрактичныхъ юношей, задающихся несбыточными и фантастическими планами. Этотъ невыгодный для революціонеровъ взглядъ уступилъ бы мѣсто уваженію общества не только къ ихъ героизму, но и къ ихъ политической зрѣлости. Постепенно это сочувствіе перешло бы въ активную поддержку или, что вѣроятнѣе, въ самостоятельное общественное движеніе, и тогда пробилъ бы, наконецъ, часъ паденія абсолютизма. Соціалистическая партія играла бы въ этомъ освободительномъ движеніи весьма почетную и выгодную роль. Ея славное прошлое, ея самоотверженіе и энергія придали бы вѣсъ ея требованіямъ, и она имѣла бы, по крайней мѣрѣ, шансы завоевать, такимъ образомъ *народу* возможность политическаго развитія

[1]) Примѣчаніе ко 2му изданію. Сочувствіе „общества“ для насъ очень важно. И мы можемъ,—точнѣе: у насъ *было много шансовъ*, — пріобрѣсти его, ни на іоту не измѣняя своей программѣ. Но разумѣется, для перехода этой *возможности въ дѣйствительность* необходимъ *тактъ*, которымъ мы не всегда обладаемъ. Вотъ, напримѣръ, мы иногда пускаемся ругать „капиталъ“ какъ разъ *по тому поводу*, — хотя, конечно, и *не за то*, — что онъ „бунтуетъ“. Марксъ, никогда не сдѣладъ бы такой грубой тактической ошибки. Онъ нашелъ бы, что она достойна Карла Грюна и другихъ „истинныхъ соціалистовъ“.

и воспитанія, *а себѣ* право открытаго обращенія къ нему съ своею проповѣдью и открытой организаціи его въ особую партію.

Но этого мало. Вѣрнѣе, это недостижимо безъ одновременной дѣятельности другого рода и въ другой сферѣ. Безъ силы нѣтъ и права. Всякая конституція, — по прекрасному выраженію Лассаля — соотвѣтствуетъ или стремится придти въ соотвѣтствіе съ „*реальными, фактическими отношеніями силы, существующими въ странѣ*". Поэтому, наша соціалистическая интеллигенція должна позаботиться о томъ, чтобы еще въ до-конституціонный періодъ измѣнить эти фактическія отношенія русскихъ общественныхъ силъ въ пользу рабочаго класса. Въ противномъ случаѣ, паденіе абсолютизма далеко не оправдаетъ надеждъ, возлагаемыхъ на него русскими соціалистами или даже демократами. Требованія народа и въ конституціонной Россіи могутъ быть оставлены совсѣмъ безъ вниманія или удовлетворены лишь настолько, насколько это необходимо для усиленія его податной способности, имѣя почти совершенно истощенной хищническимъ характеромъ государственнаго хозяйства. Сама соціалистическая партія, завоевавши либеральной буржуазіи свободу слова и дѣйствія, можетъ очутиться въ „исключительномъ" положеніи, подобномъ положенію современной нѣмецкой соціальдемократіи. Въ политикѣ на благодарность вчерашнихъ союзниковъ и нынѣшнихъ враговъ можетъ разсчитывать лишь тотъ, кому невозможно разсчитывать на что-либо болѣе серьезное.

Къ счастью, русскіе соціалисты могутъ строить свои надежды на болѣе прочномъ основаніи. Они могутъ и должны надѣяться прежде всего на рабочій классъ. Сила рабочаго, какъ и всякаго другого класса, зависитъ, между прочимъ, отъ ясности его политическаго сознанія, отъ его сплоченности и организованности. Именно эти элементы его силы и подлежатъ воздѣйствію нашей соціалистической интеллигенціи. Она должна стать ру-

ководительницей рабочаго класса въ предстоящемъ освободительномъ движеніи, выяснить ему его политическіе и экономическіе интересы, равно, какъ и взаимную связь этихъ интересовъ, должна подготовить его къ самостоятельной роли въ общественной жизни Россіи. Она должна всѣми силами стремиться къ тому, что-бы, въ первый же періодъ конституціонной жизни Россіи, нашъ рабочій классъ могъ выступить въ качествѣ особой партіи съ опредѣленной соціально-политической программой. Подробная выработка этой программы, конечно, должна быть предоставлена самимъ рабочимъ, но интеллигенція должна выяснить имъ главнѣйшіе ея пункты, какъ напримѣръ, радикальный пересмотръ современныхъ аграрныхъ отношеній, податной системы и фабричнаго законодательства, государственная помощь производительнымъ ассоціаціямъ и т. п. Все это можетъ быть достигнуто лишь путемъ усиленной работы въ средѣ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе передовыхъ слоевъ нашего рабочаго класса, путемъ устной и печатной пропаганды и организаціи рабочихъ соціалистическихъ кружковъ. Эти задачи всегда занимали, правда, болѣе или менѣе видное мѣсто въ программахъ нашихъ соціалистовъ, а „календарь Народной Воли“ можетъ убѣдить насъ въ томъ, что онѣ не были забыты даже въ пылу самой ожесточенной борьбы съ правительствомъ (смотри „Подготовительную работу партіи“, рубрику — B, *Городскіе рабочіе*). Но мы предлагаемъ всякому, знакомому съ нашимъ революціоннымъ движеніемъ, припомнить и сравнить, сколько силъ и средствъ поглотила разрушительная работа и сколько пошло ихъ на подготовленіе элементовъ для будущей *рабочей соціалистической партіи*. Не виня никого, мы думаемъ, однако, что распредѣленіе революціонныхъ силъ было слишкомъ односторонне. А между тѣмъ, мы напрасно стали бы объяснять это свойствомъ самихъ революціонныхъ силъ или той рабочей среды, на которую имъ нужно было воздѣйствовать, согласно ихъ собственной програм-

мѣ. Появленіе и успѣхъ такихъ изданій, какъ „Зерно“ и „Рабочая газета“, показываютъ, что наши революціонеры не утратили склонности къ пропагандѣ, а наши рабочіе не остались къ ней равнодушны. Названныя изданія не избѣжали, конечно, ошибокъ, иногда весьма существенныхъ, но не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Главная бѣда въ томъ, что въ изданіи этихъ листковъ не видно той энергіи, съ какой ведется литературная пропаганда въ „интеллигентныхъ“ слояхъ общества, что арестованная типографія не замѣняется новой, что за невозможностью вести дѣло изданія въ Россіи оно не переносится заграницу и т. д. Изъ всѣхъ заграничныхъ журналовъ, а ихъ было у насъ не мало, только „Работникъ“ и имѣлъ въ виду читателей изъ народа, и въ этомъ величайшая заслуга его издателей. Но „Работникъ“ давно уже прекратился, а мы ничего не слыхали о новыхъ попыткахъ въ этомъ родѣ, хотя бы и съ другою программою, болѣе подходящей къ измѣнившимся взглядамъ русскихъ соціалистовъ. А что издано у насъ для рабочихъ въ Россіи, кромѣ „Зерна“ и „Рабочей газеты“? Ровно ничего. Ни одной книжки, ни одной брошюры? [1]). И это въ то время, когда революціонное движеніе обратило на себя всеобщее вниманіе и народъ, съ жадностью ловя всѣ слухи и толки, въ недоумѣніи спрашиваетъ себя: чего хотятъ эти люди? Можно ли послѣ этого удивляться тѣмъ нелѣпымъ отвѣтамъ на этотъ вопросъ, которыми онъ довольствуется

[1]) Примѣчаніе ко 2-му изданію. Отсюда видно, что идея популярнаго органа совсѣмъ не новость въ нашей литературѣ. Но это обстоятельство, разумѣется, не помѣшало ей казаться опаснымъ новшествомъ многимъ товарищамъ *не далѣе какъ наканунѣ нашего второго съѣзда*, когда я являлся между „искровцами“ едва ли не единственнымъ ея сторонникомъ. Теперь эта идея получила уже практическое, — болѣе или менѣе удачное, — осуществленіе. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Но если бы вы слышали, читатель, какіе изумительные доводы приводились противъ этой идеи въ только что указанное, еще недалекое отъ насъ время, вы воскликнули бы, какъ Фаустъ: Wie weh, wie weh, wie weh!

иногда, за исключеніемъ лучшихъ. Повторяемъ, мы не винимъ *никого*, но *всѣмъ* совѣтуемъ обратить вниманіе на эту сторону дѣла, чтобы во время наверстать упущенное. [1]).

Такимъ образомъ, борьба за политическую свободу съ одной стороны, и подготовка рабочаго класса къ его будущей самостоятельной и наступательной роли — съ другой, такова по нашему мнѣнію „постановка партійныхъ задачъ", единственно возможная въ настоящее время. Связывать въ одно два такихъ существенно-различныхъ дѣла, какъ низверженіе абсолютизма и социалистическая революція, вести революціонную борьбу съ разсчетомъ на то, что эти моменты общественнаго развитія *совпадутъ* въ исторіи нашего отечества — *значитъ отдалять наступленіе и того, и другого*. Но отъ насъ зависитъ *сблизить* эти два момента. Мы должны послѣдовать прекрасному примѣру нѣмецкихъ коммунистовъ, которые шли, по словамъ *Манифеста*, „рядомъ съ буржуазіей, по скольку она являлась революціонной въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи" и, въ тоже время, ни на минуту не переставали вырабатывать въ умахъ рабочихъ возможно болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата". Поступая такимъ образомъ, коммунисты хотѣли, чтобы „нѣмецкая буржуазная революція послужила лишь непосредственнымъ прологомъ революціи рабочей".

Современное положеніе буржуазныхъ обществъ и вліяніе международныхъ отношеній на соціальное развитіе каждой цивилизованной страны даютъ право надѣяться, что соціальное освобожденіе русскаго рабочаго класса послѣдуетъ очень скоро за паденіемъ абсолютизма. Если нѣмецкая буржуазія „*пришла слишкомъ поздно*", то русская запоздала еще болѣе, и господство ея не можетъ

---

[1]) „Въ истекшемъ году — читаемъ мы въ Прибавленіи къ Листку II. В. № 1 (1883 г., стр. 61) — былъ цѣлый рядъ стачекъ, которыя, *благодаря отсутствію организаціи рабочихъ*, кончались большей частью неудачей"!

быть продолжительнымъ. Нужно только, чтобы русскіе революціонеры, въ свою очередь, не „слишкомъ поздно“ начали дѣло подготовки рабочаго класса, дѣло, теперь уже ставшее вполнѣ современнымъ и насущнымъ.

Во избѣжаніи недоразумѣній оговоримся. Мы не держимся того взгляда — скорѣе, какъ мы видѣли, навязаннаго школѣ Маркса, чѣмъ существовавшаго въ дѣйствительности — взгляда, по которому соціалистическое движеніе не можетъ будто бы встрѣтить поддержки въ нашей крестьянской средѣ до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ не превратится въ безземельнаго пролетарія, а сельская община не разложится подъ вліяніемъ капитализма. Мы думаемъ, что — въ общемъ — русское крестьянство отнеслось бы съ большой симпатіей ко всякой мѣрѣ, имѣющей въ виду такъ называемую „націонализацію земли“. При возможности сколько нибудь свободной агитаціи въ его средѣ [1]) оно отнеслось бы съ сочувствіемъ и къ соціалистамъ, которые не замедлили бы, разумѣется, внести требованіе такого рода мѣръ въ свою программу. Но мы не преувеличиваемъ силъ нашихъ соціалистовъ и не игнорируемъ тѣхъ препятствій, того сопротивленія среды, съ которыми имъ неизбѣжно придется считаться въ своей дѣятельности. Поэтому, и *только по-этому*, мы думаемъ, что имъ слѣдуетъ, на первое время, сосредоточить главное свое вниманіе на промышленныхъ центрахъ. Современное сельское населеніе, живущее при отсталыхъ соціальныхъ условіяхъ, не только менѣе промышленныхъ рабочихъ способно къ сознательной политической *инціативѣ*, но и менѣе ихъ *воспріимчиво* къ движенію, начатому нашей революціонной интеллигенціей. Ему труднѣе усвоить соціалистическія ученія, потому что условія его жизни слишкомъ не похожи на условія, породившія эти ученія. Къ тому же крестьянство переживаетъ теперь тяжелый критическій періодъ. Прежніе

---

[1]) Примѣчаніе ко 2-му изданію. Т. е. при конституціи.

„старо-дѣдовскіе устои“ его хозяйства рушатся, „сама несчастная община дискредитируется въ его глазахъ“, по признанію даже такихъ „стародѣдовски“-народническихъ органовъ, какъ „Недѣля“ (см. 39 № статью г. N. Z „*Въ родныхъ мѣстахъ*“): новыя же формы труда и жизни еще только складываются, и этотъ созидательный процессъ обнаруживаетъ наибольшую интенсивность именно въ промышленныхъ центрахъ. Какъ вода, размывая и разрушая одну часть почвы, образуетъ въ другихъ мѣстахъ новые осадки и отложенія, такъ процессъ русскаго соціальнаго развитія образуетъ новыя общественныя формаціи, разрушая вѣковыя формы отношенія крестьянъ къ землѣ и другъ къ другу. Эти новыя общественныя формаціи носятъ въ себѣ зародыши новаго общественаго движенія, которое одно только и можетъ положить конецъ эксплуатаціи трудящагося населенія Россіи. Промышленные рабочіе, — обладающіе большимъ развитіемъ, болѣе высокими потребностями и болѣе широкимъ кругозоромъ, чѣмъ крестьянство, — примкнутъ къ нашей революціонной интеллигенціи въ ея борьбѣ съ абсолютизмомъ, и за тѣмъ, добившись политической свободы, организуются въ рабочую соціалистическую партію, которая и должна будетъ начать систематическую пропаганду соціализма въ средѣ крестьянства. Говоримъ о *систематической пропагандѣ* потому, что отдѣльные случаи пропаганды и агитаціи въ крестьянствѣ, конечно, не должны быть упускаемы и въ настоящее время. Едва-ли нужно прибавлять, что наши соціалисты должны были бы измѣнить распредѣленіе своихъ силъ въ народѣ, если бы въ средѣ крестьянства обнаружилось сильное самостоятельное движеніе.

Такова „программа“, которая самою жизнью подсказывается русской революціонной соціалистической партіи. Съумѣетъ ли она выполнить эту программу? Захочетъ ли она покинуть фантастическіе планы и замыслы, которые, надо сознаться, очень много говорятъ чувству и воображенію? Пока еще трудно отвѣчать на это съ увѣренностью. „Объявленіе

объ изданіи Вѣстника Народной Воли" говоритъ о политическихъ задачахъ революціонной партіи лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Редакція „Вѣстника" называетъ эти цѣли „совершенно опредѣленными" и не считаетъ, повидимому, нужнымъ снова опредѣлять ихъ въ своемъ объявленіи. Можно опасаться, поэтому, что она не сочтетъ также нужнымъ спросить себя, соотвѣтствуютъ ли „совершенно опредѣленныя условія" современной русской дѣйствительности „совершенно опредѣленнымъ цѣлямъ" партіи Народной Воли? Въ такомъ случаѣ, новый органъ оставитъ неудовлетворенной самую насущную потребность нашей революціонной литературы, потребность въ критическомъ пересмотрѣ устарѣвшихъ программъ и традиціонныхъ способовъ дѣйствія. Но мы надѣемся, что будущее разсѣетъ наши опасенія. Намъ хочется думать, что новый органъ трезво взглянетъ на тѣ задачи нашей революціонной партіи, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ ея будущее. Общественная жизнь относится къ ея современнымъ иллюзіямъ съ тою же безпощадностью, съ какой отнеслась она къ иллюзіямъ нашихъ „бунтарей" и пропагандистовъ. *Лучше теперь же послѣдовать ея указаніямъ, чѣмъ отлачивать, впослѣдствіи, ея суровые уроки новыми расколами и новыми разочарованіями.*

Современныя задачи русскихъ рабочихъ[1]).

(Письмо къ Петербургскимъ рабочимъ кружкамъ).

Дорогіе товарищи! Я получилъ приглашеніе сотрудничать въ журналѣ „Рабочій“ и охотно принимаю это приглашеніе, чтобы побесѣдовать съ вами о задачахъ нашей нарождающейся соціалъ-демократіи.

Я потому обращаюсь съ письмомъ именно къ вамъ, — къ кружкамъ рабочихъ, — что у насъ въ Россіи, какъ везлѣ и всюду, соціалъдемократическая партія должна быть партіей по преимуществу рабочей. Это не значитъ, что соціалдемократическая партія должна отталкивать отъ себя людей изъ другихъ классовъ общества. Такая исключительность была бы совершенно несправедливой, создала бы ей цѣлый рядъ неудобствъ и даже поставила бы ее въ почти безвыходное положеніе.

Называя ее партіей рабочей по преимуществу, я хочу только сказать, что наша революціонная интеллигенція должна идти *съ рабочими*, а наше крестьянство должно идти *за ними*. При такой постановкѣ вопроса, наша соціалъдемократическая партія можетъ сохранить свой рабочій характеръ, вовсе не впадая во вредную исключительность.

Послѣ этой оговорки я прямо перехожу къ вопросу о томъ, каковы современныя задачи русскихъ рабочихъ.

---

[1]) Напечатано впервые въ № 2 нелегальнаго журнала „Рабочій“, нѣсколько №№ котораго вышло въ 1885 году въ Петербургѣ.

Въ чемъ заключаются эти задачи, задачи тѣхъ рабочихъ кружковъ, которые уже существуютъ въ Россіи и которые должны, постепенно умножаясь и расширяясь, составить грозную силу русской соціальдемократіи?

Одно изъ двухъ: или эти задачи фантастичны, *придуманы* кѣмъ нибудь изъ васъ или вашихъ друзей, или онѣ представляютъ собой прямой выводъ изъ вашего современнаго положенія. Въ первомъ случаѣ всѣ разсужденія о нихъ были бы безплодными и праздными, потому что на мѣсто одной выдумки всегда можно поставить другую, столь же интересную и привлекательную. Споры были бы безконечны, и русская соціальдемократія превратилась бы въ общество фантазеровъ и болтуновъ, людей слова, а не дѣла. Но если ваши задачи вытекаютъ изо всего вашего положенія, то онѣ опредѣляются сами собою; изъ того *что есть*, не трудно судить о томъ, *что можетъ* и *должно быть*.

Едва ли нужно спрашивать о томъ, какой путь опредѣленія задачъ рабочаго класса лучше, серьезнѣе и основательнѣе. Дѣло говоритъ само за себя, и хотя мы съ вами можемъ ошибаться, какъ и всѣ другіе люди, но мы не можемъ и не должны отказываться отъ попытки построить задачи русской соціальдемократіи на твердомъ фундаментѣ дѣйствительности.

Что же представляетъ собою эта дѣйствительность? Каково ваше современное положеніе?

Во-первыхъ, — вы — рабочіе; а во-вторыхъ, вы — граждане или, — такъ какъ гражданъ у насъ пока нѣтъ, — вы обыватели русскаго государства.

Въ качествѣ рабочихъ вы продаете свою рабочую силу хозяину и обязаны трудиться на него съ утра до вечера. Своимъ упорнымъ, тяжелымъ, изнурительнымъ трудомъ вы другимъ создаете огромныя богатства, а сами имѣете лишь ту скудную *заработную плату*, которая не всегда достаточна даже для того, чтобы позволить вамъ воз-

становить свои силы и предохранить своихъ дѣтей отъ преждевременнаго изнуренія.

Но и эта скудная плата не цѣликомъ попадаетъ въ ваши карманы. Получивши ее отъ хозяина, вы должны еще платить изъ нея налоги и подати, которые поступаютъ въ государственную казну. Въ этомъ случаѣ вы являетесь въ качествѣ „обывателей“, обязанныхъ платить, не разсуждая о томъ, куда идутъ собранныя съ нихъ деньги.

Въ качествѣ рабочихъ вы вступаете въ договоръ съ вашимъ хозяиномъ. Вы обѣщаетесь работать, онъ обѣщается платить вамъ извѣстную сумму денегъ поденно или поштучно. Но вотъ вашъ хозяинъ находитъ, что платить вамъ условленную сумму ему невыгодно. Онъ вывѣшиваетъ объявленіе, въ которомъ доводитъ до вашего свѣдѣнія, что съ такого то числа ваша поденная или поштучная плата будетъ понижена на столько то. Вы не соглашаетесь на такое пониженіе и объявляете ему, что не станете работать. Приходитъ назначенный день, фабрика или заводъ пустѣетъ. Тогда хозяинъ идетъ въ полицію и говоритъ, что вы „бунтуете“. На мѣсто дѣйствія спѣшатъ городовые, жандармы, казаки, многихъ изъ васъ хватаютъ, сажаютъ въ тюрьмы или высылаютъ, а остальныхъ насильно заставляютъ идти на работу. Въ этомъ случаѣ вы опять таки являетесь въ качествѣ „обывателей“, отданныхъ въ жертву полицейскаго произвола и насилія.

Въ качествѣ рабочихъ вы испытываете теперь многочисленныя бѣдствія. Если вы задумаетесь о томъ, какъ избавиться отъ этихъ бѣдствій, если вы станете собираться и обсуждать ваше положеніе, если вы начнете читать книги, которыя зовутъ васъ на борьбу съ вашими притѣснителями — васъ опять объявятъ бунтовщиками, васъ будутъ обыскивать, арестовывать и жестоко наказывать по суду или даже безъ всякаго суда, „*административнымъ порядкомъ*“. И въ этомъ случаѣ васъ преслѣдуютъ не какъ рабочихъ такой то фаб-

рики или такого то завода, а просто, какъ безправныхъ „обывателей“, которымъ запрещено думать, какъ они хотятъ и говорить, какъ они думаютъ.

Во всемъ, мною сказанномъ, нѣтъ, какъ вы знаете по собственному опыту, ни малѣйшаго преувеличенія. Напротивъ, изображая ваше положеніе лишь въ общихъ чертахъ, я не могъ коснуться многихъ такихъ подробностей, передъ которыми поблѣднѣло бы все выше сказанное.

Но для моей цѣли довольно и сказаннаго. Уже изъ него видно, что ваши задачи также должны имѣть двѣ стороны, какъ имѣетъ ихъ ваше современное положеніе.

Вы должны бороться: во-первыхъ, ради своего освобожденія отъ гнета хозяевъ отъ *экономической эксплуатаціи*, а во-вторыхъ, — ради пріобрѣтенія тѣхъ правъ, которыя положатъ конецъ полицейскому произволу и сдѣлаютъ изъ васъ, — пока еще безправныхъ обывателей, — *свободныхъ граждан свободной страны*. Другими словами, вы должны бороться *во имя политической свободы*.

И не думайте, что эти двѣ задачи могутъ быть отдѣлены одна отъ другой, что онѣ могутъ быть рѣшены порознь и независимо другъ отъ друга.

Каждый изъ васъ одновременно является и эксплуатируемымъ рабочимъ и безправнымъ обывателемъ. Поэтому и всѣ вы въ совокупности, — весь русскій рабочій классъ, — должны одновременно преслѣдовать, какъ политическую, такъ и экономическую цѣль. Вы должны одновременно стремиться низвергнуть, какъ тѣхъ, которые являются его господами на фабрикѣ, такъ и тѣхъ, которые полновластно распоряжаются теперь въ русскомъ государствѣ.

Одно немыслимо безъ другого. Безъ экономической независимости вы никогда не будете въ состояніи воспользоваться во всей полнотѣ вашими политическими правами; безъ политическихъ правъ вы никогда не добьетесь экономической не-

зависимости. И если бы даже нашлось такое правительство, которое захотѣло бы и могло бы, — не давая вамъ политическихъ правъ, — обезпечить ваше матеріальное положеніе, то вы все таки были бы не болѣе, какъ *сытыми рабами, хорошо откормленнымъ рабочимъ скотомъ.* Ваше умственное развитіе. ваше нравственное достоинство пострадали бы отъ этого даже болѣе, чѣмъ теперь, когда правительственный гнетъ толкаетъ васъ на борьбу и наполняетъ негодованіемъ ваше сердце.

Ваши западно-европейскіе братья давно уже поняли тѣсную взаимную связь, названныхъ задачъ. Они видятъ въ своихъ политическихъ правахъ могучее средство борьбы за экономическое освобожденіе и не промѣняютъ этихъ правъ ни на какія подачки существующихъ правительствъ.

Мало того. Когда въ 1878 г. петербургскіе рабочіе-соціалисты организовались въ „Сѣверно-Русскій рабочій Союзъ", они также выразили въ своей программѣ убѣжденіе въ томъ, что экономическое освобожденіе трудящихся неразрывно связано съ ихъ политическимъ освобожденіемъ, они думали такъ, *не смотря на то,* что соціалисты изъ такъ называемой интеллигенціи говорили имъ, что рабочимъ вовсе не слѣдуетъ интересоваться политическими вопросами, — до такой степени эта мысль естественно вытекаетъ изъ всего положенія рабочаго класса, до такой степени основывается она на *самой безспорной дѣйствительности.*

Если вы признаете, — какъ я въ этомъ увѣренъ, — справедливость этой мысли, то мы, сговорившись въ главномъ, безъ труда сговоримся и въ подробностяхъ.

Мы знаемъ теперь, что предъ русскимъ рабочимъ классомъ стоятъ двѣ задачи: одна — экономическая, другая — политическая. Только разрѣшивши объ эти задачи, онъ достигнетъ своего *соціальнаго* (общественнаго) освобожденія, т. е. создастъ новый общественный строй, удовлетворяю-

ціи всѣ его потребности и непротиворѣчащій никакимъ его интересамъ.

Чѣмъ же могутъ быть разрѣшены эти задачи?

Онѣ могутъ быть разрѣшены только силой.

Современное правительство не дастъ вамъ добровольно политическихъ правъ; землевладѣльцы, фабриканты, заводчики, башкиры, словомъ тѣ, въ рукахъ которыхъ скопляются теперь богатства, не откажутся добровольно отъ этихъ богатствъ и не передадутъ ихъ добровольно въ ваше распоряженіе. Между тѣмъ вамъ необходимо, какъ то, такъ и другое. Вамъ остается поэтому припомнить, что *народное благо есть высшій законъ*, и во имя этого блага *силой* заставить вашихъ враговъ сдѣлать то, къ чему вы не склоните ихъ никакими просьбами, никакими увѣщаніями.

И такъ, только силой можете вы добиться своего освобожденія. Значитъ вамъ нужна сила, нужно очень много силы. Въ чемъ же она заключается?

Сила рабочаго класса зависитъ отъ трехъ условій: 1) отъ его сознательности, т. е. отъ яснаго пониманія того, къ чему онъ стремится; 2) отъ его сплоченности и въ 3) отъ его тактики, т. е. отъ умѣнія во время нападать на своихъ враговъ и пользоваться каждой, даже и самой ничтожной побѣдой, для облегченія своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Я не говорю о смѣлости, о той безповоротной рѣшимости во чтобы то ни стало добиться своихъ цѣлей, безъ которой нечего и начинать борьбу. Это четвертое условіе подразумѣвается само собою и можетъ быть выражено русской пословицей; „волковъ бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить".

Разсмотримъ каждое изъ этихъ условій.

Въ настоящее время огромное большинство крестьянъ и рабочихъ недовольны своимъ положеніемъ. Мѣстами недовольство это выходитъ наружу, ведетъ къ такъ называемымъ „бунтамъ" и „безпорядкамъ" въ средѣ крестьянъ и рабочихъ. „Безпорядки" эти безспорно вызываются тѣми коренными недостатками современнаго обще-

ственнаго устройства, устраненія которыхъ требуютъ соціальдемократы. Но сами замѣшанные въ „безпорядкахъ" рабочіе и крестьяне не видятъ этихъ недостатковъ. Ихъ недовольство обрушивается по большей части на какой нибудь отдѣльный частный случай, на одно какое нибудь „злоупотребленіе" тѣми порядками, которые уже сами по себѣ, безъ всякихъ частныхъ злоупотребленій, представляютъ вопіющее зло. Правда, страдающіе отъ малоземелья крестьяне приходятъ къ той мысли, что земля должна быть отобрана отъ тѣхъ, кто не обрабатываетъ ее собственнымъ трудомъ. Но дальше этого отобранія земли они ничего не видятъ и не знаютъ, а вѣдь имъ нужно распоряжаться землею, такъ чтобы она опять не перешла въ руки кулаковъ и эксплуататоровъ. Да и этого отобранія земли, этого „чернаго передѣла" крестьяне ждутъ отъ царя, который, разумѣется, никогда его не сдѣлаетъ. Слѣдовательно наши крестьяне, хотя и думаютъ, что долженъ произойти важный переворотъ во всѣхъ поземельныхъ отношеніяхъ, но не знаютъ ни — *какъ* надо сдѣлать этотъ переворотъ, ни — *кто* его сдѣлаетъ. А это почти равносильно тому, что они ничего не знаютъ. Тоже и съ рабочими. Во время стачки 1878 г. на Новой бумагопрядильнѣ (на Обводномъ каналѣ) рабочіе поговаривали между собою о томъ, что казна должна была бы отобрать фабрику и ужъ отъ себя вести все дѣло. Въ этой мысли есть нѣкоторый зачатокъ истины. Фабрики, дѣйствительно, должны быть отобраны у частныхъ владѣльцевъ и перейти въ собственность всего государства, которое ужъ и будетъ ими управлять и завѣдывать. Но рабочіе не знали ни того, какъ должно поступать государство съ тѣми продуктами, которые будутъ производиться на отобранныхъ фабрикахъ, ни того, какое государство можетъ все это сдѣлать. Имъ казалось, что — нынѣшнее государство, съ царемъ во главѣ и со всѣмъ его чиновничествомъ можетъ это сдѣлать. Они хотѣли только быть „казенными"

рабочими, вмѣсто того, чтобы служить собственникамъ бумагопрядильни. Но отъ такой перемѣны они ровно бы ничего не выиграли. Здѣсь опять недостатокъ сознательности помѣшалъ имъ выставить настоящія, дѣйствительно важныя требованія. И такъ во всемъ.

Вотъ этотъ то недостатокъ сознательности вы и должны устранять всѣми возможными для васъ путями. Болѣе развитые рабочіе должны помнить, что на нихъ лежитъ огромный долгъ по отношенію къ ихъ болѣе темнымъ братьямъ. Соціалистическая пропаганда, т. е. распространеніе соціалистическихъ мыслей и, — какъ средство для этого, — распространеніе соціалистическихъ книгъ, брошюръ и воззваній (теперь у васъ есть уже газета), такая пропаганда составляетъ прямую ихъ обязанность. А такъ какъ въ одиночку заниматься такими вещами неудобно, то вы должны озаботиться созданіемъ какъ можно большаго числа соціалистическихъ кружковъ въ своей средѣ. Такіе кружки удесятеряютъ силы каждаго изъ васъ въ отдѣльности.

Эти же кружки сослужатъ вамъ и другую службу. Они дадутъ вамъ возможность образовать въ своей средѣ стройную, сплоченную организацію. Когда вы будете имѣть такую организацію въ Петербургѣ и Москвѣ, когда столичныя организаціи войдутъ въ постоянныя сношенія съ кружками въ провинціи ихъ, когда будутъ многочисленны эти провинціальные кружки — тогда вы станете такой прочной революціонной силой, какой у насъ еще никогда не бывало. Тогда у насъ будетъ много частныхъ успѣховъ и не далекъ будетъ общій успѣхъ, первая въ высшей степени важная побѣда надъ вашими врагами.

Какой же именно успѣхъ, какая именно побѣда?

Я сказалъ уже вамъ, что ваша сила будетъ зависѣть, между прочимъ, и отъ вашей тактики, т. е. 1) отъ вашего умѣнья изъ каждаго вашего успѣха извлекать всю ту пользу, которую можно извлечь изъ него.

Остановимся прежде всего на умѣньи пользоваться своими успѣхами.

Вы задаетесь цѣлью организовать соціалистическіе кружки въ своей средѣ. Вы будете имѣть право сказать, что имѣете успѣхъ, если кружки эти будутъ многочисленны, связаны между собою и пріобрѣтутъ вліяніе на остальную массу рабчихъ, не входящихъ въ организацію. Спрашивается, какъ воспользуетесь вы этимъ успѣхомъ? Вы будете развивать въ рабочей массѣ сознательное отношеніе къ ея современному положенію и къ ея задачамъ въ будущемъ. Вы будете распространять соціалистическія мысли, т. е. вести *пропаганду*, вы будете возбуждать недовольство противъ нынѣшнихъ порядковъ, т. е. вести *агитацію*[1]). Это очень хорошо, необходимо и полезно, но это еще не все, что вы можете извлечь изъ вашего успѣха. Если ваши кружки будутъ расти и развиваться, то неизбѣжно прійдетъ время, когда, кромѣ всего вышеперечисленнаго, вы въ состояніи будете извлечь изъ вашего успѣха и другія важныя выгоды. Какія, напримѣръ?

Въ настоящее время ваши кружки организуются тайно. За принадлежность къ этимъ кружкамъ вамъ грозитъ строгое наказаніе: за каждую книгу, найденную у васъ на столѣ, за каждое слово неудовольствія, высказанное открыто и громко, васъ караютъ и преслѣдуютъ. Вообразите теперь, что вы получили бы право вести ваше дѣло, ни отъ кого не скрываясь, что вамъ предоставлена была бы *свобода слова, печати, сходокъ* и всяческихъ *обществъ*; представьте себѣ, что все то, что вы теперь дѣлаете въ тайнѣ, было бы также законно, какъ покупка новой одежды или прогулка по Царицыну лугу. Не было ли бы это для васъ огромнымъ преимуществомъ? Не росли ли бы тогда ваши силы вдесятеро скорѣе? Представьте себѣ, кромѣ того, что у васъ есть не только эти „отрицатель-

---

[1]) Какъ видитъ читатель, мысль объ агитаціи не была для насъ новостью, когда появилась, — въ половинѣ 90-хъ годовъ, — брошюра по вопросу о ней („Объ агитаціи").

ныя“ права, что васъ не только не преслѣдуютъ за вашу пропаганду и агитацію, но что вы имѣете также положительное право участвовать — черезъ вашихъ представителей въ законодательствѣ, что вы свободно выбираете этихъ представителей, обсуждаете дѣйствія правительства, открыто выражаете свое неудовольствіе на него, отстаиваете проекты выгодныхъ для васъ законовъ. Развѣ все это не способствовало бы вашимъ дальнѣйшимъ успѣхамъ? Развѣ все это не давало бы вамъ новыхъ силъ въ борьбѣ съ врагами?

Конечно — да, конечно давало бы! Изъ союза тайныхъ рабочихъ кружковъ вы превратились бы тогда, наконецъ, въ *открытую рабочую соціалъ-демократическую партію*. А если это такъ, то вы сдѣлали бы большую ошибку, не воспользовавшись силами своихъ тайныхъ организацій для достиженія этой цѣли.

Но какъ достичь ее? Хватитъ ли вашихъ силъ на исполненіе такой важной задачи?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я напомню вамъ, что разумная тактика всякой партіи требуетъ, чтобы ея нападенія на враговъ совершались именно въ моменты наиболѣе благопріятные. Своевременность нападенія въ весьма значительной степени облегчаетъ побѣду. Поэтому мы и должны спросить себя, своевременно ли было бы для васъ добиваться политическихъ правъ въ настоящее именно время?

На этотъ вопросъ, не колеблясь, отвѣчаю утвердительно. Между вашими врагами, которые такъ часто соединяются противъ васъ, между правительствомъ и высшими классами нѣтъ единодушія. Царь не хочетъ отказаться отъ своей деспотической власти, онъ не хочетъ подѣлиться ею съ высшими сословіями. Онъ желаетъ остаться полновластнымъ, абсолютнымъ монархомъ, во что бы то ни стало сохранить весь блескъ, все азіатское величіе своего сана. А между тѣмъ у него для этого нѣтъ ни силы, ни возможности. Преслѣдуемый революціонерами, онъ уже не правитъ

страною, а думаетъ только о томъ, какъ бы спасти свою жизнь отъ ударовъ революціонеровъ. На дѣлѣ вся власть перешла въ руки кучки крѣпостниковъ, ханжей или корыстолюбцевъ, думающихъ только о своей наживѣ.

Упиваясь своей минутной побѣдой, не думая о завтрашнемъ днѣ, эта кучка ханжей, корыстолюбцевъ и честолюбцевъ потеряла всякій смыслъ и всякую мѣру. Она бьетъ направо и налѣво, не отличаетъ друзей отъ враговъ и мечтаетъ о томъ, чтобы вернуться къ временамъ крѣпостническаго права. Но такой поворотъ невыгоденъ даже для огромной части лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ. Они видятъ, что эта реакціонная политика правительства вредитъ ихъ собственнымъ интересамъ и все болѣе и болѣе задумываются о томъ, чтобы положить предѣлъ самовластью царскихъ любимцевъ. Они хотятъ ограничить царскую власть, ввести у насъ *конституціонное устройство*. Чѣмъ болѣе распространяется подобное стремленіе, тѣмъ болѣе возрастаетъ неудовольство современнымъ правительствомъ, а слѣдовательно тѣмъ менѣе можетъ это правительство разсчитывать на сочувствіе и поддержку. А пока оно продолжаетъ терять кредитъ въ глазахъ высшихъ классовъ, въ глазахъ, такъ называемаго *общества*, всѣ государственныя дѣла приходятъ въ упадокъ: долги растутъ, казна пустѣетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаются и средства ея пополненія. Всѣ эти средства брались до сихъ поръ съ народа, но народъ все болѣе и болѣе бѣднѣетъ и скоро дойдетъ до такого положенія, что взять съ него будетъ нечего. Тогда правительству волей-неволей придется обратиться къ обществу, чтобы съ его помощью избавиться отъ необходимости объявить себя банкротомъ. *Абсолютная* монархія уступитъ мѣсто монархіи *ограниченной*. Царь долженъ будетъ раздѣлить свою власть съ Земскимъ Соборомъ, съ Парламентомъ или вообще законодательнымъ собраніемъ, какъ бы его не называли.

Вотъ этотъ то раздоръ въ лагерѣ вашихъ враговъ, вотъ эта та необходимость ограниченія царской власти и облегчитъ вамъ завоеваніе политическихъ правъ и политической свободы. Придетъ время, когда сами высшіе классы будутъ просить вашей помощи въ борьбѣ съ царемъ, когда они сами будутъ толкать васъ на борьбу за свободу. Но, пользуясь этимъ выгоднымъ для васъ обстоятельствомъ, вы всетаки должны начать эту борьбу на свой собственный страхъ и для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей. Не забывайте, что въ политикѣ нѣтъ благодарности, и если вы не будете думать сами о себѣ, то другіе будутъ думать о васъ лишь до тѣхъ поръ, пока имъ нужно будетъ пользоваться вашей силой. Но какъ только дѣло дойдетъ до *выгодъ*, принесенныхъ борьбою, то высшіе классы будутъ помнить *только о себѣ*, да развѣ еще о томъ, чтобы держать васъ въ уздѣ и въ повиновеніи. Но если вы будете сильны и сплочены, если вы сознательно пойдете къ своей цѣли, то вы сумѣете отстоять свои права и не даромъ затратите свои силы.

Вы добьетесь тогда для всѣхъ васъ, т. е. для всѣхъ крестьянъ и рабочихъ, право выбирать представителей въ Законодательное Собраніе и быть выбираемыми въ такія представители, вы добьетесь свободы слова, печати, сходокъ, собраній, образованія рабочихъ обществъ — короче, вы завоюете себѣ *политическія права и политическую свободу*. А мы знаемъ уже, что такая удача была бы въ высшей степени полезна для вашихъ дальнѣйшихъ успѣховъ.

Значитъ, разумная тактика требуетъ, чтобы вы при первой же возможности постарались завоевать себѣ политическія права и политическую свободу, а современное положеніе Россіи показываетъ вамъ, что возможность эта очень недалека уже въ настоящее время.

Недостатокъ мѣста заставляетъ меня лишь кратко коснуться въ этомъ первомъ письмѣ того употребленія, которое вы сдѣлаете изъ своей

политической побѣды. Но дѣло ясно и само по себѣ.

Опираясь на завоеванныя вами права, вы сумѣете также хоть немного улучшить свое матеріальное положеніе. Ваши представители потребуютъ отъ Законодательнаго Собранія цѣлаго ряда экономическихъ реформъ въ пользу бѣдныхъ и трудящихся классовъ. Конечно, нельзя ожидать серьезныхъ реформъ отъ Собранія, въ которомъ большинство будетъ состоять изъ представителей высшихъ классовъ. Но, во первыхъ, вы все-таки получите такимъ образомъ несравненно больше, чѣмъ получили бы вы, сидя сложа руки. А во вторыхъ—упорство высшихъ классовъ также пойдетъ вамъ на пользу, хотя и въ другомъ отношеніи. Оно возбудитъ неудовольствіе народа, оно толкнетъ въ ваши революціонные ряды тѣхъ, которые, по своей слабости и нерѣшительности, надѣялись на мирный исходъ, на милосердіе царя, на благоразуміе высшихъ классовъ. Оно послужитъ новымъ, самымъ убѣдительнымъ доводомъ въ пользу вашихъ идей, въ подтвержденіе той истины, что полное освобожденіе трудящагося класса возможно будетъ лишь тогда, когда классъ этотъ захватитъ *всю* государственную власть въ свои руки и провозгласитъ *республику соціальную и демократическую*.

И такъ, что же вамъ предстоитъ теперь дѣлать?

1) Развивать сознательность въ средѣ вашихъ товарищей, 2) организовать и сплачивать ихъ силы, 3) направлять эти силы на завоеваніе тѣхъ политическихъ правъ, которыя дали бы вамъ возможность добиться нѣкоторыхъ экономическихъ реформъ уже въ настоящее время, а главное облегчили бы вамъ вашу окончательную побѣду въ будущемъ.

Ведите же настойчивѣе это дѣло! Мы живемъ наканунѣ важныхъ событій и русскому рабочему классу необходимо явиться сознательнымъ участникомъ въ этихъ событіяхъ, а не жалкой массой рабовъ, надъ которой не надѣвается только лѣнивый!

Какъ добиваться конституціи[1]).

(Разговоръ конституціоналиста съ соціальдемократомъ).

Конституціоналистъ. — Вы извините меня. Но я не могу согласиться съ Вашимъ взглядомъ. Допустимъ, что онъ основательнѣе, чѣмъ взгляды нашихъ революціонеровъ семидесятыхъ годовъ. Я не хочу спорить противъ этого. Но и вы повторяете ту же ошибку, и вы начинаете съ конца, между тѣмъ какъ, право же, не мѣшало бы попробовать начать съ начала. Я совсѣмъ не врагъ соціализма, но теперь у насъ на очереди не соціальный, а политическій вопросъ. Повалите абсолютизмъ, добейтесь политической свободы, а потомъ уже говорите о соціализмѣ. Тогда это будетъ вполнѣ своевременно, а потому и не напрасно; теперь же вы только даромъ тратите дорогія силы.

Соціальдемократъ. — Но что же мы должны дѣлать, по вашему мнѣнію, для того, чтобы добиться политической свободы?

К. — Перестать быть отщепенцами, сектантами, постараться увлечь за собою все общество, показать ему, что вы вовсе не такіе свирѣпые partageux какими оно привыкло воображать васъ, что вы, въ сущности, хотите того же, чего хочетъ оно само, чего хотятъ всѣ образованные и честные люди въ Россіи, т. е. правъ человѣка и гражданина. Тогда, повѣрьте, успѣхъ вашъ будетъ обезпеченъ. Недовольство современнымъ порядкомъ распространено у насъ гораздо сильнѣе, чѣмъ вы думаете, и зна-

[1]) Статья эта была помѣщена въ вышедшемъ въ Женевѣ въ 1888 году сборникѣ „Соціальдямократъ".

ете ли, что я вамъ скажу? Теперь мы сочувствуемъ конституціи не такъ, какъ сочувствовали ей въ прошлое царствованіе. Тогда мы все ждали, что вотъ-вотъ Александръ II приступитъ къ „увѣнчанію зданія", что вотъ не сегодня-завтра онъ подаритъ намъ конституцію. Александръ III показалъ, какъ неосновательны и шатки всѣ подобныя надежды на царскую милость. Теперь мы готовы бороться за конституцію между тѣмъ какъ тогда мы старались заслужить ее добропорядочнымъ поведеніемъ. Дѣло, какъ видите, измѣнилось, и измѣнилось въ пользу революціонеровъ. Не упускайте же благопріятнаго случая, оставьте на время соціализмъ и принимайтесь за политическую агитацію.

С. — Я долженъ замѣтить вамъ, что не понимаю вашего противоположенія соціализма политической агитаціи. Соціализмъ не мыслимъ безъ такой агитаціи. Посмотрите на западно-европейскія рабочія партіи, развѣ онѣ равнодушны къ политической свободѣ? Напротивъ, политическая свобода имѣетъ въ рабочихъ самыхъ искреннихъ и самыхъ надежныхъ защитниковъ. Такъ же относятся къ политической свободѣ и русскіе соціалисты. Было, правда, время, когда они считали ее буржуазной выдумкой, способной лишь сбить рабочихъ съ толку и завести ихъ на ложный путь. Но это отошло въ область преданія. Въ настоящее время всѣ мы понимаемъ огромное значеніе политической свободы для успѣховъ соціалъдемократическаго движенія и готовы добиваться ее всѣми зависящими отъ насъ средствами. Между нами много всякихъ разногласій и несогласій, но ищите хоть съ діогеновскимъ фонаремъ, и вы все-таки не найдете въ нашей средѣ такого чудака, который вздумалъ бы говорить противъ политической свободы.

К. — Ну и прекрасно, значитъ мы согласны: вы соціалистъ и въ тоже время сторонникъ политической свободы, я прежде всего сторонникъ политической свободы, но въ то же время я совсѣмъ

не врагъ соціализма. Что же мѣшаетъ намъ столковаться и стать подъ одно знамя?

С. — Многое, и главнымъ образомъ ваше отношеніе къ соціализму. Вы не врагъ соціализма, но вы думаете, что тѣ, которые толкуютъ о немъ въ настоящее время, начинаютъ дѣло съ конца. Вы совѣтуете намъ на время забыть о немъ и, говоря сказать, прикомандироваться къ либераламъ. Мы смотримъ на дѣло совсѣмъ иначе. Мы думаемъ, что, еслибы наши либералы дѣйствительно хотѣли бороться за политическую свободу, то они, въ концѣ концовъ, не могли бы придумать ничего лучшаго, какъ пристать къ соціалистамъ.

К. — Это нѣсколько не ясно, но все равно я теперь достаточно понялъ все, чтобы видѣть, какъ безплодно ваше желаніе.

С. — Вы сами понимаете, значитъ, что, полное согласіе между нами и либералами невозможно. Вы не предвидите конца нашимъ спорамъ, и потому говорите намъ, какъ пятилѣтка поссорившимся дѣтямъ: ну, пусть уступитъ тотъ, кто умнѣе, я надѣюсь, что соціалисты будутъ умнѣе и уступятъ прежде, чѣмъ либералы.

К. — Вы шутите, а я говорю совершенно серьезно. Наши либералы въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не принципіальные враги соціализма, и они вовсе не враги рабочихъ и вообще народа. Они готовы отстаивать цѣлый рядъ самыхъ важныхъ экономическихъ реформъ, но соціалистическіе идеалы кажутся имъ не осуществимыми. Поэтому, приставая къ соціалистамъ, они по необходимости должны будутъ лгать и лицемѣрить. Вы же, принимая ихъ, ничего не измѣнили бы въ своихъ возврѣніяхъ, вы только выдвинули бы на первый планъ одну часть вашей программы, именно ту часть, которая заключаетъ въ себѣ политическія требованія. Будьте же справедливы и согласитесь, что уступить должны именно вы, а не либералы.

С. — Хорошо, допустимъ, что вы убѣдили насъ. Предположимъ, что всѣ наши соціалисты пришли

къ тому, что вы считаете первымъ признакомъ политической зрѣлости, т. е. къ сознанію необходимости умѣрить свои требованія. Предположимъ, что всѣ они рѣшились бороться за политическую свободу. Предположимъ также, что наше общество поняло и оцѣнило ихъ умѣренность: что же вышло бы изъ всего этого?

К. — Единодушіе въ борьбѣ, безъ котораго немыслима побѣда. Еслибы всѣ сторонники свободы дѣйствительно сумѣли соединиться подъ однимъ знаменемъ, то они составили бы непреодолимую силу. Дни правительства Александра III были бы сочтены, и ему оставалось бы лишь заняться астрологіей, чтобы по звѣздамъ узнать часъ своей гибели, какъ выразился когда-то Лассаль о прусскомъ правительствѣ.

С. — Прекрасно. Предположите же теперь, что мечта ваша осуществилась, что исчезла пропасть, отдѣлявшая общество отъ революціонеровъ. Революціонеры примкнули къ обществу, общество прониклось революціоннымъ духомъ. Началось широкое политическое движеніе, поддерживаемое нашей легальной печатью. Правительство запрещаетъ либеральные органы, общество отвѣчаетъ на это манифестаціями, въ которыхъ выражаетъ свое сочувствіе пострадавшимъ газетамъ и журналамъ. Въ то же время правительству со всѣхъ сторонъ представляютъ петиціи, въ которыхъ съ поразительной [illegible] стью доказывается, что земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ и не будетъ до тѣхъ поръ, пока царь [illegible] хозяиномъ Россіи. Окружающіе [illegible] со-вѣтуютъ ему употребить въ дѣло мѣры [illegible] и увѣщанія, подъ которыми [illegible] [illegible] и [illegible] Но подобныя мѣры только у-[illegible] всеобщее раздраженіе. Терпѣніе русскихъ людей приходитъ къ концу; еще нѣсколько капель и чаша будетъ переполнена; еще нѣсколько революціонныхъ безтактностей, и дѣло дойдетъ до открытаго столкновенія. Испуганное правительство

согласается на уступки, созывается земскій соборъ, вырабатывается конституція; русскій обыватель становится гражданиномъ, и въ нашей исторіи начинается новая эпоха... Хорошо было бы пожить въ такое время! И еслибы мы могли хоть немного приблизить его своимъ превращеніемъ въ либераловъ, то колебаться было бы нелѣпо и преступно. Мы не только *могли бы* съ спокойной совѣстью, но мы *обязаны* были бы забыть обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ этихъ двухъ словъ: *политическая свобода*. Всѣ тѣ, которые вздумали бы тогда говорить о соціализмѣ, были бы не друзьями, а врагами народа, потому что своимъ доктринерствомъ они задержали-бы его политическое развитіе. Бѣда лишь въ томъ, что въ дѣйствительности дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе; превратившись въ либераловъ, соціалисты только замедлили бы дѣло политическаго освобожденія Россіи.

К. — Это какимъ же образомъ?

С. — Очень просто. Когда въ нашемъ воображеніи рисовалась картина борьбы русскаго общества съ абсолютизмомъ, мы предположили, что правительство *вынуждено* было къ уступкамъ. Теперь я спрашиваю васъ, насколько вѣроятно такое предположеніе? Иначе сказать, насколько велики шансы побѣды общества надъ правительствомъ? Что понимается обыкновенно подъ словомъ — общество? Принадлежитъ ли къ нему крестьянинъ, рабочій, мелкій городской мѣщанинъ и т. п.? Конечно, нѣтъ, не принадлежитъ. Мало того, не всякій крупный торговецъ, не всякій промышленникъ и землевладѣлецъ принадлежитъ къ такъ называемому обществу. Къ нему, конечно, не можетъ быть причисляемъ щедринскій Разуваевъ. Какіе же люди принадлежатъ къ нему? Во первыхъ, очевидно, не люди народа, а люди высшихъ и среднихъ классовъ, а во вторыхъ, — люди, обладающіе хоть какою нибудь долею образованія, люди, умственный горизонтъ которыхъ выходитъ за предѣлы ихъ личныхъ интересовъ. Много ли такихъ людей въ Россіи? И могутъ ли эти люди побѣдить правительство од-

нѣми только своими силами? Возьмите исторію Франціи, припомните исторію Германіи. Кто сражался на баррикадахъ въ Іюлѣ 1830 года, общество или народъ? Кто сломилъ монархію Луи-Филиппа, рабочій классъ или буржуазія? Извѣстно, что, когда въ каждомъ изъ названныхъ случаевъ, дѣло доходило до открытой борьбы, то либеральное парижское „общество“ не знало, куда дѣваться отъ страху. Не говоря уже о томъ, что огнестрѣльная музыка крайне непріятно дѣйствовала на его нервы, оно боялось побѣды правительства и связанныхъ съ нею репрессалій, боялось и побѣды рабочихъ, потому что опасалось, какъ бы волна рабочаго движенія не унесла вмѣстѣ съ правительствомъ и самого общества. Луи-Блапъ разсказываетъ, что, когда начался уличный бой въ Февралѣ 48 года, то перепуганный Тьеръ прибѣжалъ въ палату депутатовъ и, воскликнувъ: „la marée monte, monte, messieurs,“ немедленно скрылся. Только послѣ окончательнаго пораженія правительства и, убѣдившись въ мирныхъ намѣреніяхъ рабочихъ, представители „общества“ выходили изъ своихъ убѣжищъ и принимались организовывать новый порядокъ. Изъ всѣхъ слоевъ, составляющихъ такъ называемое общество или находящихся въ близкой родственной связи съ нимъ, только студенчество да такъ называемая богема (тоже, что нашъ братъ нигилистъ) имѣли мужество становиться лицомъ къ лицу съ вооруженной силой правительства. Только они умѣли сражаться на баррикадахъ, но и они несомнѣнно были бы усмиряемы безъ малѣйшаго труда, если бы за ними не шла рабочая масса. То же самое мы видимъ и въ Германіи. Всѣ революціонныя попытки нѣмецкой молодежи кончались полнѣйшей неудачей, вся оппозиція такъ называемаго общества не приводила ни къ чему до тѣхъ поръ, пока не проснулось городское рабочее населеніе. Это значитъ, что общество безсильно безъ поддержки народа или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе развитой, наиболѣе революціонной части народа, т. е. *рабочихъ*. И въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ себѣ,

что петербургское „общество“, проникшись революціоннымъ духомъ, строитъ баррикады, между тѣмъ какъ рабочій классъ остается въ сторонѣ отъ этого движенія. Одной полиціи, однихъ дворниковъ было бы достаточно для того, чтобы перевязать представителей „общества“ и разсадить ихъ по участкамъ. Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ тотъ выводъ: *для того, чтобы добиться конституціи мы должны вовлечь рабочій классъ въ борьбу противъ абсолютизма, возбудить въ немъ симпатіи къ свободнымъ политическимъ учрежденіямъ. Другого пути у насъ нѣтъ и быть не можетъ.*

Я знаю, конечно, что сами либералы никогда не сдѣлаются пропагандистами, и не виню ихъ за это. Но, съ другой стороны, изъ всего сказаннаго ясно, что, приглашая соціалистовъ оставить на время всякую мысль о пропагандѣ въ рабочей средѣ, наши либералы обнаруживаютъ полное непониманіе своихъ собственныхъ интересовъ. Политическая свобода будетъ завоевана рабочимъ классомъ, или ея совсѣмъ не будетъ.

К. — Въ томъ, что вы сказали много справедливаго, но мнѣ кажется, что вы забываете многія особенности положенія Россіи.

С. — Какія же именно?

К. — Во первыхъ, если парижское общество 1830 и 1848 г. боялось, какъ вы сказали, побѣды народа, то это происходило потому, что оно было уже насквозь проникнуто буржуазнымъ духомъ. Наше общество не таково, оно не боится народа, потому что совершенно искренно отстаиваетъ его интересы....

С. — Ну, съ нашимъ либерализмомъ дѣло обстоитъ далеко не такъ благополучно, какъ вамъ кажется. И безъ труда могъ бы доказать вамъ, что не только русскій либерализмъ, но даже и такъ называемый русскій соціализмъ въ сущности стоитъ въ противорѣчіи съ интересами рабочаго класса, по той простой причинѣ, что онъ выражаетъ собою интересы нашей мелкой (конечно, не кулацкой) буржуазіи. И это противорѣчіе,

скрытое теперь въ туманѣ неопредѣленныхъ представленій объ истинѣ, справедливости и народномъ счастьи, рано или поздно дастъ себя почувствовать самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Какіе признаки такого положенія дѣлъ можно подмѣтить уже въ настоящее время. Какъ вы думаете, почему „Самоуправленіе“, называющее себя органомъ „соціалистовъ-революціонеровъ“, считаетъ „путь народной революціи едва-ли пригоднымъ“? Почему оно ставитъ „городскую революцію“ на одну доску съ революціей „дворцовой“ и думаетъ, что городская революція можетъ, какъ и дворцовая, „привести къ нежелательнымъ результатамъ“, къ замѣнѣ „одной деспотіи другою“? Дѣло объясняется очень просто. „Самоуправленіе“ знаетъ, что городская революція означала бы побѣду рабочаго населенія, и оно боится этой побѣды такъ же, какъ боялось и боится этой побѣды парижское „общество“. Но какіе же соціалисты могутъ бояться побѣды рабочего класса? Ясно, что только мелко буржуазные соціалисты, принципіальные враги освободительнаго движенія пролетаріата. Вотъ вамъ и пресловутый „русскій соціализмъ“! Но не будемъ уклоняться отъ главнаго предмета нашего спора, положимъ, что я ошибочно смотрю на русскихъ соціалистовъ и либераловъ, что же дальше? Слѣдуетъ ли изъ сказаннаго вами, что наше „общество“, будто бы столь сочувствующее интересамъ рабочихъ, можетъ обойтись безъ поддержки этихъ послѣднихъ?

К. — Я, конечно, сказалъ бы — *нѣтъ*, если бы думалъ, что конституціонное движеніе въ Россіи пойдетъ тѣмъ же путемъ, какимъ оно шло на западѣ. Но дѣло въ томъ, что у насъ конституціонная борьба навѣрное не дойдетъ до баррикаднаго боя на улицахъ. Правительство уступитъ раньше подъ напоромъ общественнаго мнѣнія.

С. — Опять русская самобытность, на этотъ разъ подъ конституціоннымъ соусомъ! Когда то русскіе соціалисты — народники думали, что соці-

анистическую революцію легче сдѣлать въ Россіи, чѣмъ на Западѣ. Теперь я слышу отъ васъ, что Россія добьется политической свободы съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ добивались ее западно европейскія государства. Кажется русское правительство до сихъ поръ не давало повода до такой степени лестно думать объ его уступчивости. Оно, конечно, уступило бы вамъ, если бы за вами, или вообще за противниками абсолютизма, шла народная масса. Иначе всякая уступчивость съ его стороны была бы совершенно необъяснимой. Посмотрите на Англію, пользующуюся репутаціей страны мирнаго прогресса. Прослѣдите хоть исторію либеральной лиги противъ хлѣбныхъ законовъ, и вы увидите, какъ хорошо сознавала добивавшаяся мирной уступки англійская буржуазія необходимость заручиться помощью рабочаго класса, какъ настойчиво она, иногда, прямо бунтовала рабочихъ. Если Ричардъ Кобденъ грозилъ англійскимъ лордамъ разрушеніемъ ихъ замковъ, само собою понятно, что не на буржуазію разсчитывалъ онъ въ дѣлѣ такого разрушенія. И Кобденъ, и Брайтъ, и ихъ товарищи прекрасно знали, что добиться отъ парламента уступокъ они могутъ лишь съ помощью давленія извнѣ, „pressure from without“, и что для этого давленія необходимы сильныя руки рабочихъ. Такъ было во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда англійское правительство уступало напору общественнаго мнѣнія. Исторія Англіи болѣе, чѣмъ исторія какой бы то ни было другой страны, подтверждаетъ справедливость стараго правила: если хочешь мира, готовься къ войнѣ. Вы же поступаете какъ разъ обратно этому правилу. Вы проповѣдуете крестовый походъ противъ правительства, вы приглашаете соціалистовъ на борьбу съ нимъ, и въ тоже время сами видите, что вы можете побѣдить только въ случаѣ его особеннаго миролюбія. Вы хотите начинать борьбу, прекрасно зная, что у васъ нѣтъ силъ для рѣшительной битвы! Знаете ли, что напоминаетъ мнѣ такая оригинальная агитація? Чтобы устрашить непріятеля, ки-

таицы рисуютъ на своихъ щитахъ драконовъ и разныхъ другихъ чудовищъ. Они хорошо знаютъ, что эти чудовища не нанесутъ дѣйствительнаго вреда непріятелю, но они надѣются, что непріятель, можетъ быть, испугается и уступитъ имъ поле битвы. А если непріятель не пугается, если онъ не уступаетъ этого поля? Тогда сынамъ Небесной Имперіи оставалось бы уповать на быстроту своихъ ногъ, если бы они отличались свойственнымъ вамъ простодушіемъ. Но они хитрѣе васъ и на всякій случай всетаки запасаются оружіемъ.

К. — Напрасно вы иронизируете и напрасно безпокоитесь. Трудъ нанести послѣдній ударъ нашему правительству возьмутъ на себя не петербургскіе рабочіе, и, конечно, не вооружённое общество. Объ этомъ позаботятся заграничныя капиталисты. Извѣстно, что наши финансы находятся при послѣднемъ издыханіи. Одного этого обстоятельства можетъ быть достаточно, что бы сломить упорство царя. Обанкротившійся деспотъ уступчивѣе поневолѣ. А такъ какъ, кромѣ того, Александръ III далеко не осмотрителенъ во внѣшней политикѣ, то вѣроятность его банкротства еще болѣе возрастаетъ. Если севастопольское пораженіе вынудило правительство освободить крестьянъ, то новый военный погромъ, навѣрное, заставитъ его дать конституцію.

С. — Словомъ, вы надѣетесь, что конституцію принесутъ вамъ на своихъ штыкахъ прусскіе и австрійскіе солдаты? Вообще говоря, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Вопросъ только въ томъ, какова будетъ эта конституція? Вы помните, конечно, что финансовыя и международныя затрудненія вынудили когда то турецкаго султана подарить своимъ подданнымъ конституцію. Но что вышло изъ этой комедіи? Ровно ничего! Дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ просто позабыли о ней, и граждане, и правительство. Хотите ли вы турецкой конституціи? Возлагайте свои упованія на силу вещей, на международныя и финансовыя затрудненія. Хотите конституціи настоящей —

вербуйте настоящую армію для борьбы съ абсолютизмомъ.

К. — Но, позвольте, французская пословица справедливо говоритъ, что comparaison n'est pas raison. Это въ особенности вѣрно въ томъ случаѣ, когда сравниваются вещи совершенно не сравнимыя и несоизмѣримыя: Россія не Турція. Если турецкая конституція отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть, то отсюда еще не слѣдуетъ, что такая же судьба предстоитъ и русской конституціи. Пусть только разъ соберутся представители русской земли, и тогда возстановленіе абсолютизма будетъ также невозможно, какъ невозможно теперь возстановленіе крѣпостного права.

С. — Вы, въ свою очередь, забываете, что comparaison n'est pas raison. Изъ всѣхъ реформъ прошлаго царствованія — освобожденіе крестьянъ есть дѣйствительно самая прочная, или лучше сказать, единственно прочная реформа. У крестьянъ нельзя уже взять назадъ ихъ гражданскую полусвободу, между тѣмъ какъ наше современное правительство безъ труда можетъ уничтожить все, сдѣланное Александромъ II во всѣхъ сферахъ нашей внутренней жизни. Чѣмъ объяснить такое различіе? Тѣмъ, что народъ былъ непосредственно заинтересованъ въ уничтоженіи крѣпостного права, между тѣмъ какъ всѣ другія реформы имѣли лишь косвенное, а иногда весьма сомнительное для него отношеніе къ его благосостоянію. Съ самаго начала нынѣшняго столѣтія ежегодно возрастало число крестьянскихъ бунтовъ, такъ что Александръ II долженъ былъ сказать себѣ: „освободимъ крестьянъ сверху, что бы они не освободили себя снизу“. Создайте подобное же движеніе въ народѣ въ пользу конституціи, заставьте Александра III дать вамъ политическую свободу въ силу того же соображенія, которое заставило Александра II освободить крестьянъ, — и тогда сравнивайте конституціонный вопросъ съ вопросомъ объ уничтоженіи крѣпостного права, тогда ваше сравненіе будетъ умѣстно и убѣди-

тельно. Но, пока за вами не будетъ народной массы, до тѣхъ поръ всѣ подобныя сравненія будутъ лишь оттѣнять ваше собственное безсиліе. Противъ возстановленія крѣпостного права поднялся бы весь народъ, какъ одинъ человѣкъ. Но если вамъ не удастся развить стремленіе къ политической свободѣ по крайней мѣрѣ въ наиболѣе передовой части населенія, т. е. въ промышленныхъ рабочихъ, то съ русской конституціей дѣло будетъ обстоять иначе. Оно можетъ принять такой оборотъ: правительство дастъ Земскому Собору время уплатить государственные долги и найти новые источники обложенія, а затѣмъ въ наше Національное Собраніе явится будочникъ Мымрецовъ и провозгласитъ: „Пожалуйте вонъ, господа депутаты, будетъ вамъ проклажаться, мы не допущаемъ, чтобы, напримѣръ, шумъ“. Изгнавши, такимъ образомъ, „представителей русской земли“ изъ зданія парламента, тотъ же будочникъ вывѣситъ на немъ объявленіе: „Сіе зданіе отдается въ наемъ“, какъ написалъ когда то Кромвель на англійскомъ парламентѣ. Что сдѣлаютъ тогда „представители русской земли“? Найдутъ ли они залъ jeu de homme и принесутъ клятву не расходиться, пока не обезпечатъ своей странѣ политической свободы? Но вѣдь будочникъ Мымрецовъ послѣдуетъ за ними и въ ту залу и, раздраженный ихъ упорствомъ, примется водворять господъ депутатовъ въ „кутузку“. Кто можетъ помѣшать такой расправѣ? Не правда ли городскіе рабочіе и только рабочіе? Если на защиту собравшихся въ Петербургѣ или въ Москвѣ „представителей русской земли двинется многочисленное рабочее населеніе столичныхъ предмѣстій, то исходъ подобныхъ реакціонныхъ попытокъ правительства станетъ по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ. Заручайтесь же симпатіей этихъ предмѣстій теперь, потому что взывать къ нимъ въ то время, когда вашъ „шиворотъ“ очутится въ рукахъ Мымрецова, будетъ уже поздно.

К. — Все это, конечно, справедливо, но въ то же время крайне односторонне, при всей своей справедливости. Изъ всего сказаннаго вами слѣдуетъ одно, а именно, что трудно и представить пока наступленіе такого времени, когда дѣлу свободы на Руси перестанутъ угрожать опасности. Это мы должны знать и помнить. Но отсюда до вашей программы еще очень далеко. Я буду говорить прямо. Принявъ вашу программу, наши революціонеры не устранили бы грозящихъ свободѣ опасностей: они просто забыли бы о нихъ, какъ и о самой свободѣ; они отдались бы дѣлу, единственное преимущество котораго заключается въ томъ, что оно не противорѣчитъ нѣкоей маленькой доктринѣ, которая сама противорѣчитъ всему складу русской жизни. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, много ли у насъ промышленныхъ рабочихъ? Велико ли населеніе нашихъ городовъ? Вѣдь это капля въ морѣ, она сама по себѣ ничтожна, но у васъ нѣтъ возможности повліять даже на эту каплю въ ея цѣломъ. Вы можете придти въ соприкосновеніе съ безконечно малой частью капли, съ одной только молекулой, и вы воображаете, что, наэлектризовавши эту молекулу, вы взволнуете океанъ, вызовете цѣлую бурю въ морѣ? Что можетъ быть фантастичнѣе этой программы?

С. — Вы начинаете сердиться, а это уже не хорошо. Если, по нѣмецкой поговоркѣ, „гнѣвъ дѣлаетъ поэтовъ“, то серьезнаго политика скорѣе способно выработать спокойное, хладнокровное разсужденіе. Посмотрите, въ своемъ гнѣвѣ вы зашли гораздо дальше предположенной вами цѣли. Вашъ доводъ обращается противъ васъ самихъ. Австралійскіе негры такъ умѣютъ кидать свои бумеранги, что они, описавъ въ воздухѣ кривую линію, падаютъ къ ихъ ногамъ. Съ вашимъ доводомъ случилось нѣчто подобное, съ тою только разницею, что въ своемъ возвратномъ движеніи онъ сбитъ васъ съ ногъ. Если я вѣрно понялъ смыслъ вашей филиппики, то она сводится къ слѣдующему: программа соціальдемократовъ фан-

тастична, потому что противорѣчитъ экономическимъ условіямъ Россіи. Въ исключительно земледѣльческой, крестьянской странѣ она хочетъ создать такую политическую партію, существованіе которой возможно лишь въ промышленно развитыхъ странахъ. Вы указываете на это несоотвѣтствіе, хорошо понимая, повидимому, что политическая жизнь данной страны находится въ тѣсной зависимости отъ ея экономическаго строя. Мнѣ ли, марксисту, возставать противъ справедливости такого взгляда? Я подписываюсь подъ нимъ обѣими руками. Но я прошу Васъ взглянуть съ этой же точки зрѣнія на ваши собственные политическіе планы. Я спрашиваю васъ, возможно ли само конституціонное движеніе въ такой экономически-патріархальной странѣ, какою вы считаете Россію? Возражая противъ насъ, вы ссылаетесь на русскаго мужика: мужикъ является въ вашемъ представленіи несокрушимой плотиной, о которую должны разбиться всѣ волны западно-европейскаго рабочаго движенія. Допустимъ на минуту, что вы правы, что эта плотина дѣйствительно такъ прочна, какъ вы воображаете. Тогда наше дѣло становится безнадежнымъ, но вмѣстѣ съ этимъ, и при томъ въ гораздо большей степени, обнаруживается безнадежность и вашего дѣла. Если русскій крестьянинъ не способенъ увлечься соціальдемократической программой, то еще меньше способенъ онъ проникнуться сознаніемъ прелестей политической свободы. Всегда и вездѣ, какъ только начиналось образованіе большихъ государствъ, земледѣльческія общины съ ихъ патріархальнымъ бытомъ служили самой прочной основой деспотизма. Только съ разложеніемъ патріархальнаго быта и съ развитіемъ городского населенія являлись силы, способныя положить предѣлъ неограниченной власти монарха. Россія не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила.

Ея московскіе и петербургскіе самодержцы были естественнымъ дополненіемъ ея экономическаго

строя, который характеризовался полнымъ преобладаніемъ деревни надъ городомъ. Конечно, будучи поставлена въ условія европейскаго равновѣсія, Россія обязана была, подъ страхомъ потери всякаго политическаго значенія, усвоить себѣ хоть нѣкоторую долю европейскаго образованія. Она нуждалась въ образованныхъ офицерахъ и чиновникахъ. Неудивительно, что, съ проникновеніемъ въ нее европейскаго образованія, въ ней появлялись люди, усвоившіе политическіе взгляды европейцевъ и сознавшіе все безобразіе русскаго царизма. Но эти люди не могли играть серьезной политической роли. Они были людьми очень образованными, очень гуманными, очень либеральными, но въ тоже время и прежде всего они были *лишними людьми* въ полномъ смыслѣ этого слова, людьми, весь умственный и нравственный habitus которыхъ стоялъ въ полномъ противорѣчіи съ русской дѣйствительностью. Имъ оставалось или впадать въ пессимизмъ Чаадаева, или затрачивать свои „демоническія силы“ на побѣды надъ столичными и провинціальными барышнями, или умирать на парижскихъ баррикадахъ, или, наконецъ, пить горькую у себя дома. Вы прекрасно знаете, что въ прежнее время такіе лишніе люди въ изобиліи существовали на Руси. Теперь говорятъ, что этотъ типъ отжилъ свой вѣкъ. Мы охотно вѣримъ этому, но вѣримъ потому, что нашъ старый порядокъ разложился, деревня утратила свое преобладаніе надъ городомъ, у насъ явилась буржуазія и рабочій классъ. Это подтверждается всѣми изслѣдованіями русскаго народнаго хозяйства. Абсолютизмъ приходитъ въ противорѣчіе съ нашею экономической дѣйствительностью. Теперь его противники уже не лишніе люди, потому что они могутъ бороться противъ него съ надеждой на побѣду. Одинъ нѣмецкій писатель замѣтилъ, что славянскіе народы представляютъ собою нѣчто среднее между европейскими и азіатскими народами. Это совершенно вѣрно въ примѣненіи къ Россіи. Она, дѣйствительно, только отчасти, только теперь ста-

новится европейской страной и становится ею лишь постольку, поскольку исторія *отрицаетъ* старыя основы ея экономическаго быта. Только по мѣрѣ этого отрицанія Россія входитъ въ культурное родство съ Европой, вступаетъ на путь европейскаго образованія въ лицѣ значительной части своего трудящагося населенія, а не безсильной только горсти своей „интеллигенціи“, какъ это было прежде. Такимъ образомъ, съ нашей точки зрѣнія русскій конституціонализмъ пріобрѣтаетъ смыслъ и оправданіе. Но если это такъ, то еще боль-шій смыслъ получаетъ русское соціальдемократическое движеніе. Между тѣмъ всѣ тѣ, которые раздѣляютъ вашъ взглядъ на экономическое положеніе Россіи, должны признать, что всякіе толки о конституціи представляютъ собою переливаніе изъ пустого въ порожнее. Въ такомъ случаѣ правы наши охранители, которые на всѣ голоса кричатъ, что конституціонный режимъ противорѣчитъ духу русскаго народа. И вы называете насъ фантазерами? Но если мы фантазеры, если мы, по вашему выраженію, оперируя надъ каплями и молекулами, хотимъ вызвать бурю на морѣ, то вы просто соціальные чудотворцы, потому что ваше ожиданіе „хоть какой нибудь конституціи,“ ваше политическое *ничто* основывается на голомъ экономическомъ *ничто*. Вы приписываете себѣ такую силу, какую философы не всегда рѣшались приписывать даже божеству, такъ какъ они думали, что творческая дѣятельность божественнаго Деміурга заранѣе предполагаетъ существованіе матеріи.

К. — Но позвольте. Я не намѣренъ входить съ вами въ экономическіе и философско-историческіе споры. Я допускаю, что нашъ экономическій бытъ не таковъ, какимъ изображаютъ его наши народники. Можетъ быть, наши рабочіе дѣйствительно способны сыграть большую роль въ нашемъ освободительномъ движеніи. Но какъ подойти къ рабочему? Вы пугаете насъ будочникомъ Мымрецовымъ, но пока то онъ еще соберется взять насъ за шиворотъ, вашъ собственный ин-

воротъ уже занятъ въ его грубомъ кулакѣ. Разгонять парламентъ Мямрецову придется, можетъ быть, въ будущемъ, ловлей же пропагандистовъ онъ, къ сожалѣнію, съ большимъ успѣхомъ занимается уже теперь. Мнѣ не разъ случалось бесѣдовать съ революціонерами; всѣ они единогласно говорятъ, что пропаганда среди рабочихъ невозможна по чисто полицейскимъ причинамъ.

С. — Революціонеры говорятъ вамъ, что пропаганда среди рабочихъ невозможна? А пытались ли вести ее бесѣдовавшіе съ вами революціонеры? Если бы вы задали имъ такой вопросъ, то изъ 100 случаевъ въ 99 вамъ отвѣтили бы: „нѣтъ, я самъ ее не велъ, но я слышалъ отъ одного вѣрнаго человѣка, который въ свою очередь слышалъ отъ одного не менѣе вѣрнаго человѣка, слышавшаго отъ самаго вѣрнаго человѣка, что тому говорили, будто кто то сказалъ, что пропаганда невозможна. Повѣривъ другъ другу на слово, всѣ эти „вѣрные люди“ совершенно махнули рукой на рабочій классъ и теперь готовы пойти куда угодно, лишь бы не въ рабочую среду, готовы подписываться подъ какими хотите „программами“, лишь бы эти программы не указывали имъ на необходимость пропаганды среди рабочихъ. Это, конечно, ихъ дѣло, но я головой ручаюсь вамъ за то, что увѣренность ихъ совершенно противорѣчитъ опыту нашего революціоннаго движенія. Пропаганда среди рабочихъ оставлена была въ концѣ 70-хъ годовъ не потому, что бы она была неудачна, — напротивъ, это время есть время расцвѣта нашего рабочаго движенія, — а потому, что наши революціонеры увлеклись „терроромъ“ и все менѣе и менѣе отводили мѣста пропагандѣ и агитаціи среди рабочихъ. Наши тогдашніе революціонеры-террористы разсчитывали на свои собственныя силы. Опытъ показалъ, что эти силы были недостаточны для побѣды надъ абсолютизмомъ. И вотъ теперь наши революціонеры ищутъ себѣ союзниковъ, но вмѣсто того, чтобы искать

ихъ въ рабочей средѣ, они обращаются къ такъ называемому обществу, причемъ идеализируютъ его такъ же, какъ идеализировали когда то „народъ“. Давно ли можно было слышать отъ нихъ, что нашъ крестьянинъ „прирожденный соціалистъ“? Теперь то же „прирожденное“ свойство открыто и въ русскомъ обществѣ. Но подобныя выдумки не измѣняютъ дѣла. Если бы всѣ представители нашего общества дѣйствительно были прирожденными и убѣжденными коммунистами, то и тогда, какъ я уже говорилъ вамъ раньше, они представляли бы собою не больше, какъ штабъ безъ арміи и чтобы образовать армію, имъ все-таки пришлось бы пропагандировать среди рабочихъ. Напрасно вы думаете, что пропаганда невозможна при современныхъ условіяхъ. Трудно всякое дѣло, если только не хочется его дѣлать, легко всякое дѣло, за которое мы беремся съ полнымъ убѣжденіемъ въ его плодотворности и необходимости. Трудно было взорвать Зимній Дворецъ, а между тѣмъ начинили же динамитомъ одинъ изъ его подваловъ. Нѣкоторыя изъ трудностей пропаганды среди рабочихъ, свойственны ей въ такой же мѣрѣ, какъ и всякой другой революціонной пропаганды, все равно среди кого бы она ни велась. Такъ, напримѣръ, полиція съ одинаковой энергіей преслѣдуетъ тайныя типографіи, не спрашивая печатаются ли въ нихъ воззванія къ „обществу“ или къ рабочимъ. Одинаково же трудно, или если хотите, одинаково легко перевозить запрещенныя книги черезъ границу, независимо отъ того, предназначаются ли эти книги для „общества“ или для рабочихъ. Вы, конечно, скажете, что легче распространять такія книги въ обществѣ, чѣмъ въ народѣ вообще и въ рабочей средѣ въ частности. Но это не подтверждается опытомъ нашего движенія. Въ то время, когда у насъ еще велась пропаганда въ крестьянствѣ и между рабочими, — въ огромномъ большинствѣ случаевъ поводомъ къ арестамъ служила не сама эта пропаганда, а тѣ неосторожности, которыя совершались пропа-

гандистами при посторонних сношеніяхъ, т. е. при перешекѣ, при заведеніи такъ называемыхъ конспиративныхъ квартиръ и т. п. Процентъ арестованныхъ *на дѣлѣ* совсѣмъ ничтоженъ. Общество „*Земля и Воля*“ вело, напримѣръ, очень дѣятельную пропаганду между рабочими большихъ городовъ. За нѣсколько лѣтъ своего существованія это общество понесло очень большія потери, но едва ли хоть одну изъ нихъ можно отнести непосредственно на счетъ рабочей пропаганды. Можно сказать болѣе. Благодаря разумной организаціи этого дѣла, общество „Земля и Воля“ просто не знало, что такое потери на пропагандѣ среди рабочихъ. Наибольшей опасности подвергались тѣ изъ его членовъ, которые вращались въ „интеллигентной“ средѣ, т. е. именно тамъ, гдѣ приходится вращаться теперь революціонерамъ, отрицающимъ возможность пропаганды среди рабочихъ. Я не думаю, что указанная опасность уменьшится, если мы превратимся въ простыхъ конституціоналистовъ. Молодымъ людямъ, принимавшимся за пропаганду въ 80-хъ годахъ, часто приходилось встрѣчать, правда, весьма большія трудности, но эти трудности цѣликомъ должны быть отнесены насчетъ ихъ практической неопытности и отсутствія строго выработанной организаціи. Эти два обстоятельства давали имъ чувствовать себя во всемъ: при заведеніи тайныхъ типографій, при террористическихъ попыткахъ и т. д. Мнѣ никогда не приходило въ голову утверждать, что для пропаганды среди рабочихъ не нужно опытности: но вѣдь опытность дѣло наживное. Она пріобрѣтается практикой, и по мѣрѣ ея пріобрѣтенія уменьшаются тѣ трудности, которыя приходится преодолѣвать сначала.

К. — Но вѣдь, повторяю вамъ, при этихъ условіяхъ вся такая дѣятельность по неволѣ сведется къ самымъ ничтожнымъ размѣрамъ, къ вербовкѣ отдѣльныхъ личностей, и много-много къ организаціи небольшихъ рабочихъ кружковъ. Рабочіе массы останутся незатронутыми пропагандой, а

между тѣмъ всѣ ваши доводы въ ея пользу предполагаютъ именно вліяніе на массы.

С. — Я не говорю, что теперь можно было бы устраивать открытыя рабочія собранія въ Москвѣ или Петербургѣ. *Пропаганда* велась бы, конечно, въ тайныхъ кружкахъ, а, слѣдовательно, вліяла бы лишь на небольшія группы лицъ. Но черезъ посредство этихъ лицъ ея вліяніе необходимо распространялось бы на массы. Такая пропаганда становилась бы уже *агитаціей*. Что такая агитація возможна,—это доказывается, между прочимъ, исторіей нашихъ стачекъ. Возьмемъ хоть знаменитую стачку на фабрикѣ Морозова. Нѣсколько *отдѣльныхъ лицъ*—Волковъ, Моисѣенко и другіе, стали во главѣ *цѣлыхъ тысячъ рабочихъ*, руководя ими во всѣхъ столкновеніяхъ съ полиціей и фабричной администраціей. Владимірскаго губернатора въ особенности обижало то обстоятельство, что между тѣмъ, какъ рабочіе не обращали никакого вниманія на его слова, они безусловно повиновались своимъ вожакамъ. Вотъ вамъ и вліяніе на массу! Чтобы оно не осталось мимолетнымъ, Волкову и Моисѣенку нужно было лишь обобщить требованія рабочихъ, выяснить имъ общій характеръ ихъ отношеній къ хозяевамъ и правительству. А разъ зашла рѣчь объ отношеніяхъ къ этому послѣднему, то вотъ вамъ уже и поводъ *для политической агитаціи*. Желябовъ на Воронежскомъ съѣздѣ утверждалъ, что въ Россіи каждая стачка есть не столько экономическое, сколько политическое событіе, потому что во всѣхъ стачкахъ рабочій больше всего терпитъ отъ полицейскихъ притѣсненій. Поддерживать рабочихъ въ такихъ случаяхъ, говорилъ онъ, значитъ уже вести политическую агитацію. И въ самомъ дѣлѣ. Преслѣдуемые полиціей, рабочіе не могутъ остаться глухи къ тому, что вы стали бы говорить имъ о свободѣ сходокъ, собраній, союзовъ, о неприкосновенности лица и жилища. Тотъ, кто хоть немного знаетъ русскихъ рабочихъ, знаетъ также, до какой степени глубоко врѣзывается въ ихъ умы всякая общая мысль, вся-

кое общее положеніе, наглядно освѣщенное и подкрѣпленное такими выдающимися событіями, какъ стачки и вообще столкновенія съ хозяевами и полиціей. Рабочіе уже не забываютъ ихъ, и, при случаѣ, сами повторяютъ, нерѣдко въ очень наивной, но тѣмъ не менѣе, весьма убѣдительной для ихъ собратьевъ, формѣ. Наша такъ называемая интеллигенція убѣждена, что для нея, при настоящихъ условіяхъ, невозможно вліяніе на рабочую массу. Но въ сущности она уже повліяла на нее, такъ сказать, безъ своего вѣдома. Вы знаете, какъ распространены въ народѣ предразсудки по отношенію къ „студентамъ“ т. е. къ революціонерамъ. Нашъ крестьянинъ считаетъ революціонера противникомъ не только царя, но и народа. Такой взглядъ на студентовъ былъ въ началѣ 70-хъ годовъ распространенъ и между петербургскими рабочими. Прошло нѣсколько лѣтъ, и дѣло измѣнилось, благодаря пропагандѣ и участію „студентовъ“ въ петербургскихъ стачкахъ. Въ 1878 году былъ такой фактъ: рабочіе одной небольшой фабрики за Нарвской заставой отправили делегатовъ на другую фабрику съ просьбой найти „студентовъ“, которые имъ нужны, потому что ихъ притѣсняетъ хозяинъ, и они хотятъ сдѣлать стачку. Такимъ образомъ, рабочая масса, не переставая видѣть въ студентахъ враговъ царя, стала въ то же время видѣть въ нихъ лучшихъ защитниковъ ея собственнаго дѣла. На судѣ по поводу стачки на фабрикѣ Морозова выяснилось, что рабочіе называли одного изъ своихъ вожаковъ „студентомъ“; на вопросъ предсѣдателя, почему они дали ему такую кличку, подсудимые отвѣчали: „очень ужъ уменъ и за насъ стоитъ крѣпко“. Мнѣ кажется, что подобные факты не подтверждаютъ мысли о невозможности вліянія интеллигенціи на рабочую массу. Если бы у насъ началось какое нибудь политическое движеніе, то рабочіе Морозовской фабрики, вѣроятно откликнулись бы на призывъ „студентовъ“, которые, по ихъ мнѣнію, очень умны и „крѣпко стоятъ за нихъ“. А какія личности вы-

рабатываются теперь въ рабочей средѣ, представляющейся нашей интеллигенціи средою тьмы, забитости и невѣжества, также показала вышеназванная стачка. „Если бы я не зналъ, что передо мной стоитъ рабочій, ежедневно проводящій 15 часовъ у ткацкаго станка, говоритъ объ одномъ изъ подсудимыхъ корреспондентъ одной изъ московскихъ газетъ, то по разумности его отвѣтовъ, по языку и по манерамъ, я навѣрное принялъ бы его за интеллигентнаго человѣка". Названный корреспондентъ съ удивленіемъ констатировалъ появленіе у насъ совершенно новаго типа *интеллигентнаго рабочаго*. Появленію этого типа не мало способствовала наша интеллигенція, способствовала, несмотря на то, что у нея никогда не было правильнаго взгляда на дѣло пропаганды среди рабочихъ. Проникнутые народническими предразсудками, наши революціонеры обыкновенно увѣряли рабочихъ (когда снисходили до того, что-бы увѣрять ихъ въ чемъ нибудь), что рабочій классъ не имѣетъ въ Россіи ни малѣйшаго значенія, что у насъ главное — крестьянинъ, что крестьянская жизнь совмѣщаетъ въ себѣ всѣ добродѣтели, между тѣмъ, какъ рабочій развращенъ до мозга костей, словомъ, что лучше всего было бы, если-бы у насъ совсѣмъ не было рабочихъ. Это называлось пропагандой: на такую то пропаганду революціонеры другихъ фракцій ссылаются въ своихъ спорахъ съ соціальдемократами, говоря, что до появленія этихъ послѣднихъ у насъ было обращено надлежащее вниманіе на городскихъ рабочихъ. Но и эта *пропаганда рабочимъ противъ рабочихъ* принесла, какъ видите, блестящіе плоды. Жизнь скоро устраняла предразсудки, привитые рабочимъ народниками. Разъ затронутый пропагандой, рабочій самъ додумывался до программы, соотвѣтствующей его классовому положенію. Тутъ происходили иногда удивительно комичные qui-pro-quo: революціонеры оказывались въ положеніи курицы, высидѣвшей утятъ. Когда образовался „Сѣверно-русскій рабочій Союзъ", то общество „Земля и Воля" съ ужасомъ увидѣло въ

его программѣ требованіе *политической свободы* и въ одномъ изъ нумеровъ своего журнала прочитало имъ нотацію за ихъ будто бы буржуазныя стремленія. Въ № 5 этого журнала былъ помѣщенъ отвѣтъ рабочихъ, гдѣ они говорили, что они „не деревенскія Сысойки", что рабочее движеніе безъ политической свободы невозможно, и что политическія права должны служить рабочимъ средствомъ для достиженія ихъ экономическихъ цѣлей. Какъ видите, исторія курицы, высидѣвшей утятъ, видоизмѣнилась здѣсь въ томъ смыслѣ, что утята оказались разумными существами, ласково увѣрявшими свою маменьку, что въ плаваніи по политическому морю для нихъ нѣтъ никакой опасности. Маменька долго не вѣрила утятамъ, а теперь позабывши, какъ было дѣло, эта легкомысленная птица настойчиво утверждаетъ, что утята вовсе не способны къ плаванью. Подумайте, къ какимъ результатамъ привела бы разумная, систематическая пропаганда, которая не уничтожала бы классоваго сознанія рабочихъ, а напротивъ показала бы имъ, что рабочій классъ есть „тотъ камень, на которомъ созидается церковь настоящаго"!

К. — Нѣтъ, батюшка, вы неисправимы. Я вижу, что, сколько ни спорь съ вами, вы все-таки, останетесь врагомъ конституціоннаго движенія.

С. — Изъ сказаннаго мною совсѣмъ нельзя сдѣлать подобнаго вывода. Вы должны были видѣть, напротивъ, что я *конституціоналистъ* только *на особый, соціалистическій манеръ*. По моему мнѣнію, *борьба за политическую свободу должна быть первымъ фазисомъ рабочаго движенія въ Россіи*.

К. — А мы всѣ должны превратиться въ пропагандистовъ и нести на фабрики „Хитрую механику", брошюру Дикштейна „Кто чѣмъ живетъ?" и книгу Аксельрода „Рабочее движеніе и соціальная демократія"?

С. — Пожалуйста не приписывайте намъ такихъ взглядовъ, которые никому изъ насъ никогда не приходили въ голову. Русское самодержавіе представляетъ собою такое уродливое явленіе, такой

чудовищный анахронизмъ, что я не удивился бы, если бы даже въ такъ называемыхъ высшихъ сферахъ, между высокопревосходительными и другими „значительными лицами„ нашлись люди, не чуждые конституціонныхъ стремленій. Можно даже съ увѣренностью сказать, что такіе люди существуютъ: катковско — побѣдоносцевская шайка навѣрное и тамъ успѣла нажить себѣ горячихъ противниковъ. Но какой же сумасшедшій будетъ совѣтовать этимъ „высокопоставленнымъ" конституціоналистамъ распространять между рабочими запрещенныя книжки? Точно такъ же далека отъ насъ мысль о пропагандистахъ изъ среды земскихъ и думскихъ дѣятелей и тому подобныхъ лицъ, что называется, съ положеніемъ. Я говорилъ о революціонерахъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, о тѣхъ разночинцахъ — пролетаріяхъ, которые въ семидесятыхъ годахъ ходили въ народъ, пополняли собою ряды „бунтарей и террористовъ". Они должны идти въ рабочую среду, потому что это ихъ дѣло и потому что у нихъ нѣтъ другого, болѣе плодотворнаго дѣла въ настоящее время. Не трудно представить себѣ, какую комическую роль пришлось бы играть нашему „революціонеру — разночинцу" въ гостиныхъ нашихъ чиновныхъ конституціоналистовъ, которые, впрочемъ, навѣрное не захотѣли бы имѣть съ нимъ никакихъ политическихъ сношеній. Точно также можно съ увѣренностью сказать, что онъ не имѣлъ бы успѣха и въ „обществѣ" въ собственномъ смыслѣ этого слова. Много — много, еслибы онъ встрѣтилъ тамъ покровительственно — снисходительное отношеніе, какъ человѣкъ, правда, слишкомъ горячій и „красный", но зато очень преданный дѣлу и честный. Вообще, еслибы нашъ разночинецъ — революціонеръ дѣйствительно взялся за пропаганду въ обществѣ, о которой онъ теперь такъ сильно поговариваетъ, то онъ часто очутился бы въ положеніи лермонтовскихъ молодыхъ людей, вздыхавшихъ объ аристократическихъ гостиныхъ, куда ихъ по выраженію Лермонтова, не пускали; часто

же долженъ быть бы убѣдиться въ полной безполезности принятой имъ роли. Что новаго сказалъ бы онъ этому обществу? Что наше правительство никуда не годится? Это давно уже всѣ знаютъ, а въ настоящее время, вѣроятно, знаетъ уже и само правительство. Или можетъ быть, онъ сообщилъ бы своимъ слушателямъ ту новую мысль, что отъ полицейскаго произвола много терпитъ русскій обыватель? Или онъ сталъ бы доказывать преимущество представительнаго правленія? Но какой же образованный человѣкъ въ Россіи не знаетъ этихъ преимуществъ? Наши университеты ежегодно выпускаютъ сотни молодыхъ людей, которые, подъ страхомъ получепія единицы, должны были изучить всѣ прелести „правового государства". Наша бѣда, то есть бѣда всѣхъ противниковъ абсолютизма заключается не въ томъ, что мы не знаемъ преимуществъ конституціоннаго режима, а въ томъ, что мы никакъ не можемъ его добиться: видитъ око, да зубъ нейметъ. И пособить этому горю можно только однимъ путемъ: измѣнивъ соотношеніе нашихъ общественныхъ силъ въ пользу политической свободы. Но я уже говорилъ вамъ, что для такого измѣненія необходимо содѣйствіе рабочаго класса.

К. — Итакъ, мы договорились теперь, если я не ошибаюсь, вотъ до чего: общество безсильно въ борьбѣ противъ правительства. Всѣ наши надежды должны основываться на рабочихъ. Поэтому, безполезна всякая агитація въ обществѣ. Мы должны оставить всякую мысль о самостоятельномъ движеніи съ нашей стороны и просить нашу революціонную молодежь, какъ можно скорѣе подготовить рабочихъ для борьбы съ абсолютизмомъ. Если она послушаетъ насъ, то дѣло политической свободы будетъ выиграно, если же нѣтъ, то абсолютизмъ останется непобѣдимымъ.

С. — Я вовсе не думаю, что судьба Россіи находится въ рукахъ нѣсколькихъ сотенъ или тысячъ молодыхъ людей. Я знаю, что всѣ общественныя условія, все то, что обыкновенно называется

силою вещей направляется у насъ теперь противъ абсолютизма. Совершенно независимо отъ воздѣйствія интеллигенціи, совершается разложеніе нашихъ старыхъ экономическихъ порядковъ, увеличивается численность рабочаго класса и постепенно зрѣетъ его сознаніе. Мало того, недовольство существующимъ порядкомъ накопляется даже въ темной крестьянской массѣ, число столкновеній крестьянъ съ властями возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Все это расшатываетъ абсолютизмъ и пророчитъ ему близкую гибель. Его пѣсенка спѣта во всякомъ случаѣ. Но поскольку рѣчь идетъ не о слѣпой силѣ вещей и обстоятельствъ, а о сознательномъ вліяніи личностей на исторію своей страны, постольку все сказанное мною остается неопровержимымъ и неоспоримымъ. Точно также я вовсе не считаю безполезной борьбу высшихъ и среднихъ классовъ противъ правительства, я первый привѣтствовалъ бы начало такой борьбы, потому что я понимаю все ея *возможное значеніе*. Но я говорю, что это *возможное* значеніе не станетъ *дѣйствительнымъ* до тѣхъ поръ, пока рядомъ съ движеніемъ въ обществѣ не начнется движеніе въ рабочей средѣ, и я приглашаю нашу революціонную молодежь содѣйствовать этому послѣднему движенію. Я говорю ей, что только въ рабочей средѣ она найдетъ плодотворную почву для своей дѣятельности, что, пробуждая сознаніе рабочаго класса, она будетъ способствовать не только освобожденію этого класса, но и всѣхъ другихъ прогрессивныхъ классовъ въ Россіи. А разъ наша молодежь выступитъ на путь пропаганды среди рабочихъ, хотя бы во имя интересовъ конституціи, она немедленно сама увидитъ, какова должна быть эта пропаганда. Она пойметъ, что нельзя изображать рабочимъ конституціонный порядокъ, какъ послѣднюю ступень общественнаго развитія. Она на дѣлѣ столкнется съ вопросомъ о современныхъ отношеніяхъ труда къ капиталу и станетъ организовывать рабочихъ для борьбы съ абсолютизмомъ, ни на минуту не забывая выяснять имъ враждебную

противоположность ихъ интересовъ съ интересами буржуазіи, какъ выражаются Марксъ и Энгельсъ въ своемъ Коммунистическомъ Манифестѣ. Однимъ словомъ, пусть только идутъ наши революціонеры къ рабочимъ, *сама жизнь сдѣлаетъ ихъ соціальдемократами.* Русскіе революціонеры никогда не закрывали глазъ на соціальный вопросъ, но, какъ я сказалъ, смотрѣли на него скорѣе съ точки зрѣнія мелкой буржуазіи, чѣмъ пролетаріата. Этому не мало способствовала принятая ими тактика борьбы. При агитаціи въ крестьянской средѣ не только можно, но и вполнѣ естественно было сохранять мелкобуржуазные взгляды на общественные вопросы. Точно также террористическая борьба, начатая помимо всякой серьезной связи съ рабочимъ классомъ, при всемъ своемъ героизмѣ, не могла способствовать выясненію взглядовъ русскихъ революціонеровъ. Но лишь только центръ тяжести всего движенія перенесется въ рабочую среду, — интересы пролетаріата по необходимости станутъ главными, или вѣрнѣе, единственнымъ критеріемъ при оцѣнкѣ всякихъ программъ и ученій. Тогда впервые начнется настоящее, широкое соціалистическое движеніе на Руси, и тогда, повѣрьте, не долго продержится русскій абсолютизмъ! Рабочій Петръ Алексѣевъ не даромъ говорилъ въ своей рѣчи передъ особымъ присутствіемъ Правительствующаго Сената, что „когда поднимется мускулистая рука рабочаго, то окруженное солдатскими штыками зданіе абсолютизма разлетится въ прахъ!“

Политическія задачи русскихъ соціалистовъ[1]).

Соціально-политическіе вопросы, какъ и всѣ на свѣтѣ, имѣютъ свою судьбу, и иногда, на первый взглядъ, довольно странную судьбу. Такъ, напр., соціалистическое движеніе существуетъ у насъ уже давно; можно было бы думать поэтому, что вопросъ о политическихъ задачахъ соціалистовъ принадлежитъ у насъ къ числу окончательно и безповоротно рѣшенныхъ. На дѣлѣ оказывается, однако, иначе. У насъ именно теперь ведутся объ этомъ предметѣ горячіе споры, которые хотя и свидѣтельствуютъ о значительной отсталости нашей соціалистической мысли, но въ то же время показываютъ, что она не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Было время, когда русскіе соціалисты совсѣмъ не спорили о своихъ политическихъ задачахъ, потому что и слышать не хотѣли о существованіи подобныхъ задачъ. Такъ было въ 70-хъ годахъ, въ эпоху процвѣтанія народничества. Народники полагали, что соціалистамъ не пристало заниматься политической борьбой, такъ какъ она, въ концѣ концовъ, можетъ привести лишь къ политической свободѣ, которая нужна и полезна не народу, а его врагамъ, т. е. высшимъ классамъ. Но жизнь обращаетъ, какъ извѣстно, очень мало вниманія на доктрины и доктрины общественныхъ дѣятелей. Она имѣетъ очень безцеремонныя привычки, и если только человѣкъ не сидитъ, сложа руки, она распоряжается имъ по своему, насильно заставляя

[1]) Статья эта впервые напечатана была въ вышедшемъ въ Женевѣ въ іюнѣ 1889 г. органѣ „Соціалистъ".

его дѣйствовать сообразно съ нуждами времени. Совершенно такъ поступила она и съ народниками. Хотя они считали всякаго рода политическія задачи не болѣе, какъ буржуазными выдумками, но на дѣлѣ все таки занимались политической борьбой, потому что невозможно было не заниматься ею. Съ особенной энергіей вела ее партія „Н. В.“. Казалось бы, что именно эта партія—и именно потому, что она съ необыкновенной энергіей вела политическую борьбу—должна была рѣшить, наконецъ, вопросъ объ отношеніи соціализма къ „политикѣ“. Но она не рѣшила, а только обошла его, поставивъ захватъ власти своею ближайшею политическою цѣлью. Такимъ образомъ, они теперь, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, стоятъ передъ тѣмъ самымъ вопросомъ, о рѣшеніи котораго намъ слѣдовало позаботиться въ началѣ —семидесятыхъ. Намъ и теперь приходится спрашивать себя: да полно, могутъ-ли у соціалистовъ быть какія-нибудь особыя политическія задачи, и если—могутъ, то въ чемъ же именно они заключаются?

Человѣкъ, незнакомый съ исторіей нашего революціоннаго движенія, съ полнымъ правомъ могъ сказать, что все это по меньшей мѣрѣ странно. Но всякая странность имѣетъ свою достаточную причину. При ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ оказывается, что отношеніе русскихъ соціалистовъ къ „политикѣ“ обусловливалось общимъ характеромъ ихъ міросозерцанія.

Предѣлы статьи не позволяютъ намъ даже вкратцѣ очертить здѣсь исторію народничества, въ которомъ причудливо переплелись ученія утопическаго соціализма тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ съ Бакунинскимъ анархизмомъ и съ теоріями славянофиловъ. Поэтому мы ограничимся указаніемъ главныхъ и наиболѣе характерныхъ чертъ этого ученія.

„Соціальная революція“, къ которой стремились революціонеры-народники, была анархической революціей. Народники были принципіальными вра-

гами государства,—не того или другого вида государственной организаціи, не государства царей и бюрократическаго централизма и не буржуазнаго государства, а государства во всѣхъ его видахъ и формахъ—бывшихъ, существующихъ и имѣющихъ существовать. Вслѣдъ за Бакунинымъ, они считали государство главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій народа, который, будто бы, боролся противъ него впродолженіи всей своей исторіи и не покорился до настоящаго времени. Всѣ, даже самомалѣйшіе случаи столкновенія народа съ администраціей, объяснялись ими исключительно въ этомъ смыслѣ. Задача революціонеровъ сводилась для нихъ къ поддержанію и расширенію антигосударственныхъ движеній народа. Каждому отдѣльному „протесту“, каждому „бунту“, хотя бы онъ ограничивался предѣлами одной только деревни, придавалось огромное воспитательное значеніе. Поэтому наши революціонеры-народники называли себя также „бунтарями“. Имъ казалось, что всякіе другіе способы вліянія на народъ, помимо „бунтарскихъ“ или невозможны, или даже прямо вредны, потому что, какъ выражался Бакунинъ, „заражаютъ его—оффиціально—общественнымъ ядомъ и, во всякомъ случаѣ, отвлекаютъ его хоть на малое время отъ единственно нынѣ полезнаго и спасительнаго дѣла—отъ „бунта“.

Понятно, что съ этой точки зрѣнія, всякая попытка борьбы за политическую свободу казалась измѣной народному дѣлу. Стремясь къ полному разрушенію государства, народники и слышать не хотѣли о замѣнѣ нашего полицейскаго государства такъ называемымъ правовымъ, т. е. конституціоннымъ. Участіе народа въ политической жизни своей страны считалось ими даже особенно вреднымъ, потому что оно означаетъ—говорили они—признаніе народомъ государства, примиреніе его съ нимъ, а хуже этого они и представить себѣ ничего не могли. Извѣстно, что въ конституціонныхъ странахъ послѣдователи Бакунина настойчиво рекомендовали народу „политическое воздержаніе“.

Экономическія ученія революціонеровъ-народниковъ достаточно извѣстны. Они почти ничѣмъ не отличаются отъ ученія мирныхъ народниковъ, никогда не сходившихъ съ пути закономъ дозволенной дѣятельности. Вся разница между этими двумя разновидностями народничества заключалась въ томъ, что „бунтари" считали возможнымъ дальнѣйшее развитіе поземельной общины, лишь при условіи полнаго разрушенія государства. Освобожденные отъ государственнаго гнета, крестьяне получатъ, наконецъ, возможность осуществить свои идеалы и перейдутъ отъ общиннаго владѣнія землею къ общинному производству и, сообразному съ этимъ, распредѣленію продуктовъ. До тѣхъ же поръ, пока существуетъ государство, общинное землевладѣніе и связанные съ нимъ народные идеалы могутъ только падать и разрушаться. Отсюда видно, что экономическіе взгляды народниковъ должны были сильно укрѣплять склонность ихъ къ „политическому воздержанію". Идеализація общины давала даже новый доводъ въ пользу такого воздержанія. Народники понимали, что паденіе самодержавія окончательно развяжетъ руки нашей буржуазіи и послужитъ сигналомъ неслыханнаго развитія русскаго капитализма, а слѣдовательно и быстраго разложенія общины. А такъ какъ на общинѣ основывались всѣ ихъ соціалистическія упованія, то неудивительно, что у нихъ не было ни малѣйшей охоты содѣйствовать своей борьбой торжеству буржуазіи. Отрицаніе „политики" логически вытекало изъ всѣхъ основныхъ положеній народничества.

Мы уже сказали, что народничество развилось подъ сильнымъ вліяніемъ бакунизма. Если припомнить, что вліяніе Бакунина сказывалось не только въ Россіи, но и за-границей: въ Италіи, въ Испаніи, въ Швейцаріи и отчасти во Франціи, то станетъ понятно, почему даже тѣ изъ нашихъ „бунтарей", которые не на словахъ только изучали соціалистическія теоріи Запада и старались познакомиться съ его рабочимъ движеніемъ, не легко

приходили къ мысли о теоретической и практической несостоятельности народничества. На Западѣ они сочувствовали болѣе всего анархистамъ, во многихъ случаяхъ вполнѣ раздѣлявшимъ ихъ взгляды на вещи. Русскимъ народникамъ казалось даже по временамъ, что они имѣютъ право смотрѣть на Западъ съ нѣкоторымъ снисходительнымъ сожалѣніемъ, такъ какъ онъ, бѣдный, давно уже утратилъ естественное основаніе соціалистическаго строя,—поземельную общину. Во всякомъ случаѣ, разсматривая западно-европейскую жизнь сквозь анархическую призму, они еще болѣе убѣждались въ томъ, что соціализмъ исключаетъ всякую политику.

Не западная, а русская жизнь впервые показала нашимъ народникамъ практическую несостоятельность принципа политическаго воздержанія. Съ Запада пришла къ намъ теоретическая критика этого принципа, но пришла гораздо позже, когда на дѣлѣ, „политика“ поглощала уже всѣ силы революціонеровъ. Со свойственною ему любезностью и предупредительностью, русское правительство взяло на себя трудъ, путемъ доказательства отъ противнаго, убѣдить ихъ въ необходимости политической *борьбы*, показавъ имъ важное значеніе политической *свободы*. Такъ называемый терроризмъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ борьбой за эту свободу. Но всякая борьба нуждается въ извѣстномъ теоретическомъ оправданіи. Сознавая политическое значеніе принятаго ими способа дѣйствій, наши террористы не могли уже, безъ очевиднаго и вопіющаго противорѣчія, держаться принципа политическаго невмѣшательства. Они отказались отъ него, равно какъ и отъ бакунинскаго взгляда на государство. Желябовъ на судѣ называлъ анархическія увлеченія ошибками молодости русскихъ революціонеровъ. Отношеніе партіи „Народной Воли“ къ „государству“ было діаметрально-противоположно отношенію къ нему народниковъ. Народовольцы не стремились уже къ разрушенію государства, но, наоборотъ, смот-

рѣли на него, какъ на рычагъ, съ помощью котораго только и можетъ совершиться и упрочиться экономическая революція. Они задались цѣлью овладѣть этимъ рычагомъ, т. е. захватить политическую власть въ свои руки. Такимъ образомъ, „*бунтари*“ уступили мѣсто *заговорщикамъ*. У русскихъ соціалистовъ явилась *положительная* политическая задача.

Заговоръ съ цѣлью захвата власти представляетъ собою несравненно болѣе осмысленное революціонное дѣйствіе, чѣмъ анархическое „бунтарство“ съ его чисто отрицательными задачами. Въ извѣстныхъ, правда совершенно исключительныхъ случаяхъ, заговорщицкій способъ дѣйствія слѣдуетъ признать умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ. Но если для соціалистовъ данной страны вся наша „соціальной революціи“ сводится къ заговору, и если онъ заслоняетъ собою все ихъ политическое положеніе, то можно быть увѣреннымъ, что они не выяснили себѣ историческихъ условій торжества своего дѣла и политическихъ задачъ своей партіи. Исходъ заговора зависитъ отъ ловкости отдѣльныхъ лицъ: торжество соціализма подготовляется общимъ ходомъ историческаго развитія. Заговоръ всегда былъ и будетъ дѣломъ случайнымъ и произвольнымъ: историческое развитіе совершается со всею силою необходимости. Толковать о заговорѣ и въ тоже время закрывать глаза на историческое развитіе своей страны значитъ придавать своему дѣлу характеръ случайности и произвольности, не справляясь объ его исторической необходимости. При такомъ взглядѣ заговорщиковъ на характеръ своей дѣятельности можетъ случиться одно изъ двухъ: или направленіе этой дѣятельности случайно совпадаетъ съ направленіемъ историческаго движенія страны, или оно стоитъ въ противорѣчіи съ нимъ. Въ первомъ случаѣ торжество заговорщиковъ будетъ возможнымъ, во второмъ — на всегда останется совершенно немыслимымъ. Нужно сознаться, что стремленіе партіи „Народной

Воли"—какъ общества заговорщиковъ—совсѣмъ не совпадаетъ съ общимъ ходомъ русскаго историческаго развитія. Поэтому заговорщицкіе планы ея были заранѣе осуждены на неудачу.

Во всемъ, что касалось экономическихъ отношеній Россіи, „народовольцы" совершенно раздѣляли взгляды своихъ предшественниковъ — народниковъ, или вѣрнѣе сказать, они сами были *народниками*. Это обстоятельство отмѣчено было еще въ программѣ Исполнительнаго Комитета. „По основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы соціалисты-народники", говорятъ ея составители. Въ качествѣ народниковъ они по прежнему идеализировали общину и съ благочестивымъ ужасомъ смотрѣли на развитіе капитализма въ Россіи. Они стремились захватить власть именно для того, чтобы путемъ государственнаго вмѣшательства остановить развитіе капитализма и содѣйствовать непосредственному переходу общиннаго быта въ соціалистическій строй. Въ возможности такого перехода никто изъ нихъ не сомнѣвался. Но если въ рукахъ „соціалистовъ-народниковъ" государственная машина могла бы, какъ они думали, способствовать дальнѣйшему развитію народныхъ „устоевъ", то съ другой стороны, они не могли не видѣть, что всѣ современные наши общественные и государственные порядки очень неблагопріятны не только для дальнѣйшаго развитія, но даже и для дальнѣйшаго существованія стараго общиннаго быта. Только слѣпой могъ не видѣть его страннаго и повсемѣстнаго упадка. Такимъ образомъ, оказалось, что въ непосредственномъ переходѣ общиннаго быта въ соціалистическій строй ручалась партія „Народной Воли", т. е. болѣе или менѣе значительное тайное общество заговорщиковъ, а противъ него выступала пассивная сила существующихъ отношеній и активная сила начинавшагося капиталистическаго развитія. Взвѣсивъ все это, ни одинъ народоволецъ не могъ бы, положа руку на сердце, сказать, что онъ имѣетъ много разумныхъ основаній „вѣрить" въ удачу

задуманнаго его партіей соціально-политическаго переворота.

Но въ такомъ случаѣ, какое же значеніе могла имѣть его политическая борьба съ правительствомъ? Если тотчасъ же послѣ паденія абсолютизма власть не можетъ попасть въ руки революціонеровъ — заговорщиковъ, то она не минуетъ рукъ либеральной буржуазіи. Въ качествѣ „соціалистовъ-народниковъ“ народовольцы не могли не пугаться такого исхода, дорожа участью общиннаго быта, который, какъ мы уже знаемъ, былъ имъ самимъ дорогъ не менѣе, чѣмъ „бунтарямъ“. Политическая свобода привлекательна для всякаго честнаго и развитаго человѣка. Но русскіе революціонеры не могли со спокойной совѣстью бороться за нее, не отказавшись отъ экономическихъ взглядовъ народниковъ. Поскольку народовольцы придерживались этихъ взглядовъ, по столько они не успѣли еще согласить въ своемъ умѣ интересовъ народной массы съ интересами политической свободы и продолжали противопоставлять соціализмъ всякой другой политикѣ, кромѣ политики заговора съ цѣлью непосредственнаго экономическаго переворота.

Чтобы всесторонне уяснить себѣ политическія задачи соціализма, русскіе революціонеры должны были начать съ критики основныхъ положеній соціалистическаго народничества. Но гдѣ же они могли найти мѣрило для подобной критики? Не трудно видѣть, что его можно было найти только на родинѣ соціализма, т. е. на Западѣ.

* * *

Въ доброе старое время „бунтарства“ и отрицанія „политики“ мы изо всѣхъ революціонныхъ теченій Запада сочувствовали по преимуществу анархическому теченію. Анархизмъ казался намъ послѣднимъ словомъ западно-европейскаго соціализма. Между тѣмъ, рядомъ съ анархическими *кружками*, на Западѣ существовали *цѣлыя партіи*, состоявшія почти исключительно изъ рабочихъ,

твердо державшіяся соціалистической программы и въ то же время далеко не равнодушныя къ „политикѣ“. Въ разныхъ странахъ и въ разные годы эти партіи носили разныя названія, но въ дѣйствительности всѣ онѣ въ большей или меньшей степени проникнуты были *соціальдемократическимъ духомъ*. Руководители соціальной демократіи никогда не раздѣляли предразсудка относительно несогласимости политики съ соціализмомъ. „Надо быть очень ограниченнымъ — пишетъ Лассаль въ своемъ знаменитомъ „Гласномъ отвѣтѣ Центральному Комитету, учрежденному для созванія общаго германскаго рабочаго конгресса въ Лейпцигѣ, — надо быть очень ограниченнымъ, чтобы находить что работника не должно интересовать политическое движеніе и развитіе!

Наоборотъ, только отъ *политической свободы* можетъ онъ ожидать удовлетворенія своихъ законныхъ интересовъ. Уже самый вопросъ о вашемъ правѣ собираться обсуждать ваши интересы, составлять для осуществленія ихъ общества и пр. — есть вопросъ, зависящій отъ политическаго положенія и политическаго законодательства страны, и потому не стоитъ больше тратить слова на опроверженіе столь ограниченнаго возврѣнія“. Противникомъ „политики“ въ періодъ лассальевской агитаціи явился консервативный соціалистъ Родбертусъ, который совѣтовалъ рабочимъ остаться на почвѣ чисто экономическихъ требованій. Лассаль рѣшился лучше потерять въ лицѣ Родбертуса союзника, которымъ очень дорожилъ, чѣмъ послѣдовать его политическимъ или лучше сказать—анти-политическимъ указаніямъ. Въ этомъ случаѣ основатель „Общегерманскаго Рабочаго Союза“ остался вполнѣ вѣренъ лучшимъ преданіямъ нѣмецкаго соціализма. Еще задолго до начала лассальевской агитаціи, наканунѣ революціонныхъ движеній 1848 года, Марксъ и Энгельсъ ѣдко смѣялись въ своемъ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ надъ истинными (по нашей терминологіи слѣдовало бы сказать *чистыми*) соціалистами,

которые увѣряли народную массу, что въ борьбѣ за политическую свободу она ничего не можетъ выиграть, но скорѣе рискуетъ все потерять. Авторы Манифеста безъ церемоніи называли такихъ „чистыхъ" соціалистовъ реакціонерами. Это было рѣзко, но совершенно справедливо. Противополагать соціализмъ политикѣ просто нелѣпо. Соціализмъ это та же политика, но только политика рабочаго класса, стремящаго къ своему экономическому освобожденію. Политика рабочаго класса немедленно становится соціализмомъ, когда рабочій классъ сознательно задается такою цѣлью и сообразно съ нею организуется въ особую партію. Поэтому понимающій человѣкъ можетъ и долженъ противополагать не соціализмъ политикѣ и не политику соціализму, а политику рабочаго класса — политикѣ буржуазіи, политику эксплуатируемыхъ — политикѣ эксплуататоровъ. *Такое* противоположеніе имѣетъ глубокій смыслъ, такъ какъ оно основывается на борьбѣ интересовъ въ современномъ обществѣ. Но имъ создается не отрицательное отношеніе къ политикѣ, а наоборотъ, стремленіе принять въ политической жизни дѣятельное и сознательное участіе. Экономическое освобожденіе рабочаго класса можетъ быть достигнуто путемъ политической борьбы и только путемъ политической борьбы. Такъ называемая чисто экономическая борьба рабочихъ съ предпринимателями велась и ведется съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ существуютъ рабочіе и предприниматели. Пока рабочій классъ занимается чисто экономической борьбой, онъ еще не думаетъ о коренномъ измѣненіи своего положенія. Онъ заботится тогда о томъ, чтобы нѣсколько улучшить его въ предѣлахъ существующаго экономическаго строя. Такъ, онъ борется, напримѣръ, за повышеніе платы, даже не помышляя о возможности устраненія такихъ экономическихъ порядковъ, благодаря которымъ сила продается, какъ товаръ, на рынкѣ. При такомъ положеніи дѣлъ почти всегда бываетъ, что борясь отдѣльными представителями буржуазнаго

класса, т. е. со своими предпринимателями, рабочіе въ то же время поддерживаютъ буржуазію, какъ цѣлый *классъ*, идя во хвостѣ буржуазныхъ политическихъ партій. Этимъ затрудняется достиженіе даже тѣхъ скромныхъ и безобидныхъ экономическихъ цѣлей, которыя преслѣдуются тогда рабочими. Имѣя въ своихъ рукахъ всю политическую власть и не встрѣчая въ пользованіи ею никакого противодѣйствія со стороны рабочихъ, буржуазія всегда имѣетъ полную возможность свести, какъ говорится, на нѣтъ всѣ успѣхи рабочихъ въ области экономической борьбы. Но какъ только борьба рабочихъ противъ предпринимателей, обобщаясь и расширяясь, принимаетъ болѣе серьезный, глубокій и рѣшительный характеръ, она переносится съ узкой арены фабрикъ и мастерскихъ на несравненно болѣе широкую арену государственной жизни. Рабочіе перестаютъ поддерживать буржуазію въ политикѣ и сплачиваются въ особую политическую партію. Тогда борьба ихъ принимаетъ классовой характеръ: „всякая классовая борьба есть борьба политическая". Сплотившись въ особую политическую партію, рабочіе говорятъ съ буржуазіей уже совсѣмъ другимъ языкомъ и борятся съ ней гораздо болѣе грознымъ оружіемъ. Тогда въ чисто экономической области буржуазія дѣлается болѣе уступчивой. И это понятно. Тамъ, гдѣ интересы общественныхъ классовъ до такой степени противоположны и враждебны, какъ враждебны и противоположны интересы рабочихъ и предпринимателей — уступки могутъ быть вынуждены только *силой*, политическая же борьба представляетъ собою наиболѣе производительную затрату силъ всякаго даннаго класса, не исключая и класса рабочихъ. Но вырванныя у буржуазіи экономическія уступки — это только побочный результатъ политической борьбы рабочаго класса. Самымъ главнымъ и незамѣнимымъ результатомъ этой борьбы является его политическое воспитаніе. На аренѣ политической жизни рабочій классъ быстро растетъ и умственно и нравственно, его

мужество крѣпнетъ, его сознаніе проясняется, и онъ зрѣетъ для полной побѣды надъ буржуазіей. Вообще не нужно обманываться на счетъ цѣли участія рабочихъ въ политической жизни современныхъ обществъ. Какъ только пролетаріатъ выступаетъ на путь политической борьбы за свои интересы, онъ, подобно всѣмъ другимъ классамъ, начинаетъ стремиться къ полному политическому господству. Неотвратимый ходъ экономическаго развитія заботится о томъ, чтобы обезпечить ему побѣду. „Всѣ прочіе классы приходятъ въ упадокъ и уничтожаются съ развитіемъ крупной промышленности, пролетаріатъ же именно ею создается". Правда, рабочій классъ воспользуется своимъ господствомъ для того, чтобы положить конецъ раздѣленію общества на классы, а слѣдовательно и своему собственному классовому господству. Эта цѣль навязывается ему сантиментальными соображеніями о безнравственности господства одного класса надъ другимъ. Подобныя соображенія легко забываются тамъ, гдѣ противъ нихъ говоритъ экономическая выгода. Но въ данномъ случаѣ въ пользу указанной цѣли политическаго господства пролетаріата возвышаетъ свой повелительный голосъ сама экономическая необходимость. Безъ уничтоженія классовъ немыслимо экономическое освобожденіе пролетаріата. Но это уже болѣе отдаленная цѣль, къ которой пролетаріатъ не можетъ придти безъ политическаго господства. Слѣдовательно, политическое господство должно быть непосредственною цѣлью его политической борьбы съ буржуазіей. Эта близкая цѣль также не можетъ быть достигнута однимъ смѣлымъ скачкомъ, однимъ удачнымъ политическимъ дѣйствіемъ. Ея достиженіе предполагаетъ болѣе и менѣе продолжительный историческій процессъ развитія рабочаго класса. Но важно то, что соціалъ-демократы приурочиваютъ къ ней всѣ другія части своей программы и что въ сравненіи съ нею всѣ онѣ являются второстепенными и подчиненными.

Такъ смотритъ на политическую борьбу соціальная демократія. Вѣчная, неустанная, общественная борьба съ буржуазіей — вотъ краткая формула ея „политики". Въ этой борьбѣ рѣчь идетъ не о существованіи рабочей партіи рядомъ съ партіями буржуазными, а о полномъ устраненіи того порядка, при которомъ существуютъ буржуазія и пролетаріатъ. Эта борьба есть борьба *политическая*: сначала борьба за политическія *права*, какъ за необходимое условіе дальнѣйшаго развитія рабочаго класса; потомъ борьба за политическое *господство*, какъ за необходимое условіе его экономическаго освобожденія. Конечно, въ различныхъ странахъ, сообразно съ ихъ культурно-историческими особенностями, программа соціальной демократіи получаетъ различныя видоизмѣненія. Но общій характеръ ея остается неизмѣннымъ. Соціальдемократы убѣждены, что естественная логика вещей, естественное развитіе современныхъ отношеній должны привести къ политическому и экономическому пораженію буржуазіи. Поэтому они поддерживаютъ всякое поступательное движеніе, обнаруживающееся въ средѣ современныхъ обществъ, какъ движеніе ускоряющее неизбѣжную развязку. Правда, въ тѣхъ странахъ, гдѣ буржуазный строй достигъ уже полнаго своего развитія, прогрессивныя движенія могутъ имѣть мѣсто только среди рабочаго класса. Буржуазія играетъ тамъ исключительно консервативную, если не реакціонную роль. Но не то мы видимъ въ отсталыхъ странахъ, гдѣ буржуазные порядки еще не сдѣлались господствующими. Тамъ сама буржуазія играетъ революціонную роль по отношенію къ старымъ, отжившимъ общественнымъ порядкамъ. Такова, напримѣръ, была Германія до 1848 года. Нѣмецкая буржуазія боролась противъ абсолютизма и обращалась къ рабочему классу за помощью и поддержкой. „Истинные" или „чистые" соціалисты говорили, что рабочимъ не слѣдуетъ принимать участіе въ этой борьбѣ, потому что исходъ ея выгоденъ для одной буржуазіи. Соціальдемократы,

ли, по тогдашнему, коммунисты, совѣтовали рабочимъ поддерживать буржуазію въ ея борьбѣ противъ абсолютной монархіи, но въ то же время „ни на минуту не переставали вырабатывать въ ихъ умахъ возможно болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата“ Они хотѣли, чтобы „общественныя и политическія условія, которыя принесетъ съ собою господство буржуазіи, могли послужить нѣмецкимъ рабочимъ оружіемъ противъ той же буржуазіи, чтобы борьба противъ нея началась тотчасъ же послѣ паденія реакціонныхъ классовъ въ Германіи. Послѣ контръ-революціи 1848 -49 гг. коммунистамъ и революціоннымъ слоямъ буржуазіи пришлось снова бороться съ правительствомъ посредствомъ тайныхъ обществъ. Тогда возникъ вопросъ о союзѣ всѣхъ революціонныхъ элементовъ въ одну антиправительственную партію. Это была проповѣдь политики, „чистой“ отъ всякаго классоваго антагонизма. Коммунисты отвѣчали на эту проповѣдь простымъ и яснымъ образомъ: мы готовы поддерживать васъ въ борьбѣ противъ реакціи, говорили они, потому что такая борьба лежитъ въ интересахъ пролетаріата. Но мы ни за что не сольемся съ вами въ одну политическую партію, потому что такое слiяніе было бы равносильно отказу пролетаріата отъ всякой самостоятельной роли и низведенію его на степень послушнаго хора, служащаго простымъ отголоскомъ требованій демократической буржуазіи. Напротивъ, мы употребимъ всѣ усилія для того, чтобы создать самостоятельную организацію рабочихъ, которая могла бы обсуждать интересы своего класса независимо отъ всякихъ буржуазныхъ вліяній. На случай нашей совмѣстной борьбы противъ общаго врага мы не имѣемъ надобности въ полномъ предварительномъ соединеніи. „Оно произойдетъ само собой, если только радикальная буржуазія не убоится опасности. Что же касается до насъ, то мы не замедлимъ занять въ столкновеніяхъ съ правительствомъ надлежащее намъ первое мѣсто“. Отъ

подобной тактики по отношенію къ буржуазнымъ партіямъ нѣмецкіе соціалъ-демократы не оправдались вплоть до настоящаго времени, и быстрый ростъ политическаго сознанія нѣмецкаго пролетаріата убѣдительнѣе длинныхъ разсужденій доказываетъ цѣлесообразность.

Итакъ, соціальная демократія умѣла слить соціализмъ съ „политикой" въ одно стройное гармоничное цѣлое. Если бы русскіе революціонеры стали на ея точку зрѣнія, они сразу покончили бы съ тою путаницей экономическихъ и политическихъ понятій, которыя нерѣдко обращали въ ничто ихъ самоотверженныя усилія. Они могутъ это сдѣлать, не опасаясь послѣдствій, потому что ученіе соціальной демократіи по своей выработанности и послѣдовательности оставляетъ безконечно далеко позади себя противорѣчивыя теоріи анархистовъ и народниковъ. Даже враги называютъ это ученіе *научнымъ соціализмомъ*, и при нѣкоторомъ знакомствѣ съ дѣломъ, очевидно, что только оно, только ученіе соціальной демократіи и можетъ имѣть основательную претензію на такое названіе. Съ точки зрѣнія соціальной демократіи экономическая задача русскихъ соціалистовъ представляется совершенно въ новомъ свѣтѣ.

Послѣдователи научнаго соціализма борются во имя ближайшихъ задачъ и интересовъ рабочаго класса, но въ то же время они отстаиваютъ и будущность движенія.

Имѣя въ виду будущность русскаго рабочаго движенія, наши соціалисты не станутъ дѣлать, подобно соціалистамъ-народникамъ, возставать противъ развитія у насъ капитализма, потому что капитализмъ сосредоточиваетъ и сплочаетъ численность пролетаріата и создаетъ тѣ производительныя силы (фабрики, заводы, пути сообщенія и т. д.), тѣ матеріальныя условія, безъ которыхъ освобожденіе рабочаго класса навсегда осталось бы мечтою.

Точно также въ интересахъ будущности рабочаго движенія русскіе соціалисты усвоившіе точку

зрѣлію соціальной демократіи, не смогутъ, подобно анархистамъ относиться къ государству съ голымъ отрицаніемъ. Конечно, современная государственная власть по существу своему враждебна интересамъ рабочихъ. Но, *взявши государственную власть въ свои руки*, революціонный пролетаріатъ сумѣетъ сдѣлать ее самымъ дѣйствительнымъ оружіемъ своего экономическаго освобожденія. Говоря вообще, соціалъ-демократы не придаютъ значенія захвату власти горсткою заговорщиковъ, хотя бы заговорщики были одушевлены самыми лучшими намѣреніями по отношенію къ рабочимъ, но они считаютъ политическое господство рабочаго класса необходимымъ прологомъ экономической революціи. Главная политическая задача ихъ заключается, какъ мы видѣли, въ томъ, чтобы по возможности приблизить время этого господства. Поэтому русскіе соціалъ-демократы не станутъ толковать о такъ называемомъ чистомъ соціализмѣ, т. е. о соціализмѣ, чистомъ отъ всякой политики. Политическая свобода необходима для роста и развитія ихъ партіи. Весь соціализмъ есть въ ихъ глазахъ не что иное, какъ *политическая* борьба рабочаго класса за свое *экономическое* освобожденіе. „Чистый" соціализмъ кажется имъ реакціонной утопіей. Но ихъ нельзя сбить съ толку и минимыми выгодами, „чистой" политики. Для нихъ „чистая" политика есть или простая дополнительная ошибка къ „чистому" соціализму, нелѣпая крайность, вызванная другою, не менѣе нелѣпою крайностью, или софизмъ, съ помощью котораго либеральное лицемѣріе старается отвлечь вниманіе рабочихъ отъ жгучихъ экономическихъ вопросовъ. Русскіе соціалъ-демократы съумѣютъ понять интересы политической свободы, не закрывая глазъ на экономическіе интересы пролетаріата.

Самая первая, самая настоящая, въ то же время самая очевидная и самая безспорная изъ всѣхъ ближайшихъ задачъ русскихъ соціалистовъ заключается *въ поддержаніи своего существованія, какъ особой — соціалистической — партіи рядомъ съ*

другими — либеральными — партіями, образующимися или имѣющими образоваться для борьбы съ абсолютизмомъ. Слиться съ такими партіями для русскихъ соціалистовъ значило бы совершить политическое самоубійство, потому что, въ случаѣ слія̀нія, не либералы примутъ ихъ программу, а имъ придется принять программу либераловъ, т. е. на долгое время оставить даже всякія попытки о соціализмѣ. Но, съ другой стороны, поддержать свое существованіе, какъ особой партіи, русскіе соціалисты могутъ только при одномъ необходимомъ условіи: именно при условіи возбужденія сознательно политическаго движенія въ средѣ рабочаго класса. Внѣ этого класса соціалистическое движеніе немыслимо. Движеніе ограниченное тѣсными предѣлами интеллигенціи, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо соціалистическимъ. Оно способно служить только преддверіемъ и предвѣстіемъ настоящаго соціалистическаго движенія, т. е. *движенія рабочихъ*. Забывши эту простую истину, наша революціонная интеллигенція, какими бы кличками она ни тѣшила свое самолюбіе, на дѣлѣ тотчасъ же перестала бы быть соціалистической и превратилась бы въ лѣвое крыло либеральной буржуазіи. Но подобное превращеніе было бы выгодно только для дѣла русскаго самодержавія. Для завоеванія политической свободы недостаточно силъ высшихъ классовъ. Рано или поздно за нее придется проливать свою кровь русскимъ рабочимъ. Весь вопросъ сводится въ этомъ случаѣ къ тому, будутъ-ли рабочіе бороться противъ абсолютизма въ качествѣ слѣпыхъ орудій либераловъ или ихъ борьбѣ суждено сдѣлаться первымъ политическимъ шагомъ самостоятельной рабочей партіи въ Россіи.

Отъ нашей соціалистической интеллигенціи въ значительной степени зависитъ будущее рѣшеніе этого вопроса.

Еще разъ соціализмъ и политическая борьба [1]).

Осенью 1883 года вышла въ Женевѣ моя брошюра „*Соціализмъ и политическая борьба*“, положившая начало литературной пропагандѣ группы „*Освобожденіе Труда*“ и посвященная вопросу о политическихъ задачахъ русскихъ соціалистовъ. Теперь я берусь за перо, чтобы опять поговорить съ читателемъ о томъ же вопросѣ. И я надѣюсь, что никто не назоветъ его устарѣлымъ. Нѣтъ, къ сожалѣнію, онъ не устарѣлъ и до сихъ поръ. Нынѣшнее положеніе русской соціалистической партіи въ очень многомъ и очень сильно отличается отъ того, въ которомъ она находилась семнадцать лѣтъ тому назадъ. Теперь дѣйствительно устарѣло очень многое изъ того, что занимало и волновало тогда ея приверженцевъ, но вопросъ объ ея политическихъ задачахъ и теперь принадлежитъ, — какъ принадлежалъ тогда — къ числу нашихъ Zeit- und Streitfragen. Болѣе того, можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что теперь, какъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, онъ является самымъ важнымъ, самымъ насущнымъ и самымъ жгучимъ изо всѣхъ практическихъ вопросовъ, требующихъ отъ насъ отвѣта: отъ его рѣшенія въ ту или другую сторону зависитъ все будущее нашей партіи. А между тѣмъ онъ до сихъ поръ нѣкоторыми изъ насъ рѣшается ошибочно; до сихъ поръ онъ представляетъ собою какое-то „заколдованное мѣсто“, о которое запинаются под-

[1]) **Статья эта написана осенью 1900 года и напечатана въ первой книжкѣ „Зари“.**

часъ люди, имѣющіе рѣшительно всѣ данныя для того, чтобы легко справиться и не съ такими трудностями. Въ чемъ же тутъ дѣло? Какъ и кѣмъ заколдовано „мѣсто“, относящееся къ нашимъ политическимъ задачамъ? Чтобы уяснить себѣ это, полезно будетъ припомнить, какъ развивалась въ русской революціонной средѣ идея политической борьбы въ теченіе послѣдней четверти вѣка.

I.

Лѣтъ 25 тому назадъ въ этой средѣ почти безраздѣльно господствовало *народничество*, которое, однако, не надо смѣшивать съ *ученіемъ г. г. В. В. и компаніи*. Ученіе этихъ господъ представляетъ собою что то въ родѣ злѣйшей карикатуры на старое народничество. Правда, въ основѣ стараго народничества лежали, въ общемъ, тѣ же самыя *теоретическія* посылки, на которыя опирается теперь г. В. В. и его единомышленники, но *практика* народничества семидесятыхъ годовъ не похожа на ту практику, которой занимается теперь г. В. В. съ братіей. Эта почтенная братія твердо уповаетъ на царское правительство: она помнитъ тотъ историческій фактъ, что это правительство заводило когда-то военныя поселенія, и дѣлаетъ изъ этого несомнѣннаго факта тотъ нѣсколько сомнительный выводъ, что это же правительство могло бы взяться и за организацію фаланстеровъ; народники семидесятыхъ годовъ и слышать не хотѣли о *царскомъ правительствѣ*. Г. В. В.—реакціонеръ; народники семидесятыхъ годовъ были *революціонерами*, отъ души ненавидѣвшими всякую реакцію. Поэтому они, навѣрное, почувствовали бы себя жестоко оскорбленными, если бы кто-нибудь сказалъ имъ, что современемъ народничество выродится въ доктрину, проповѣдующую экономическое освобожденіе русской трудящейся массы посредствомъ мирныхъ реформъ сверху.

Но народники семидесятыхъ годовъ были въ значительной степени пропитаны духомъ *анархизма*. И сказалъ, что они и слышать не хотѣли о *царскомъ*

правительствѣ. Мнѣ слѣдовало прибавить: какъ и о *правительствѣ вообще*. Они смотрѣли на государство глазами анархистовъ, и если этотъ анархическій взглядъ на государство предохранялъ ихъ отъ всякихъ ложныхъ шаговъ по отношенію къ царизму, то *онъ же мѣшалъ имъ понять характеръ и значеніе ихъ собственной революціонной борьбы.*

Съ точки зрѣнія анархиста, стремящагося къ непосредственному разрушенію государства, борьба за политическую свободу, т. е. за *извѣстный видъ государственнаго устройства*, представляется жалкой непослѣдовательностью, постыднымъ компромиссомъ [1]).

Уже одного этого было бы достаточно, чтобы вызвать у нашихъ тогдашнихъ народниковъ сильное предубѣжденіе противъ „*политики*.„ Но къ этому у нихъ присоединялось другое соображеніе, подсказанное имъ ихъ *экономическими воззрѣніями*. Они боялись, что конституціонный строй, окончательно развязавъ руки буржуазіи, тѣмъ самымъ дастъ могучій толчокъ *развитію* у насъ *капитализма*, а слѣдовательно и разрушенію тѣхъ *старинныхъ* „*устоевъ*“ нашей экономической жизни, которые представлялись имъ зародышами будущаго соціалистическаго строя. Это, такъ сказать, *самобытное* соображеніе еще болѣе предубѣждало ихъ противъ „политики“ Всякая мысль о борьбѣ съ царизмомъ за политическую свободу встрѣчала съ ихъ стороны такое же страстное осужденіе, съ какимъ они относились ко всѣмъ видамъ и родамъ экономической эксплуатаціи трудящихся.

Но осуждать всякую мысль о борьбѣ съ царизмомъ за политическую свободу значитъ косвенно его поддерживать. Отрицая „политику“, наши народники повторяли ошибку „истинныхъ“ нѣмецкихъ соціалистовъ сороковыхъ годовъ, такъ мѣтко и жестоко осмѣянныхъ въ „*Манифестѣ Коммунистической Партіи*“.

---

[1]) Это твердитъ теперь гр. Л. Толстой, представляющій собою анархиста на *религіозной* подкладкѣ.

По словамъ Манифеста, эти соціалисты не упускали случая „противопоставить политическому движенію соціалистическія требованія и расточать традиціонныя проклятія либерализму, представительному правленію, буржуазной конкуренціи, буржуазной свободѣ и равенству и проповѣдывать народной массѣ, что въ этомъ буржуазномъ движеніи она ничего не можетъ выиграть, но скорѣе рискуетъ все потерять". Это какъ разъ та самая проповѣдь, которую вели наши народники, и какъ разъ тѣ самыя проклятія, которыя расточались ими. И поскольку они вели *такую* проповѣдь и расточали *такія* проклятія, они невольно и незамѣтно для себя превращались изъ рѣшительныхъ реакціонеровъ, въ косвенныхъ сторонниковъ *застоя*. Это была большая ошибка. Къ счастью для самихъ себя и для всего нашего революціоннаго движенія, народники *дѣлали* въ этомъ случаѣ *не то, что думали и говорили*.

Они называли себя *бунтарями*. Это значитъ, что они старались поднимать народъ противъ правительства вездѣ, гдѣ это было возможно. Собственно „*бунтовъ*" — по крайней мѣрѣ большихъ „*бунтóвъ*", о которыхъ мечтали народники,—изъ этихъ стараній никакихъ не вышло, но это не помѣшало „бунтарямъ" сослужить нашему движенію хорошую службу. Ихъ „бунтарскія" стремленія сдѣлали изъ нихъ усердныхъ, неутомимыхъ и очень искусныхъ *агитаторовъ*. Они агитировали въ деревнѣ и въ городѣ, между крестьянами и рабочими, между либералами и раскольниками, между казаками разныхъ „земель" и студентами разныхъ „вѣдомствъ". Они энергично, „не щадя своего живота", поддерживали всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направлявшееся противъ существующаго порядка, и въ этой неутомимой агитаціонной дѣятельности, въ этой всегдашней готовности немедленно откликнуться на всякое проявленіе общественнаго недовольства заключается все значеніе революціоннаго народничества. Правильный *революціонный инстинктъ спасалъ*

народниковъ семидесятыхъ годовъ отъ реакціонныхъ выводовъ, вытекавшихъ изъ ихъ ошибочныхъ теоретическихъ посылокъ.

Но какъ ни велико значеніе революціоннаго *инстинкта*, онъ не можетъ замѣнить собою революціонную *теорію*. Теоретическія ошибки народниковъ не остались безъ вреднаго вліянія на ихъ агитаціонную практику.

Какъ уже сказано мною выше, въ ихъ программѣ не было мѣста для борьбы за политическую свободу. Имъ оставалось, поэтому, направить всѣ свои силы въ сторону *агитаціи на экономической почвѣ*. И дѣйствительно, агитація этого рода составляетъ самую выдающуюся черту ихъ революціонной дѣятельности. Но въ ней была своя неумолимая логика. Агитація на экономической почвѣ во имя ближайшихъ требованій крестьянъ и рабочихъ велась *не въ государствѣ вообще, а въ русскомъ полицейскомъ государствѣ*. Агитаторамъ, равно какъ и волнующейся массѣ, приходилось сталкиваться не съ правительствомъ вообще, а съ правительствомъ русскаго самодержца. Столкновенія съ этимъ правительствомъ вызывали въ умахъ массы извѣстные *политическіе вопросы*, на которые *не могли не отвѣчать* агитаторы. Такимъ образомъ *экономическая* агитація естественнымъ и неотвратимымъ ходомъ вещей превращалась въ *политическую*. Но такъ какъ она превращалась въ нее *вопреки народнической теоріи*, то превращеніе оставалось незаконченнымъ, и народники сами старались задержать начинавшееся въ рабочей средѣ политическое движеніе. Если читатель дастъ себѣ трудъ ознакомиться съ моей брошюрой: „*Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи*“, то онъ увидитъ изъ нея, какъ искусно вели народники (напримѣръ, во время стачекъ на Новой Бумагопрядильнѣ) дѣло первоначальнаго политическаго воспитанія массы. Но эта же брошюра напомнитъ ему о томъ, что когда „*Свѣрно—Русскій Рабочій Союзъ*“ выставилъ въ своей программѣ конституціонныя требованія, то тѣ же народники осу-

дили ихъ, какъ несовмѣстимыя съ соціализмомъ.

А когда народникамъ приходилось агитировать въ такъ называемомъ *обществѣ*, тогда противорѣчіе между ихъ *мнѣніями* и ихъ *дѣйствіями* обнаруживалось съ еще большею ясностью. „Ближайшими требованіями", дававшими поводы для агитаціи, являлись здѣсь требованія, имѣвшія самый несомнѣнный политическій характеръ. Удовлетвореніе этихъ требованій (напримѣръ, требованіе неприкосновенности личности и подсудности присяжнымъ дѣлъ по „политическимъ преступленіямъ") предполагало установленіе того конституціоннаго порядка, который пугалъ народниковъ своими „буржуазными" послѣдствіями. Много умственныхъ силъ потратили народники на борьбу съ этимъ противорѣчіемъ, но такъ какъ побороть, т. е. разрѣшить его можно было, лишь отказавшись отъ народничества, то ихъ усилія приводили къ мало убѣдительнымъ софизмамъ или къ такимъ странимъ заявленіямъ, которыя способны были только уменьшить престижъ революціонеровъ въ глазахъ либеральнаго общества. Чтобы подтвердить мою мысль примѣромъ, достаточно напомнить о брошюрѣ „*Смерть за смерть*", которая издана была обществомъ „*Земля и Воля*" тотчасъ послѣ удачнаго покушенія на жизнь шефа жандармовъ Мезенцева и въ которой говорилось, что революціонеры вовсе не считаютъ нужнымъ нападать на правительство и очень охотно оставили бы его въ покоѣ, если бы только оно съ своей стороны не вмѣшивалось въ ихъ смертельную борьбу съ буржуазіей. Такое заявленіе могло бы быть признано умѣстнымъ только въ томъ случаѣ, если бы „землевольцы" задались цѣлью совершенно испортить чрезвычайно сильное впечатлѣніе, произведенное на общество отчаянно-смѣлымъ поступкомъ С. М. Кравчинскаго[1]).

---

[1]) Интересно, что авторомъ упомянутой брошюры былъ самъ же С. М. Кравчинскій.

II.

Такъ называемая террористическая борьба означала въ дѣйствительности полный разрывъ со старой народнической программой. Но, какъ это бываетъ силою и ядомъ, *мысль* отстала отъ *жизни*, и тѣ самые люди, дѣйствія которыхъ нанесли смертельный ударъ старому образу мыслей, продолжали держаться за него обѣими руками. „*Народовольцы*“ называли себя *народниками* и подобно своимъ предшественникамъ — „землевольцамъ“ были убѣждены въ томъ, что конституціонный порядокъ, расшатавъ старые „устои“, нанесетъ существенный ущербъ интересамъ народной массы. Чтобы устранить вызываемыя этимъ сомнѣнія и опасенія, публицисты „Народной Воли“ сначала старались убѣдить себя и другихъ, что депутаты, которыхъ нашъ народъ пошлетъ въ Учредительное Собраніе, окажутся, въ огромномъ большинствѣ своемъ, соціалистами; впослѣдствіи тѣ же публицисты остановились на *теоріи захвата власти*.

Съ помощью захвата власти они надѣялись однимъ зарядомъ убить двухъ зайцевъ: свергнуть царское правительство и устранить буржуазію отъ вліянія на общественно — экономическую жизнь Россіи. Имъ казалось, что разъ политическая власть попадетъ въ руки революціонеровъ, то соціалистическая организація общества не представитъ большихъ трудностей въ виду существованія у насъ общиннаго землевладѣнія и неразвитаго состоянія нашего капитализма. Излишне критиковать здѣсь эту теорію. Ея критика сдѣлана мною уже въ первыхъ изданіяхъ группы „Освобожденіе Труда“, т. е. въ такое время, когда жизнь еще не произнесла надъ нею своего приговора „въ окончательной формѣ“, и когда еще очень немногимъ приходило на мысль сомнѣваться въ ея основательности.

Изо всего сказаннаго вытекаетъ слѣдующій отвѣтъ на поставленный выше вопросъ о томъ, какъ и кѣмъ заполненно „мѣсто“, относящееся къ политическимъ задачамъ нашихъ соціалистовъ: *со-*

піалисты второй половины семидесятыхъ и первой половины восьмидесятыхъ годовъ неправильно понимали эти задачи отчасти потому, что они усвоили отъ анархистовъ противоположеніе соціализма политикѣ, а отчасти потому, что они держались ошибочнаго взгляда на такъ называемые „устои" нашей старой экономической жизни.

Когда въ 1883 году возникла группа „*Освобожденіе труда*", она поставила своей ближайшей цѣлью именно критику этихъ двухъ вредныхъ предразсудковъ. Она стала доказывать, во-первыхъ, что развитіе капитализма въ Россіи не отдалитъ торжества нашего соціалистическаго идеала, а напротивъ, впервые создастъ для него экономическую основу, и, во—вторыхъ, что противопоставленіе соціализма политикѣ лишено смысла, такъ какъ *всякая классовая борьба есть борьба политическая*. Въ то время эти, чрезвычайно простыя, мысли встрѣчены были въ нашей соціалистической средѣ какъ опасная ересь. Группѣ „*Освобожденіе труда*" пришлось выслушать не мало упрековъ за ея будто бы вредныя новшества. Теперь въ нашей революціонной средѣ господствуетъ *соціаль-демократическое* направленіе, а между соціальдемократами днемъ съ огнемъ не найдешь такого чудака, который бы боялся капитализма или находилъ бы, что политическая борьба не согласима съ соціализмомъ. Теперь огромное большинство русскихъ революціонеровъ окончательно разорвало съ *теоретическими* предразсудками народничества. Поэтому можно было бы думать, что и въ нашей *практикѣ* стали невозможны прежнія народническія ошибки. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ вышло иначе. Такъ называемое *экономическое* направленіе воспроизводитъ ихъ иногда съ поразительной точностью. Какимъ же путемъ пришли къ этимъ народническимъ ошибкамъ люди, придерживающіеся соціальдемократическаго образа мыслей?

Какъ извѣстно, экономическое направленіе съ наибольшей яркостью выразилось у насъ въ „Рабочей Мысли", не разъ высказывавшей совершенно

„несуразныя“ сужденія по политическимъ вопросамъ. Но я не стану говорить о „Рабочей Мысли“ именно потому, что сужденіе ея публицистовъ часто бываютъ совершенно „несуразны“. Мнѣ хочется заглянуть „въ корень вещей“ и рѣшить, не были ли эти публицисты введены во искушеніе нѣкоторыми взглядами, еще недавно очень распространенными у насъ и высказанными впервые серьезными и основательными людьми. Съ этой цѣлью я остановлюсь на извѣстной брошюрѣ „*Объ агитаціи*“.

III.

Въ этой брошюрѣ говорится, что „какъ бы широко ни было рабочее движеніе, успѣхъ его не обезпеченъ до тѣхъ поръ, пока рабочій классъ не станетъ твердо на почву политической борьбы“ и что „достиженіе политической власти является главной задачей борющагося пролетаріата“.[1]) Это именно та элементарная неоспоримая политическая истина, признаніе которой составляетъ огромный шагъ впередъ въ развитіи нашего политическаго міросозерцанія. Далѣе авторъ брошюры утверждаетъ, что „какъ соціалъ-демократы, мы ставимъ своей задачей привести пролетаріатъ къ сознанію необходимости политической свободы, какъ предварительнаго условія для возможности его широкаго развитія“.[2]) Это опять вполнѣ справедливо. Задача поставлена авторомъ правильно: весь вопросъ въ томъ, какъ приходитъ онъ къ ея рѣшенію.

Послушаемъ опять его самого.

„Какъ ни проста и очевидна идея политической свободы, проникнуться ею, притомъ еще въ странѣ политически отсталой, рабочій классъ не можетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ задыхаться въ данной политической атмосферѣ, пока удовлетвореніе ставшихъ для него необходимыми потребностей не будетъ (не сдѣлается?) невозможнымъ въ предѣлахъ существующихъ политическихъ условій. Какъ для сознанія противополож-

[1]) Объ агитаціи, Женева 1896, стр. 7.
[2]) **Тамъ же, та же страница.**

ности интересовъ недостаточно только возникновенія этой противоположности, а необходима постоянная борьба, такъ и для созданія политическаго безправія недостаточно самаго факта этого безправія, до тѣхъ поръ, пока оно не столкнется съ стремленіями рабочей массы къ улучшенію своего положенія".[1])

Авторъ и тутъ правъ. Дѣйствительно, никогда, нигдѣ и ни одинъ классъ не начиналъ политической борьбы до тѣхъ поръ, пока его стремленія (экономическія и другія) не наталкивались на серьезное препятствіе, на существующій политическій порядокъ. Но эта вѣрная мысль сопровождается у нашего автора слѣдующимъ положеніемъ: „Народная масса вовлекается въ борьбу не разсужденіями, но объективной логикой вещей, самимъ ходомъ событій, наталкивающихъ ее на борьбу". Это положеніе можно признать справедливымъ только съ очень большими оговорками, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ брошюрѣ „*Объ агитаціи*".

Для того, чтобы повліять на поступки людей, а слѣдовательно и на ихъ борьбу, „*объективная логика вещей" должна отразиться въ ихъ сознаніи*, т. е. *повліять и на ихъ разсужденія*. Когда рабочіе данной фабрики объявляютъ предпринимателю, что они несогласны работать на данныхъ условіяхъ, это значитъ, что ихъ „объективное" положеніе вызвало въ нихъ рядъ „*разсужденій*", въ результатѣ которыхъ явилось *рѣшеніе начать забастовку*. Противопоставленіе „*объективной логики вещей*" человѣческимъ *разсужденіямъ*" можетъ быть допущено лишь въ извѣстномъ, точно опредѣленномъ смыслѣ. Въ дѣйствительности объективная логика вещей (точнѣе — общественныхъ отношеній) не только не отрицаетъ разсужденій, а напротивъ, вызываетъ и опредѣляетъ ихъ, т. е. наполняетъ извѣстнымъ содержаніемъ и направляетъ ихъ въ извѣстную сторону. Въ этомъ не могутъ сомнѣ-

[1]) Тамъ же, стр. 7—8.

ваться по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, которые держатся матеріалистическаго пониманія исторіи. Пониманіе это указало и объяснило причинную *связь, существующую между развитіемъ общественныхъ отношеній, съ одной стороны, и ходомъ человѣческихъ разсужденій съ другой.* Но оно призвало и объяснило также и тотъ, давно уже подмѣченный, фактъ, что разсужденія людей, — особенно массы, — очень часто, чтобы не сказать всегда, отстаютъ отъ хода развитія общественныхъ отношеній. Признавъ и объяснивъ этотъ фактъ, матеріалистическое пониманіе исторіи тѣмъ самымъ разрѣшило и знаменитый, вызвавшій у насъ такъ много устныхъ и печатныхъ споровъ, вопросъ о *„роли личности въ исторіи"* Тамъ, гдѣ общественныя отношенія не стоятъ на одномъ мѣстѣ, задача *передовыхъ личностей*, — а слѣдовательно и передовыхъ *партій*, — заключается прежде всего въ содѣйствіи тому чрезвычайно важному по своимъ практическимъ послѣдствіямъ процессу, благодаря которому *сознаніе* массы приходитъ въ соотвѣтствіе съ ея *положеніемъ*, и субъективная логика ея *„разсужденій"* перестаетъ противорѣчить объективной логикѣ *„вещей"*. Революціонеры обязаны содѣйствовать росту революціоннаго сознанія въ массѣ, обязаны стать акушерами ея революціонной мысли. Но само собою разумѣется, что этого никакъ невозможно сдѣлать, не повліявъ на ея *„разсужденія"*.

По всему видно, что авторъ брошюры *„Объ агитаціи"* стоитъ на точкѣ зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи. Поэтому онъ и самъ знаетъ, конечно, какъ послѣдовательно хлопчее противопоставленіе *„разсужденій"* *„объективной логикѣ вещей"*. Ему извѣстно, что этому противопоставленію мы обязаны всей *исторической субъективизмомъ*. Но онъ, повидимому, не замѣтилъ, къ какимъ ошибочнымъ выводамъ можетъ подать поводъ его собственное замѣчаніе о томъ, что не разсужденіями вовлекается въ борьбу трудящаяся масса. Отъ этого замѣчанія, взятаго въ его буквальномъ смыслѣ, до практической программы

„Рабочей Мысли“ совѣмъ не такъ далеко, какъ это, навѣрно, думаетъ нашъ авторъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если разсужденія не играютъ никакой роли при вовлеченіи массъ въ борьбу, то они совсѣмъ не нужны. Мы должны говорить рабочимъ только о томъ, что понятно и доступно имъ и безъ нашихъ разсужденій. Но безъ нашихъ разсужденій понятны и доступны массѣ именно ея ближайшіе экономическіе интересы: нѣтъ такого рабочаго, который не понималъ бы, что высокая заработная плата лучше низкой. Стало быть, намъ слѣдуетъ сосредоточить свои усилія именно на *экономической агитаціи*. Нашимъ девизомъ должна стать прибавка нѣсколькихъ копеекъ на рубль; все прочее или приложится само собою, или не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія, какъ пустая „идеологія“. Если же интеллигенціи не понравится такая программа, то для насъ это не важно. Интеллигенція насъ не интересуетъ: ея мнѣнія намъ не импонируютъ. Она заражена идеализмомъ и испорчена разсужденіями, не имѣющими въ глазахъ рабочихъ ни малѣйшаго смысла.

Что такія разсужденія не разъ проскальзывали даже въ нашу соціаль-демократическую печать, это, разумѣется, прекрасно знаетъ авторъ брошюры „Объ агитаціи“. Онъ скажетъ, можетъ быть, что онъ никогда не сочувствовалъ имъ. Я охотно повѣрю этому. Но я утверждаю, что въ его брошюрѣ есть мѣста — напримѣръ, только что разсмотрѣнное мною мѣсто о „разсужденіяхъ“, которыя даютъ поводъ и теоретическое основаніе для такихъ разсужденій. Мнѣ самому очень жаль, что у него есть такія мѣста. Но что они существуютъ, это неоспоримо..

„Роль партіи, взявшей на себя политическое воспитаніе и организацію народа, — читаемъ мы далѣе — въ „этомъ отношеніи ограничивается тѣмъ, чтобы вѣрно опредѣлить моментъ, когда борьба назрѣла настолько, чтобы перейти въ борьбу политическую и подготовить въ самой массѣ элементы,

необходимые для того, чтобы этотъ переходъ совершился съ наименьшей тратой силъ.[1])

Если роль нашей партіи ограничивается тѣмъ, чтобы опредѣлить тотъ моментъ, когда экономическая борьба рабочихъ должна перейти въ политическую, то ясно, что этому моменту будетъ предшествовать періодъ чисто экономической агитаціи, до окончанія котораго всякая мысль о политической борьбѣ *останется преждевременной, а потому и вредной.* Но всякій общественный дѣятель обязанъ всѣми честными средствами *препятствовать распространенію вредныхъ для его дѣла мыслей.* Слѣдовательно, въ продолженіи перваго періода нашего рабочаго движенія *мы обязаны всѣми честными средствами препятствовать распространенію мысли о политической борьбѣ.* Мы можемъ, конечно, обнаружить при этомъ большій или меньшій талантъ, большій или меньшій тактъ, большее или меньшее остроуміе. Но если кто-нибудь изъ насъ, — напримѣръ, какой-нибудь публицистъ „*Рабочей Мысли*“ — и выкажетъ въ этой борьбѣ нѣкоторый недостатокъ таланта, такта или остроумія, то ему надо великодушно простить его погрѣшность, помня, что онъ нападаетъ на *мысль, дѣйствительно заслуживающую осужденія*, и что, по французской пословицѣ, самый красивый офицеръ не можетъ быть красивѣе самого себя.

Обратимъ вниманіе еще вотъ на какое мѣсто: „Такимъ образомъ, задачей соціаль-демократовъ является постоянная агитація среди фабричныхъ рабочихъ на почвѣ существующихъ мелкихъ нуждъ и требованій. Вызванная такой агитаціей борьба пріучитъ рабочихъ отстаивать свои интересы, подниметъ ихъ мужество, дастъ имъ увѣренность въ своихъ силахъ, сознаніе необходимости единенія и въ концѣ концовъ поставитъ передъ ними болѣе важные вопросы, требующіе разрѣшенія. Подготовленный такимъ образомъ къ болѣе серьезной борьбѣ, рабочій классъ приступаетъ къ

[1]) Тамъ же, стр. 9.

рѣшенію своихъ насущныхъ вопросовъ, и агитація на почвѣ этихъ вопросовъ должна имѣть цѣлью выработку классоваго самосознанія. Классовая борьба въ этомъ, болѣе сознательномъ видѣ создастъ почву для политической агитаціи, цѣлью которой будетъ измѣненіе существующихъ политическихъ условій въ пользу рабочаго класса"[1]).

Отсюда опять видно, что, по мнѣнію нашего автора, мысль о политической борьбѣ была бы преждевременна въ первыхъ „фазисахъ" воспитанія рабочаго класса. Поэтому я опять скажу: то, что преждевременно — вредно, а то, что вредно, должно быть устраняемо и побиваемо. Зачѣмъ же мы станемъ нападать на „*Рабочую Мысль*", прославившуюся своимъ усердіемъ въ дѣлѣ такого устраненія и побиванія? Положимъ, она *немножко деретъ*", но за то ужъ, „*въ ротъ хмѣльного не беретъ*" и не проповѣдуетъ ничего *преждевременнаго*. Она стоитъ за систематическое проведеніе пролетаріата черезъ всѣ „фазисы" и не находитъ, что еще рано „разсуждать" съ нимъ о политикѣ. И если мы примемъ въ соображеніе, какъ много въ Петербургѣ рабочихъ, еще не окончившихъ перваго класса.... — я хочу сказать, не вышедшихъ изъ перваго „фазиса", — то выйдетъ, пожалуй, что „*Рабочая мысль*" совсѣмъ права, и что совсѣмъ неправы ея порицатели. Что скажетъ на это авторъ брошюры? Но, моему такое „*разсужденіе*" грѣшитъ противъ „*объективной логики*" нашей общественной жизни, но не противъ „*субъективной логики*" его брошюры.

Логика этой брошюры ясна и недвусмыслена: *Чисто экономическая агитація не только возможна, но прямо обязательна въ теченіе цѣлыхъ двухъ „фазисовъ" нашего рабочаго движенія. И пока не кончились эти „фазисы", существованіе у насъ чисто экономическаго направленія не только возможно, но вполнѣ законно и очень желательно.*

[1]) Объ агитаціи, стр. 16.

Окончены ли у насъ эти „фазисы“? На этотъ счетъ могутъ спорить между собою даже тѣ, которые раздѣляютъ основныя положенія брошюры „*Объ агитаціи*“. Одни изъ нихъ скажутъ, можетъ быть, что пора уже чистымъ экономистамъ уходить со сцены, такъ какъ уже пришелъ „моментъ“ политической агитаціи, а другіе возразятъ, что если имѣть въ виду весь нашъ рабочій классъ въ его цѣломъ, то надо признать, что намъ рано еще толковать не только о политической борьбѣ, но и о постановкѣ передъ рабочими тѣхъ „болѣе важныхъ вопросовъ“, которые, — по словамъ брошюры „*Объ агитаціи*“ — потребуютъ ихъ рѣшенія во второмъ фазисѣ воспитанія. Мнѣ кажется, что *субъективная* логика брошюры будетъ въ этомъ случаѣ не на сторонѣ защитниковъ политической агитаціи.

IV.

Говоря все это, я вовсе не желаю хулить брошюру „*Объ агитаціи*“. Я знаю, что она принесла большую пользу нашему движенію, нанеся сильный ударъ той „кружковщинѣ“, которая процвѣтала у насъ прежде и которая могла создавать очень *образованныхъ* людей изъ *отдѣльныхъ рабочихъ*, но рѣшительно неспособна была повліять на *массу*. Брошюра „Объ агитаціи“ дала намъ *многихъ агитаторовъ*. Но авторъ ея боролся съ кружковщиной такими доводами, которые скоро подали поводъ къ печальнымъ недоразумѣніямъ и къ опибочнымъ „расхожденіямъ“. Въ этомъ — слабая сторона брошюры, та самая сторона, благодаря которой она въ теченіи нѣкотораго времени была евангеліемъ „*чистыхъ экономистовъ*“ и оказывала вредное вліяніе на дальнѣйшее развитіе нашего движенія.

Эта слабая сторона характеризуется смѣшеніемъ *понятія „классъ“* съ *понятіемъ „партія“*. А это смѣшеніе и служитъ теперь источникомъ тѣхъ заблужденій, которыя препятствуютъ извѣстной части русскихъ соціалъ-демократовъ не только

вѣрно рѣшить, но даже правильно формулировать нашу политическую задачу. Именно оно приводить нѣкоторыхъ изъ насъ къ повторенію старыхъ народническихъ ошибокъ.

Чтобы обнаружить указанное смѣшеніе, достаточно вдуматься въ ту мысль нашего автора, что рабочая масса (т. е. рабочій классъ?) отзывается только на вопросы, ставимые передъ нею самой жизнью. Мысль эта сама по себѣ, конечно, неоспорима. Но возьмите хоть переживаемый нами „*моментъ*“ и скажите — какіе же вопросы ставитъ жизнь передъ нашимъ рабочимъ классомъ? Я думаю, что передъ различными слоями этого класса она ставитъ различные вопросы. Промышленный рабочій значительно развитѣе сельскохозяйственнаго, и потому наши общественныя отношенія представляются шуйскому прядильщику не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ видитъ ихъ тамбовскій батракъ. Это не требуетъ доказательствъ. Не требуетъ ихъ и то, что и въ средѣ промышленныхъ рабочихъ существуютъ *слои*, довольно значительно отличающіеся одинъ отъ другого своимъ умственнымъ развитіемъ, а слѣдовательно и неодинаково отвѣчающіе на вопросы жизни. Извѣстно, наконецъ, что даже рабочіе одной и той же отрасли промышленности неодинаковы по своему умственному развитію въ различныхъ районахъ. Выходитъ, что, напримѣръ, передъ слесарями южнаго промышленнаго района жизнь ставитъ иные вопросы, чѣмъ передъ петербургскими. Въ какомъ же „фазисѣ“ движенія находится *вся* русская рабочая *масса*? По моему, она находится въ *нѣсколькихъ „фазисахъ“ сразу*. А если это такъ, то не легко опредѣлить наступленіе того, некоторому нашимъ авторомъ, „момента“, когда *экономическая* борьба должна будетъ перейти въ *политическую*. Повидимому, онъ для разныхъ слоевъ рабочаго класса наступитъ въ разные „моменты“. Какъ же намъ быть? По словамъ автора, агитаторъ всегда долженъ идти на одинъ шагъ впереди массы. Пусть будетъ такъ. Но впереди ка-

кого же именно слоя пойдемъ мы, *какъ партія?* Какой именно слой опередимъ мы на одинъ шагъ? Если — самыхъ передовыхъ, то моментъ перехода къ политической борьбѣ, вѣроятно, уже наступилъ. Если — самыхъ отсталыхъ, то онъ, вѣроятно, никогда не наступитъ, потому что даже въ самыхъ передовыхъ странахъ до сихъ поръ существуютъ и будутъ существовать вплоть до окончательной побѣды соціализма такіе рабочіе, которые слѣпы и глухи по отношенію къ вопросамъ жизни [1]). Если же мы будемъ имѣть въ виду рабочихъ средняго уровня развитія, то, — не говоря уже о трудности опредѣленія этого уровня, — спрашивается, какъ же поступимъ мы съ наиболѣе развитыми рабочими? Неужели оставить на второй годъ въ томъ же классѣ, осудивъ ихъ на повтореніе того, что уже пройдено ими въ среднемъ „развитіи“? Авторъ скажетъ, вѣроятно, что партія должна идти впереди каждаго изъ этихъ слоевъ, примѣняясь въ своей агитаціи къ достигнутой имъ степени умственнаго развитія. Я спорить и пререкаться не стану; я только спрошу: какъ же намъ быть съ „моментомъ“ перехода экономической борьбы въ политическую? Съ одной стороны, *онъ уже наступилъ*, потому что *у насъ уже есть слои, созрѣвшіе для политической борьбы.* А съ другой стороны, *онъ еще не пришелъ*, такъ какъ у насъ *есть слои для нея не готовые.* Въ виду этого невольно возникаетъ сомнѣніе въ томъ, что онъ можетъ быть найденъ.

Всѣ эти затрудненія исчезаютъ, какъ только мы вспоминаемъ, что иное дѣло *весь рабочій классъ*, а иное дѣло *соціалъ-демократическая партія*, представляющая собою лишь передовой, — и въ началѣ очень малочисленный, — отрядъ рабочаго класса. Если рабочій классъ данной страны, взятый въ его цѣломъ (то есть точнѣе, въ *большинствѣ*

---

[1]) „So wird заключаетъ Каутскій — die moderne Gesellschaft reif werden für den Sozialismus, . bevor das ganze Proletariat politisch reif und ökonomisch organisirt ist“. Die Agrarfrage, S. 322.

своихъ членовъ), еще не созрѣлъ для перехода къ политической борьбѣ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что „моментъ“ такой борьбы еще не насталъ *для партіи*, задавшейся цѣлью политическаго воспитанія этого класса. Для партіи моментъ *политической борьбы* наступаетъ каждый разъ, когда она встрѣчаетъ поводъ для *политической агитаціи*. А у насъ въ Россіи поводы для такой агитаціи встрѣчаются никакъ не рѣже, чѣмъ поводы для *агитаціи на экономической почвѣ*.

V.

Экономическая агитація — политическая агитація! Какъ легко произнести эти всѣмъ извѣстные термины, какъ легко изъ за нихъ перессориться, и какъ трудно въ то же время русскому агитатору разграничить связанныя съ ними понятія! Какъ трудно отдѣлить въ нашей русской агитаціонной практикѣ экономію отъ политики! Мы уже видѣли, что народники семидесятыхъ годовъ, осуждавшіе борьбу за политическую свободу, какъ грѣшную сдѣлку съ дьяволомъ оппортунизма, вынуждены были вести ее всюду, гдѣ агитація на почвѣ ближайшихъ экономическихъ требованій народа приводила ихъ и волнуемую ими массу къ столкновеніямъ съ правительствомъ. Но именно потому, что они вели ее *вопреки собственному теоретическому убѣжденію*, они не доводили ея до конца и возставая противъ политической части программы „Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза“, они старались разрушать то теченіе, возникновенію котораго они сами содѣйствовали. Наши соціальдемократическіе „экономисты“ окажутся — и, вѣроятно, уже оказывались много разъ — въ такомъ же двойственномъ положеніи. Полицейское правительство заставитъ ихъ — и, вѣроятно, уже заставило не однажды — заговаривать о *политикѣ* тамъ, гдѣ они собирались ограничиться „пока“ одною *экономіей*; но, заговоривъ о политикѣ наперекоръ собственной программѣ, т. е. задолго до того „*момента*“, когда *весь рабочій*

классъ созрѣетъ для политической *борьбы*, они по необходимости будутъ противорѣчить самимъ себѣ, не скажутъ и десятой доли того, что могло бы быть сказано ими, и вообще невольно будутъ ослаблять дѣйствіе своихъ собственныхъ усилій. Не лучше ли разъ навсегда отказаться отъ вреднаго предразсудка? Не пора ли ясно сознать, что тамъ, гдѣ рабочіе лишены всѣхъ способовъ законной защиты своихъ интересовъ, почти всякое столкновеніе ихъ съ предпринимателями является въ то же самое время столкновеніемъ съ полицейскимъ государствомъ и потому дѣлаетъ политическую агитацію не только возможной, но совершенно неизбѣжной для всякаго серьезнаго агитатора.

Для насъ, соціальдемократовъ, въ высшей степени важно выяснить рабочимъ, что въ полицейскомъ государствѣ они всегда будутъ осуждены на болѣе или менѣе полное безправіе. Когда они поймутъ это, полицейское государство затрещитъ по всѣмъ швамъ. Авторъ брошюры „*Объ агитаціи*“, разумѣется, прекрасно знаетъ это. Но онъ почему-то думаетъ, что такое выясненіе можетъ начаться лишь во второмъ „фазисѣ“ рабочаго движенія, лишь тогда, когда рабочіе выдвинутъ „то или иное требованіе значительнаго измѣненія въ существующихъ на данной фабрикѣ или въ данной отрасли промышленности порядкахъ“ [1]). Это слишкомъ схематично. На самомъ дѣлѣ указанное выясненіе можетъ и должно имѣть мѣсто даже и тогда, когда требованія рабочихъ сами по себѣ не принадлежатъ къ числу „значительныхъ“, и когда движеніе, вызвавшее ими, еще далеко не охватываетъ цѣлой отрасли промышленности. Такое выясненіе должно быть начинаемо всегда и вездѣ, когда и гдѣ полицейскій произволъ поддерживаетъ хозяйскую придирку. А гдѣ же и когда же онъ не поддерживаетъ ее? Всякій, кому приходилось дѣйствовать въ рабочей средѣ, легко воскреситъ въ своей

[1]) „Объ Агитаціи“. стр. 15.

памяти не мало такихъ случаевъ борьбы рабочихъ „съ отдѣльными предпринимателями" (первый „фазисъ", по схемѣ нашего автора), которые могли бы дать хорошій поводъ для наглядная выясненія рабочимъ нѣкоторыхъ сторонъ нашего полицейскаго порядка. Я сошлюсь на самого автора. Вотъ какими чертами изображаетъ онъ психологическій процессъ, совершающійся въ душѣ борющихся съ фабрикантомъ рабочихъ.

„Въ сознаніи всей правоты своего требованія рабочіе сначала держатся спокойно, увѣренные въ томъ, что всѣ должны быть на ихъ сторонѣ, всѣ должны имъ сочувствовать. Вѣдь все это такъ просто, требованіе ихъ такъ ясно, притѣсненіе такъ несправедливо! Они отправляютъ депутацію къ фабричному инспектору. Онъ навѣрное имъ поможетъ, вѣдь онъ защитникъ, онъ знаетъ всѣ законы, а законы навѣрное говорятъ въ ихъ пользу... Точно ушатомъ холодной воды обливаетъ ихъ инспекторъ.., Въ законахъ ничего объ этомъ нѣтъ: фабрикантъ стоитъ на вполнѣ законной почвѣ, ничего не могу сдѣлать... Дверь закрывается передъ носомъ... Какъ! чтобы законы за насъ не заступались! Быть этого не можетъ, чтобы насъ не защищалъ нашъ батюшка! Инспекторъ подкупленъ фабрикантомъ, онъ вретъ, нахально вретъ!.. Рабочіе пробуютъ другіе пути, — вездѣ отказъ, кое-гдѣ съ угрозой, которая скоро принимаетъ реальныя формы — въ помощь фабрикантамъ посылаются войска. Рабочіе получаютъ первый урокъ политической науки, гласящей, что право на сторонѣ сильнаго, что противъ организованной силы капитала должна выступить организованная же сила труда"[1]).

Здѣсь предполагаемое умозаключеніе не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому практическому опыту, на основаніи котораго оно строится. Если *правительство* становится на сторону *предпринимателей*, то изъ этого слѣдуетъ прежде всего тотъ выводъ,

[1]) Тамъ же, стр.15-16.

что борьба противъ капитала должна сопровождаться *борьбой съ правительствомъ*, а не тотъ, что организаціи капиталистовъ надо противопоставить организацію рабочихъ. Легко было бы показать, что эта логическая ошибка взята уже знакомымъ намъ схематизмомъ автора. Но мнѣ теперь нѣтъ нужды въ этомъ. Теперь я хочу только спросить читателя: неужели же въ первомъ „фазисѣ" движенія, т. е. когда рабочіе борются „съ отдѣльными предпринимателями", имъ не представляется случая получить изображенные авторомъ впечатлѣнія и убѣдиться не только въ томъ, что „право на сторонѣ сильнаго", но также и въ томъ, что сила экономически сильнаго заключается нерѣдко въ политическомъ безправіи экономически слабаго? Конечно, да. Можно даже сказать, что изображаемый авторомъ психологическій процессъ *совершается преимущественно въ первомъ „фазисѣ"*. Тамъ, гдѣ столкновенія учащаются и охватываютъ цѣлыя отрасли промышленности, рабочіе уже имѣютъ обыкновенно много предварительнаго опыта и врядъ ли отличаются тою наивностью, какую приписываетъ имъ нашъ авторъ,—едва ли они могутъ думать, что „всѣ (т. е., главнымъ образомъ, всѣ *власти*) будутъ на ихъ сторонѣ".

Но если „уроки политической науки" доступны рабочимъ уже въ первой порѣ ихъ движенія, то зачѣмъ мы будемъ откладывать политическую агитацію въ долгій ящикъ, зачѣмъ мы будемъ ждать момента ея наступленія? Онъ не *наступитъ*, потому что онъ *уже наступилъ*.

Выше я сказалъ, что рабочіе (и, конечно, не одни только рабочіе, а всѣ человѣческія существа безъ различія возраста, пола и общественнаго положенія) *никогда не вовлекаются въ борьбу иначе, какъ путемъ разсужденій*. Теперь пора прибавить, что характеръ этихъ разсужденій зависитъ отъ умственнаго развитія борющихся, и что степенью этого развитія должны опредѣляться *агитаціонные пріемы* тѣхъ людей, которые хотятъ повліять на ходъ борьбы въ томъ или другомъ смыслѣ. Въ

примѣненіи къ интересующему насъ вопросу это означаетъ, что *въ разныхъ слояхъ рабочаго класса политическая агитація непремѣнно должна принимать различный видъ*. Но необходимое разнообразіе ея *пріемовъ* не можетъ и не должно измѣнить ея *содержаніе, заключающееся въ выясненіи враждебности и непримиримой противоположности интересовъ рабочихъ съ интересами царизма*. Эта противоположность не можетъ быть выяснена сразу: ея пониманіе будетъ лишь понемногу, лишь малыми долями усваиваться рабочимъ классомъ. Но что же изъ этого? И какая же великая общественная истина *сразу* усваивается тѣми, которые заинтересованы въ ея усвоеніи? Невозможно усвоить рабочему сразу и ту мысль, что интересы наемнаго труда противоположны интересамъ капитала. Но развѣ кто-нибудь умозаключитъ отсюда когда либо, что мы не можемъ приступить къ выясненію этой мысли уже въ самомъ первомъ фазисѣ рабочаго движенія?

У рабочихъ возникаетъ недовѣріе къ *царскимъ чиновникамъ*, — мы углубляемъ и расширяемъ его, какъ можно больше, не упуская ни одного случая довести его до недовѣрія къ *самому царю*.

У рабочихъ родится *сомнѣніе* въ выгодности для нихъ нынѣшняго политическаго порядка, — мы поддерживаемъ „это сомнѣніе всѣми средствами, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи: мы старательно выставляемъ на видъ всѣ тѣ раны, которые способны дать ему новую пищу; мы растимъ его и заботливо охраняемъ до тѣхъ поръ, пока оно не уступитъ мѣста непримиримой *ненависти* къ царизму.

Рабочихъ начинаетъ тяготить *рабское ярмо*, — мы принимаемъ всѣ мѣры къ тому, чтобы они узнали „*свободы гордой вдохновенье*".

Мы лишь постепенно подвигаемся къ этой великой цѣли: но мы ни на минуту не упускаемъ ея изъ виду. Дѣло не въ томъ, можемъ или не можемъ мы высказать въ данномъ частномъ случаѣ нашу политическую мысль *во всей ея полнотѣ*,

а въ томъ, что въ каждомъ данномъ случаѣ мы передаемъ рабочей массѣ возможно большую часть того запаса политическихъ понятій, которымъ мы обладаемъ. Поскольку мы передаемъ ей эти понятія, мы *боремся съ царскимъ правительствомъ, и всякій новый успѣхъ нашъ въ этомъ дѣлѣ будетъ новымъ пораженіемъ абсолютизма.*

VI.

Я знаю, что многихъ удивятъ эти слова. Въ нашихъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ кругахъ до сихъ поръ очень распространено то представленіе о политической борьбѣ, согласно которому необходимыми ея атрибутами являются заговоры, кинжалы, взрывчатыя вещества, или, по меньшей мѣрѣ, баррикады и манифестаціи. Но это одно изъ тѣхъ ошибочныхъ представленій, которыя унаслѣдованы нами отъ анархизма и которыя очень сильно мѣшаютъ распространенію у насъ правильнаго взгляда на нашу политическую задачу. Заговоры, кинжалы, взрывчатыя вещества, баррикады и манифестаціи,—все это не болѣе, какъ *пріемы* политической борьбы, очень полезные и даже вполнѣ неизбѣжные, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, но вовсе не исключающіе возможности, пользы и даже полной неизбѣжности *другихъ пріемовъ при другихъ обстоятельствахъ. Сущность политической,* — какъ и всякой другой — *борьбы* заключается въ томъ, что *каждая изъ борющихся сторонъ старается разрушить или хотя бы только ослабить силы, поддерживающія существованіе другой стороны.* Тотъ или иной пріемъ хорошъ лишь постольку, поскольку онъ служитъ для достиженія этой цѣли. Спрашивается теперь, ослабляются ли силы правительства тѣмъ, что мы распространяемъ недовѣріе и ненависть къ нему въ средѣ рабочаго класса? На этотъ вопросъ, разумѣется, нельзя отвѣтить иначе, какъ утвердительно. И само правительство отвѣчаетъ на него такъ своими дѣйствіями. Оно всѣми силами старается поддержать и упрочить вѣковые политическіе

предразсудки нашего народа. Оно понимаетъ, что каждая удача его на этомъ мрачномъ поприщѣ означаетъ пораженіе *„революціонной гидры“*. Оно понимаетъ также, что и, наоборотъ,—всякій успѣхъ „революціонной гидры“ въ борьбѣ съ этими предразсудками приближаетъ время его паденія. И можно утверждать, нимало не рискуя ошибиться, что самый страшный теперь для него и самый дѣйствительный пріемъ борьбы съ нимъ состоитъ именно въ развитіи политическаго сознанія пролетаріата посредствомъ устной и печатной пропаганды и агитаціи.

„Критика посредствомъ оружія,—справедливо говоритъ Марксъ,—не можетъ быть замѣнена оружіемъ критики, матеріальная сила должна быть свергнута матеріальной силой, но теорія тоже дѣлается матеріальной силой, когда увлекаетъ за собой массу“. Намъ именно нужно теперь создавать и увеличивать матеріальную силу революціи, распространяя въ массѣ —посредствомъ пропаганды и агитаціи—„теорію“ противоположности интересовъ самодержавія съ ея собственными насущнѣйшими интересами [1]). Успѣшное распространеніе этой „теоріи“ обѣщаетъ намъ теперь самые блестящіе успѣхи: *именно оно дастъ намъ возможность добиться отъ правительства нѣкоторыхъ уступокъ.*

Это тоже можетъ показаться сомнительнымъ, но это тоже несомнѣнно. Доказательство на лицо. Наши польскіе товарищи твердо и рѣшительно выступили на путь *политической* агитаціи. Чисто *экономическая* программа давно уже внушаетъ имъ презрительное сожалѣніе. И что же? Русское правительство уже задумывается объ уступкахъ польскимъ рабочимъ. Въ запискѣ, поданной царю въ январѣ 1898 года варшавскій генералъ-губернаторъ,

---

[1]) Революціонеры классической эпохи нашего „терроризма“ прекрасно понимали значеніе „теоріи“. Большинство террористическихъ дѣйствій предпринято было для того, чтобы *произвести извѣстное впечатлѣніе „на общество“* т. е. другими словами для того, чтобы *измѣнить отношеніе общественныхъ силъ посредствомъ вліянія на умы извѣстной части обывателей.*

князь Имеретинскій, требуетъ пересмотра законодательства о рабочихъ, ссылаясь на то, что стѣсненія, налагаемыя на рабочій классъ отсталыми законами, *могутъ усилить вліяніе на нихъ „соціально-революціонной пропаганды“*. Разсудительный князь такъ и говоритъ: законодатель въ своихъ собственныхъ интересахъ долженъ дѣлать различіе между Польшей и „другими, *болѣе спокойными* районами внутри Россіи“[1]).

Это чрезвычайно интересный и поучительный примѣръ діалектики общественной борьбы. Энергичная *политическая* агитація, предпринятая нашими польскими товарищами, сдѣлала польскій край *менѣе спокойнымъ*, чѣмъ „другіе районы“, и правительство заявляетъ, что „удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ“ польскаго рабочаго класса „*пріобрѣтаетъ*“ значеніе государственной важности“[2]). Если экономическія столкновенія рабочихъ съ предпринимателями могутъ порождать политическое недовольство рабочихъ, то политическое недовольство можетъ, — какъ видимъ, съ своей стороны повести къ улучшенію позиціи рабочихъ въ ихъ *экономической* борьбѣ съ капиталистами. Экономія переходитъ въ политику, политика въ экономію.

Да нужно ли было намъ ходить въ Польшу за подтвержденіемъ этой истины? Ее, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ исторія закона 2 іюня 1897 года. Хотите знать, почему правительство нашло нужнымъ уступить требованіямъ рабочихъ на счетъ сокращенія рабочаго дня? Послушайте одного изъ членовъ коммиссіи для составленія проекта названнаго закона. Во время подпявшихся въ коммиссіи преній о томъ, долженъ ли тотъ же законъ регулировать заработокъ рабочихъ, вице-директоръ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, Щегловитовъ, высказалъ

---

[1]) „Тайны нашей государственной политики въ Польшѣ“, сборникъ секретныхъ документовъ. London, 1898, стр. 36. (Курсивъ съ цитатѣ мой).

[2]) Тотъ же сборникъ, стр. 33.

основныя побужденія правительства слѣдующимъ недвусмысленнымъ образомъ: „Если рабочіе убѣдятся, что правительство, издавъ законъ, достигло благопріятныхъ результатовъ для рабочихъ, то они будутъ смотрѣть на него, какъ на своего защитника и покровителя, а если такого впечатлѣнія новый законъ имѣть не будетъ (г. Шегловитовъ хочетъ сказать: если *рабочіе* не получатъ такого впечатлѣнія *отъ закона*), то рабочіе будутъ болѣе склонны къ правительственной пропагандѣ“ [1]). Кажется, ясно: кажется, *политическая* цѣль правительства не можетъ подлежать сомнѣнію? А если — да, то вѣдь изъ этого прямо слѣдуетъ, что, чѣмъ настойчивѣе и энергичнѣе станутъ наши политическія „*внушенія*“ рабочему классу, тѣмъ чаще будетъ уступать ему правительство въ интересахъ самосохраненія. Конечно, эти уступки не могутъ идти дальше извѣстнаго предѣла: въ противномъ случаѣ мы были бы неправы, утверждая, что интересы рабочихъ непримиримы съ интересами самодержавія. Но пока еще не наступилъ этотъ предѣлъ, оно непремѣнно будетъ уступать, въ надеждѣ пересилить этимъ наше вліяніе на рабочихъ.

Интересно, что сами предприниматели, — и при томъ даже и районовъ сравнительно очень „*спокойныхъ*“, — начинаютъ сознавать теперь, что русское законодательство о рабочихъ устарѣло и нуждается въ пересмотрѣ. Горный инженеръ В. В. Жуковскій, который былъ командированъ совѣщательной конторой желѣзнозаводчиковъ въ Австрію для изученія тамъ отношеній между предпринимателями и рабочими, издалъ по своемъ возвращеніи въ Россію брошюру, гдѣ высказываетъ, между прочимъ, ту мысль, что *лѣтъ черезъ 20 у насъ нужно будетъ легализировать рабочіе союзы*. Само собою разумѣется, что мы, соціальдемо-

---

[1]) См. „Тайные документы, относящіеся къ закону 2 іюня 1897 года“. Женева, 1899 года, стр. 21; смотри также стр. 19 и 28.

краты, относимся къ вопросу о правахъ рабочихъ не такъ *терпѣливо*, какъ г. Жуковскій. *Мы постараемся завоевать многія изъ нихъ гораздо раньше назначеннаго имъ срока.* Но я увѣренъ, что къ этому завоеванію насъ приведетъ *только путь политической агитаціи.*

Пусть, однако, не считаютъ меня исключительнымъ сторонникомъ политической борьбы посредствомъ живого и печатнаго слова. Я безусловно настаиваю *только на необходимости политической борьбы, а вопросъ объ ея пріемахъ всегда былъ и останется для меня вопросомъ цѣлесообразности.* Пріемы эти опредѣляются общимъ состояніемъ страны, соотношеніемъ существующихъ въ ней общественныхъ силъ и, — главное, — степенью политическаго развитія рабочихъ. Чѣмъ дальше уйдетъ это развитіе, тѣмъ разнообразнѣе будутъ становиться пріемы нашей политической борьбы съ правительствомъ. Теперь мы боремся преимущественно посредствомъ живого и печатнаго слова. Но именно потому, что эти пріемы борьбы въ высшей степени цѣлесообразны; именно потому, что они хорошо вліяютъ на политическое развитіе рабочихъ, у насъ становится возможнымъ употребленіе въ дѣло новаго могучаго пріема: *демонстраціи.* События, имѣвшія мѣсто въ Харьковѣ весною нынѣшняго года, можетъ быть, знаменуютъ собою начало новой эпохи въ исторіи нашей борьбы. Въ теченіе этой эпохи еще болѣе разовьется политическое сознаніе рабочаго класса, т. е. слѣдовательно, еще болѣе возрастутъ наши силы, и тогда... Но зачѣмъ забѣгать впередъ: *довлѣетъ дневи злоба его!*

Послѣ всего сказаннаго ясно, надѣюсь, отличительная черта той тактики, которую я отстаиваю. Авторъ брошюры „*Объ агитаціи*“ излагалъ дѣло такъ, какъ будто въ первыхъ двухъ „фазисахъ“ рабочаго движенія политическая агитація неумѣстна; по моему, она становится у насъ умѣстной всюду, гдѣ показываются признаки такого движенія. Авторъ брошюры „*Объ агитаціи*“ разсужда-

ть такъ, какъ будто политическая борьба можетъ быть только дѣломъ *пролетаріата, какъ цѣлаго класса*, достигшаго извѣстной высоты развитія: я же думаю, что политическая борьба должна быть немедленно начата *нашей партіей*, которая представляетъ собою *передовой отрядъ* пролетаріата, — его наиболѣе сознательный и революціонный *слой*,— и что политическая борьба нашей *партіи* явится однимъ изъ самыхъ могучихъ факторовъ дальнѣйшаго развитія рабочаго класса. Авторъ брошюры „Объ агитаціи“ склоняется, повидимому, къ той мысли, что политическая борьба съ царизмомъ начинается только тогда, когда борющіеся предъявляютъ правительству опредѣленныя политическія требованія, т. е. гдѣ заходитъ рѣчь о той или другой законодательной реформѣ; а мнѣ эта мысль кажется ошибкой, сильно затрудняющей намъ исполненіе нашей политической задачи: въ моихъ глазахъ первой реформой, которую мы должны имѣть въ виду, является *реформа политическаго сознанія рабочаго класса*, и я полагаю, что, начавъ дѣло этой реформы, мы тѣмъ самымъ начинаемъ политическую борьбу съ правительствомъ, великую революціонную борьбу за вліяніе на умы рабочихъ, которая естественнымъ и логическимъ ходомъ своимъ приведетъ и къ извѣстнымъ требованіямъ со стороны пролетаріата, и къ извѣстнымъ уступкамъ со стороны правительства. Авторъ брошюры „Объ агитаціи“ смѣшиваетъ понятіе „*классъ*“ съ понятіемъ „*партія*„ и, сосредоточивъ свое вниманіе на предполагаемомъ ходѣ развитія нашего рабочаго движенія, онъ забываетъ о политической иниціативѣ нашей *партіи*; а я считаю, что указанное смѣшеніе служитъ главнымъ источникомъ всѣхъ тѣхъ заблужденій, которыя вызвали въ послѣдніе годы такъ много споровъ и разногласій въ нашей партіи, и что устраненіе этого смѣшенія необходимо для того, чтобы мы могли опредѣлить политическую *обязанность соціалъдемократической партіи по отношенію къ рабочему классу*.

Въ самомъ дѣлѣ, авторъ брошюры „Объ агитаціи" не сторонникъ „экономическаго" направленія. Но мы уже видѣли, что на нѣкоторые его доводы съ полнымъ основаніемъ могутъ опираться „чистые экономисты". И поскольку онъ смѣшиваетъ классъ съ партіей, онъ безсознательно и невольно вноситъ каплю своего меду въ тотъ улей, въ которомъ работаютъ теперь авторы извѣстнаго „Credo" и ихъ единомышленники. Если о *политической борьбѣ* съ царизмомъ можно будетъ заговорить только тогда, когда для нея созрѣетъ *весь русскій рабочій классъ*, то позволительно ли вести рѣчь о *соціализмѣ* раньше, чѣмъ *весь пролетаріатъ* въ его цѣломъ не „*потребуетъ*" устраненія капиталистическаго хозяйства? Но пролетаріатъ въ его цѣломъ *еще не* „требуетъ" этого даже въ самыхъ передовыхъ странахъ. *Поэтому существованіе соціальдемократіи не имѣетъ теперь смысла.* Какъ представители рабочаго *класса*, мы имѣемъ право говорить теперь лишь о нѣкоторыхъ второстепенныхъ реформахъ рабочаго законодательства. А для этого нѣтъ надобности въ особой соціальдемократической партіи. Мы были соціальдемократами; мы должны перестать быть ими. Таковъ ходъ мыслей, приведшій къ появленію „Credo". Въ своемъ *окончательномъ результатѣ* онъ очень далекъ отъ того, съ которымъ мы встрѣчаемся въ брошюрѣ „Объ агитаціи". Но въ своемъ *началѣ* онъ *совпадаетъ съ нимъ*, и этимъ объясняется тотъ общеизвѣстный фактъ, что единомышленники авторовъ „Credo" очень часто и охотно ссылались на брошюру „Объ агитаціи" и противоставляли ее программѣ группы „*Освобожденіе труда*".

VII.

Я указывалъ на стачки, какъ на явленіе, дающее поводъ для политическаго воздѣйствія соціальдемократовъ на рабочую массу. Но кто знакомъ съ условіями русской жизни, тотъ понимаетъ, что подобные поводы далеко не исчерпываются стачками. Они встрѣчаются всюду, гдѣ на

русскаго работника давитъ тяжелая лапа русскаго администратора. Рабочій страдаетъ отъ своего политическаго безправія, не только какъ продавецъ рабочей силы, но и какъ обыватель, котораго начальство „*тащитъ*“ туда, откуда ему хотѣлось бы вырваться и „*не пущаетъ*“ туда, куда ему хотѣлось бы пробраться. Эта милая распорядительность начальства вызываетъ въ рабочихъ чувства неудовольствія и протеста, а тамъ, гдѣ зародились эти чувства, готово мѣсто и для политическаго воздѣйствія на нихъ соціальдемократической партіи.

Въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ ходилъ слухъ о томъ, что одесскій градоначальникъ, Зеленый, — о которомъ вообще разсказывали множество курьезовъ, достойныхъ изложенія перомъ Щедрина, — издалъ постановленіе, воспрещавшее „простонародію“ ходить по троттуарамъ, которые предоставлялись такимъ образомъ въ исключительное распоряженіе „чистой публики“. Это постановленіе не относилось непосредственно къ условіямъ продажи рабочими своей рабочей силы: оно было чуждо какихъ нибудь экономическихъ соображеній: оно явилось однимъ изъ проявленій до сихъ поръ сильнаго у насъ *сословнаго предразсудка и крѣпостническаго самодурства*. Но это не мѣшало ему быть возмутительнымъ, и многіе одесскіе рабочіе, навѣрное, приняли его, какъ *жестокое оскорбленіе*. Соціальдемократія должна была *высказать*, что *чувствовали* эти рабочіе; она должна была поставить частные случаи административнаго произвола въ связь со всей правительственной системой и, бичуя одесскаго *сатрапа*, защѣтить петербургскаго *самодержца*. Тактично составленное и широко распространенное въ массѣ воззваніе непремѣнно заронило бы сѣмя политическаго сознанія во многія рабочія головы.

Я не ручаюсь за то, что Зеленый дѣйствительно издалъ указанное постановленіе. Можетъ быть, слухъ о немъ былъ невѣренъ. Но для меня это не важно. Мнѣ нуженъ былъ только примѣръ для

поясненія моей мысли, и если читатель ее понялъ, то онъ самъ иллюстрируетъ ее другими, совершенно достовѣрными примѣрами. Затрудненіе можетъ представиться ему, развѣ лишь вслѣдствіе крайняго изобилія такихъ примѣровъ.

Я позволю себѣ указать ему случаи, освѣщающіе обязанность нашей партіи при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. Именно, я укажу на антиеврейскіе безпорядки. Какихъ дѣйствій требуютъ они отъ нашей партіи? Скажетъ ли намъ кто-нибудь, что мы должны подстрекать бушующую толпу и поддерживать буяновъ? Этого не скажетъ никто, кромѣ антисемитовъ. Почему не скажетъ? По тысячѣ соображеній, ясно показывающихъ, что національный антагонизмъ крайне вреденъ для рабочаго движенія и что антисемитизмъ полезенъ *только* его противникамъ. Но если эти соображенія ясны и убѣдительны, то почему же не довести ихъ до свѣдѣнія рабочихъ? Почему не высказать ихъ кратко, но рѣшительно, въ то смутное и печальное время, когда масса не слышитъ ничего, кромѣ безсмысленныхъ наущеній? Если наше воззваніе и не остановитъ толпы, то оно все-таки не пройдетъ безслѣдно, оно все-таки занесетъ лучъ свѣта въ темное царство и будетъ содѣйствовать развитію политическаго сознанія массы.

Далѣе. Въ первые часы или даже дни антиеврейскихъ безпорядковъ полиція обыкновенно потворствуетъ буянамъ и смотритъ на ихъ подвиги сквозь пальцы. Она сама не прочь потормошить „жидовъ“. Но она любитъ „порядокъ“ и потому рѣшается, наконецъ, дѣйствовать. Начинаются „*внушенія*“ и „*усмиренія*“, которыя по своимъ пріемамъ сами составляютъ вопіющее преступленіе противъ человѣческой личности. Достаточно сказать, что *розги* играютъ очень видную роль въ этихъ „внушеніяхъ“, расточаемыхъ безъ суда и слѣдствія, по усмотрѣнію пьяныхъ приставовъ и по указаніямъ безсовѣстныхъ сыщиковъ. Русскій народъ уже вышелъ изъ того варварства, въ ко-

тормъ онъ могъ равнодушно переносить такія расправы. Теперь онъ оскорбляютъ его нравственное чувство, и мы можемъ посѣять много благородной ненависти на почвѣ, подготовленной такимъ оскорбленіемъ.

Еще примѣръ. Студенческіе безпорядки ни прямо, ни косвенно не касаются условій найма рабочихъ капиталистами. Но они вызываютъ толки, доходящіе до слуха рабочаго класса: о нихъ пишутъ въ газетахъ, о нихъ говорятъ лавочники, о нихъ лжетъ полиція. Въ трудящемся населеніи большихъ городовъ найдется не мало лицъ, интересующихся такого рода явленіями, и *наша партія обязана, въ интересахъ своей борьбы за политическую свободу*, выяснить имъ истинный смыслъ студенческихъ „*бунтовъ*“. Она должна показать имъ, что дѣйствія „бунтовщиковъ“ направляются противъ того самаго порядка, отъ котораго больше всего достается именно рабочему народу, и, что, поэтому, рабочій народъ долженъ видѣть въ бунтовщикахъ *не враговъ, а союзниковъ*. Чѣмъ шире распространится такой взглядъ въ народной массѣ, тѣмъ болѣе ослабѣетъ вліяніе на нее охотно-рядскихъ элементовъ, составляющихъ самый надежный оплотъ политической реакціи, и тѣмъ болѣе усилится вліяніе на нее революціонной соціалъ-демократіи [1]).

А народныя школы? А народныя чтенія? А разнообразныя просвѣтительныя попытки интеллигенціи, которыя отвѣчаютъ *серьезной и вполнѣ сознанной рабочимъ классомъ духовной потребности* и которыя встрѣчаютъ со стороны правительства такое множество препятствій? Трудящаяся масса настойчиво проситъ умственной *пищи*, правитель-

[1]) Сюда же надо отнести и распространеніе въ рабочей средѣ агитаціонныхъ воззваній по поводу жестокихъ расправъ правительства съ отдѣльными представителями свободомыслящей интеллигенціи, напримѣръ, съ Вѣтровой. Зачѣмъ станемъ мы молчать о томъ, что этихъ людей пытаютъ и терзаютъ тѣ самые слуги царя, которые готовы запытать и растерзать всякаго пролетарія, въ голову котораго проникаетъ мысль о борьбѣ за лучшее будущее?

ство осуждаетъ ее на умственный *голодъ* и неотступно преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли бы придти къ ней на помощь, а мы будемъ молчать, успокаивая свою совѣсть революціонеровъ тѣмъ соображеніемъ, что все это не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ фабричнымъ порядкамъ и прямой связи съ вопросомъ о расцѣнкахъ? Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Если бы мы поступали такимъ образомъ, мы сдѣлались бы смѣшными доктринерами, жалкими педантами, неспособными пріобрѣсти широкое вліяніе на общественную жизнь и недостойными выступать въ качествѣ носителей великой освободительной *„идеи рабочаго сословія“*.

Такъ называемые культурники съ любовью къ дѣлу и съ самоотверженіемъ несутъ знаніе въ пробуждающуюся отъ многовѣковаго сна народную массу, но, натолкнувшись на цензурныя рѣшетки и полицейскія рогатки, они останавливаются въ нерѣшительности и *не смѣютъ* сообщить народу самое лучшее изъ того, что они могли бы сообщить ему. Иногда имъ удается преподать своимъ слушателямъ нѣкоторыя элементарныя свѣдѣнія по естествознанію, исторіи и географіи, но они не дерзаютъ затронуть передъ ними *важнѣйшій вопросъ* народнаго образованія, не рѣшаются указать на царя и на царскихъ опричниковъ, какъ на сильнѣйшее теперь препятствіе этому образованію. Соціальдемократія и здѣсь, — *какъ вездѣ*, — пойдетъ гораздо дальше другихъ направленій; она выскажетъ то, о чемъ молчатъ другіе, произнесетъ то слово, которое обходятъ „культурники“ въ своемъ преподаваніи. Она объяснитъ народу, *кто* и *зачѣмъ* заслоняетъ отъ него свѣтъ знанія; она разоблачитъ политику *„народнаго просвѣщенія“*; она будетъ въ своихъ воззваніяхъ безпощадно клеймить продѣлки нашихъ обскурантовъ. И это будетъ новымъ видомъ политической *агитаціи*; это явится однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ *борьбы за политическую свободу*!

Еще одинъ примѣръ, на этотъ разъ послѣдній. Неурожаи сдѣлались у насъ постояннымъ явленіемъ, несущимъ множество несказанныхъ бѣдствій населенію пострадавшихъ мѣстностей. Въ такихъ случаяхъ прямая обязанность правительства оказать серьезную помощь голодающимъ. Но наше правительство не только не оказываетъ крестьянамъ серьезной помощи, но всячески сбѣсияетъ тѣхъ частныхъ лицъ, которыя хотѣли бы послужить народу въ тяжелую для него годину. Русская соціальдемократія обязана разоблачать передъ трудящейся массой эти тиранническія и постыдныя дѣйствія русскаго провительства. Промышленные рабочіе, навѣрное, выслушаютъ ее со вниманіемъ; вѣдь для многихъ изъ нихъ неурожай означаетъ разореніе оставшейся въ деревнѣ родной семьи, нищету родителей и братьевъ. Иные изъ этихъ рабочихъ принесли, можетъ быть, съ собою изъ деревни наивное убѣжденіе въ томъ, что всякая помощь голоднымъ оказывается по царскому почину и распоряженію. Каково же будетъ ихъ негодованіе, когда мы обнаружимъ имъ ошибку, когда мы покажемъ имъ, какъ ведетъ себя въ такихъ случаяхъ ихъ любимый „*наседа-государь*“! Мы не можемъ ограничиваться болѣе или менѣе длинными статьями въ предназначенныхъ для рабочихъ періодическихъ изданіяхъ. Мы должны во множествѣ распространять летучіе листки и воззванія, доступные пониманію самыхъ неразвитыхъ рабочихъ. Тутъ недостаточно *пропаганды*; тутъ необходима *агитація*.

Замѣчу кстати, что въ листкахъ и воззваніяхъ намъ слѣдуетъ обращаться при этомъ не только къ рабочимъ, но также и къ *крестьянамъ*, которыхъ этотъ вопросъ касается всего ближе. Я уже сказалъ, что многіе промышленные рабочіе имѣютъ въ деревнѣ отцовъ и братьевъ. Но вѣдь кромѣ *промышленныхъ* рабочихъ есть еще и *сельско-хозяйственные*. Такими являются тѣ изъ крестьянъ, которые по незначительности своего земельнаго надѣла живутъ *продажей своей рабочей*

силы. Эти крестьяне — тѣ же пролетаріи, и горе намъ, если мы позабудемъ объ этомъ! Правда, промышленные рабочіе воспріимчивѣе сельскохозяйственныхъ, и потому *первыя* наши усилія естественно направляются на промышленные центры Но чѣмъ большимъ успѣхомъ увѣнчаются эти наши усилія, т. е., чѣмъ болѣе возрастетъ наше вліяніе на *промышленныхъ* рабочихъ, тѣмъ возможнѣе и необходимѣе станетъ для насъ революціонное *возстаніе на деревню*. Зная это, мы уже теперь должны прокладывать себѣ дорогу въ нее всякій разъ, когда къ этому представляется удобный поводъ. А между такими поводами едва ли первое мѣсто принадлежитъ хроническимъ голодовкамъ и сопровождающимъ ихъ стѣснительнымъ распоряженіямъ нашего попечительнаго начальства.

VIII.

„Располагая фактами и сообщеніями изъ разныхъ мѣстъ, сотрудники „Рабочей Мысли“ должны дѣлать сводки и указывать, какъ слагается общее насиліе царской власти отъ этихъ частныхъ, чиновничьихъ и хозяйскихъ притѣсненій, при чемъ нужна простота, ясность и воодушевленность.“

Такъ говоритъ въ письмѣ, напечатанномъ въ № 8 „Рабочей Мысли“, „*практикъ рабочій*“, очевидно мало опытный въ программныхъ спорахъ, но хорошо понимающій требованія жизни и положеніе своего класса въ нашемъ полицейскомъ государствѣ. Редакція „Рабочей Мысли“ въ особомъ примѣчаніи обратила вниманіе читателей лишь на непослѣдовательность автора письма, который осуждаетъ употребленіе иностранныхъ словъ въ статьяхъ, предназначенныхъ для рабочихъ, и самъ во множествѣ употребляетъ ихъ въ своемъ письмѣ. Оставляя открытымъ вопросъ объ иностранныхъ словахъ, я замѣчу въ свою очередь, что цитированное мною мѣсто письма „практика рабочаго“ прекрасно опредѣляетъ общую агитаціонную задачу нашей партіи: *ставить мелкія притѣсненія*,

испытываемыя рабочими со стороны хозяина и чиновниковъ, въ связи съ „общимъ насиліемъ царской власти“. Это какъ разъ та задача, на которую я указываю и отъ послѣдняго рѣшенія которой мы не имѣемъ права уклоняться даже въ самомъ первомъ „фазисѣ“ рабочаго движенія. Но если это такъ, если „практикъ рабочій“ вѣрно опредѣляетъ намъ нашу практическую задачу, то стремиться къ чисто экономической агитаціи значитъ дѣлать огромную и непростительную тактическую ошибку.

„Рабочій знаетъ, кто сидитъ на его загорбкѣ, охъ какъ знаетъ! — говорится еще въ письмѣ, — нужно только, чтобы съ перваго же слова сердце его забилось сильнѣй, и онъ не удержался, чтобы не сходить къ сосѣду и... не передать ему, какъ клокочетъ его кровь и разрывается его сердце при видѣ такой тьмы человѣческихъ насилій“. Это опять то самое, что говорю я: въ своей агитаціи наша партія не можетъ ограничиться указаніемъ рабочему факта экономической его эксплуатаціи; она непремѣнно должна касаться той „*тьмы насилій*“, которая окружаетъ рабочаго со всѣхъ сторонъ и отъ которой родится сомнѣніе въ его головѣ и накопляется горечь въ его сердцѣ. Если мы сумѣемъ дать надлежащее направленіе этимъ сомнѣніямъ и найти яркое выраженіе этой горечи, то и въ самомъ дѣлѣ отъ нашихъ воззваній будетъ сильнѣе биться сердце въ груди пролетарія и быстрѣе обращаться кровь въ его жилахъ. „Дайте просторъ агитаціи и публицистикѣ, — прекрасно говоритъ „практикъ рабочій“, — и вы увидите, какъ заискрятся тысячи глазъ нашихъ рабочихъ, какъ воодушевятся лица и какъ быстро полетитъ вѣсть о дружномъ единеніи“... О какой же публицистикѣ говоритъ онъ? Ясно, что о *политической*, т. е. о той самой, которая, по моему мнѣнію, должна быть неразрывно связана съ агитаціей на *экономической почвѣ*. Это письмо рабочаго есть *первое* (а можетъ быть уже и не первое?) *предостереженіе* г. г. „экономистамъ“, идущее изъ среды

нашего пролетаріата. Надо надѣяться, что за нимъ скоро послѣдуютъ другія.

Въ письмѣ „практика рабочаго“ есть еще одно, очень замѣчательное мѣсто. Привожу его цѣликомъ.

„Можетъ быть, вамъ покажется смѣшнымъ, что рабочіе зачитывали до дыръ народовольческую брошюру „*Подпольная Россія*“ и жили вмѣстѣ съ ея героями, забывая всякія опасности и трудности настоящаго. Я не сторонникъ разныхъ заговоровъ и терроровъ, но для меня ни мало не смѣшно видѣть человѣка, перемѣнившаго Бову Королевича на Желябова и сіяющую красавицу на Вѣру Перовскую. Я указываю только на психологію рабочаго и не хочу сказать о какомъ нибудь новомъ направленіи или воскрешеніи народовольческихъ утопій“.

Указываемая здѣсь „психологія“ — увлеченіе „*народовольческой*“ брошюрой „Подпольная Россія“ и біографіями Желябова и „*Вѣры*“ Перовской, — дѣлаетъ большую честь русскимъ рабочимъ и доказываетъ лишній разъ то, что мнѣ часто приходилось высказывать устно и въ печати, навлекая на себя злыя насмѣшки „интеллигентныхъ“ скептиковъ: что русскій пролетаріатъ отомститъ русскому правительству за многократныя пораженія, нанесенныя имъ русской революціонной интеллигенціи. Но почему же авторъ письма думаетъ, что такая психологія русскихъ рабочихъ можетъ вызвать насмѣшки со стороны людей, называющихъ себя друзьями пролетаріата? Вѣроятно, онъ имѣетъ къ тому свои основанія; вѣроятно, онъ встрѣчалъ людей, осмѣивавшихъ сочувствіе рабочихъ героямъ „Подпольной Россіи“. Если это такъ, если такіе люди дѣйствительно существуютъ, то да будетъ имъ очень стыдно! Они могутъ искренно считать себя друзьями рабочаго класса; но въ дѣйствительности они *не друзья рабочихъ, а ихъ враги, не просвѣтители, а усыпители.*

„*Заговоры и терроры*“ теперь совершенно неумѣстны; но память о заговорщикахъ и террористахъ, преслѣдовавшихъ святую цѣль экономиче-

скаго и политическаго освобожденія русскаго народа, должна быть также дорога всѣмъ сознательнымъ рабочимъ, какъ дорога всѣмъ искреннимъ христіанамъ память ихъ мучениковъ. Желябовы и Перовскія составляютъ славу нашей родины.

IX.

Тактика предлагаемая „рабочимъ практикамъ", нуждается въ одномъ только дополненіи: наша партія въ своей агитаціи должна указывать рабочимъ *не только на ту „тьму насилій"*, отъ которой *страдаютъ они сами, но*, какъ я указывалъ выше, *также и на ту, которая тяготѣетъ* надо всей трудящейся и надо всей свободо-мыслящей Россіей. Такія указанія будутъ расширять политическій кругозоръ пролетаріата и въ то же время пріобрѣтать новыхъ, многочисленныхъ друзей его передовому отряду, т. е. нашей партіи. Они распространятъ наше политическое вліяніе далеко за предѣлы рабочаго класса въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Наша агитація и теперь уже въ значительной степени имѣетъ политическій характеръ. Намъ необходимо еще ярче и рѣшительнѣе оттѣнить этотъ характеръ, разъ навсегда разорвавъ со всякими „экономическими" предразсудками. Пріемы нашей политической агитаціи должны стать гораздо разнообразнѣе, область ея распространенія много шире, чѣмъ прежде. Я понимаю, что все это предполагаетъ, можетъ быть, такую организацію, какой у насъ пока еще нѣтъ, и такія матерьяльныя средства, какими мы пока еще не располагаемъ. Но многое можно сдѣлать въ указанномъ направленіи уже и въ настоящее время. А каждый шагъ, сдѣланный нами въ этомъ направленіи, будетъ укрѣплять нашу организацію и увеличивать наши матерьяльныя средства, по той простой причинѣ, что будетъ увеличивать и укрѣплять сочувствіе къ намъ всѣхъ демократическихъ элементовъ нашего отечества. Эти эле-

менты окажутъ намъ незамѣнимую поддержку въ политической борьбѣ съ царизмомъ.

На основаніи этихъ послѣднихъ словъ меня обвинятъ, пожалуй,—какъ обвиняли недавно П. Аксельрода, — въ намѣреніи покинуть точку зрѣнія классовой борьбы и содѣйствовать сближенію пролетаріата съ буржуазіей. Но я не боюсь такихъ обвиненій Болѣе того, я убѣжденъ, что пора уже *обратить ихъ противъ обвинителей*. И я сдѣлаю это немедленно.

Русскій рабочій классъ страдаетъ не только отъ капитализма, но и отъ недостаточнаго развитія капитализма Самымъ тяжелымъ для пролетаріевъ послѣдствіемъ *неразвитости* нашей *экономики* является ихъ *политическое безправіе*, дѣлающее изъ нихъ рабовъ первой встрѣчной кокарды и чрезвычайно затрудняющее ихъ *борьбу съ капиталистами*. Завоеваніе политическихъ правъ, разрушеніе абсолютизма составляетъ, поэтому, необходимое условіе правильнаго развитія этой борьбы. Русскій соціальдемократъ обязанъ выяснять рабочему не только ту враждебную противоположность, которая раздѣляетъ его интересы отъ интересовъ предпринимателей, но также и ту, которая существуетъ между его интересами, съ одной стороны, и интересами самодержавія—съ другой. Но интересы самодержавія враждебны интересамъ не однихъ только рабочихъ. Поэтому и въ борьбѣ съ самодержавіемъ заинтересованы не одни только рабочіе. Русская соціальдемократія сдѣлала бы непростительную ошибку, если бы она упустила изъ виду это важное обстоятельство и не сумѣла воспользоваться имъ въ интересахъ освободительнаго движенія пролетаріата. Она не можетъ игнорировать тѣ слои русскаго населенія, въ которыхъ живетъ духъ оппозиціи. Маркъ и Энгельсъ высказали въ Манифестѣ Коммунистической Партіи ту мысль, что коммунисты обязаны поддерживать всякое революціонное движеніе, направленное противъ существующаго порядка. Эта мысль сохранила все свое великое значеніе и для нашего вре-

мепи. Она должна руководить насъ въ нашихъ отношеніяхъ къ „обществу“. Мы не только не имѣемъ права игнорировать существующія въ его средѣ оппозиціонныя теченія, но обязаны старательно и постоянно выставлять на видъ сторонникамъ этихъ теченій тѣ наши политическія стремленія, которыя дѣлаютъ изъ насъ *самыхъ рѣшительныхъ и самыхъ непримиримыхъ враговъ абсолютизма.* Намъ нечего бояться *сближенія* съ оппозиціонными слоями нашего общества; намъ надо позаботиться только о томъ, *чтобы они не подчиняли насъ своему вліянію и руководству.* А такое подчиненіе сдѣлалось бы возможнымъ, — и даже *неминуемымъ*, — только въ томъ случаѣ, если бы у насъ восторжествовало *экономическое направленіе.*

Сторонники этого направленія не хотятъ политической борьбы по крайней мѣрѣ для настоящаго „момента“. Но мы уже знаемъ, что у насъ въ Россіи эта борьба — та же природа: если вы гоните ее въ дверь, она возвращается черезъ окно. Но, возвращаясь такимъ необычайнымъ образомъ, она производитъ вредившую путаницу тамъ, гдѣ нельзя обойтись безъ самаго строгаго порядка. Благодаря этой путаницѣ, люди, идущіе въ одну комнату, противъ собственнаго вѣдома и желанія попадаютъ въ другую. Этотъ непріятный пассажъ уже случился съ нѣкоторой, — замѣтьте: съ *наиболѣе вѣрной себѣ, наиболѣе послѣдовательной*, — частью нашихъ „экономистовъ“.

Оставаясь вѣрнымъ себѣ, т. е. послѣдовательно, логически развивая свои основныя положенія, „экономистъ“ неизбѣжно приходитъ къ программѣ, изложенной въ не разъ уже упомянутомъ мною „Credo“. Авторы этого произведенія считаютъ излишнимъ существованіе соціалъдемократіи, *какъ особой политической рабочей партіи.* Но они уже не высказываются противъ политической борьбы. Они только хотятъ, чтобы ея инициатива принадлежала не рабочимъ, а именно тѣмъ оппозиціоннымъ элементамъ нашего общества, о которыхъ я говорилъ выше. Къ чему же привела бы такая

борьба при участіи въ ней соціальдемократовъ, но при отсутствіи особой соціальдемократической партіи? Понятно къ чему: къ чрезвычайному ослабленію вліянія *соціалъдемократовъ*, которые, растворясь въ массѣ другихъ анти-правительственныхъ элементовъ, *на дѣлѣ* превратились бы въ простыхъ *демократовъ*. *Но превращеніе соціальдемократовъ въ простыхъ демократовъ именно и означало бы забвеніе классовой борьбы и сближеніе пролетаріата съ буржуазіей.* Выходитъ, стало быть, что къ этому результату ведетъ не та тактика, которую мы рекомендуемъ, а *та, которая подсказывается логикой „экономическаго" направленія.*

Но такой результатъ совсѣмъ для насъ нежелателенъ. Если въ той борьбѣ, которая не можетъ не начаться у насъ въ Россіи, — въ борьбѣ за политическую свободу, — наши рабочіе, въ средѣ которыхъ уже пробуждается классовое самосознаніе, выступятъ вассалами другихъ, чуждыхъ имъ партій, то отъ этого не выиграетъ никто, кромѣ буржуазіи. Пусть же идеологи буржуазіи и стараются направить рабочихъ на этотъ путь. Мы, соціальдемократы, постараемся повести ихъ по другому.

Наша партія, не имѣющая рѣшительно никакой склонности къ самоубійству, возьметъ на себя починъ борьбы съ абсолютизмомъ, а слѣдовательно и *гегемонію* въ этой борьбѣ: чѣмъ болѣе многочисленны и разносторонни станутъ ея пріемы, тѣмъ легче сдѣлается для всѣхъ искреннихъ враговъ существующаго политическаго порядка, — для всѣхъ тѣхъ, въ душѣ которыхъ любовь къ политической свободѣ не перевѣшивается стремленіемъ къ эксплуатаціи рабочихъ,—что они должны поддержать нашу партію въ интересахъ своего собственнаго дѣла. Мало по малу они привыкнутъ смотрѣть на ея побѣды и на ея пораженія, какъ на свои собственныя побѣды и пораженія. И наша партія сдѣлается такимъ образомъ *освободительницей* par excellence, центромъ, къ которому будутъ тяготѣть всѣ демократическія симпатіи и изъ ко-

тораго будутъ исходить всѣ наиболѣе крупные революціонные протесты. Тогда въ ея распоряженіи окажутся такія силы и такія матерьяльныя средства, о какихъ безумно было бы и мечтать при нынѣшнихъ условіяхъ. Но ни одна единица этихъ силъ и ни одна копѣйка изъ этихъ средствъ не будетъ затрачена на подчиненіе пролетаріата какому нибудь чуждому вліянію и на достиженіе какихъ нибудь вредныхъ для него цѣлей. Напротивъ, всѣ эти силы и всѣ эти средства будутъ служить достиженію его собственныхъ цѣлей и упрочивать его собственное вліяніе на другіе общественные элементы, потому что направлять и распредѣлять ихъ будетъ *его собственный передовой отрядъ*: **соціальдемократическая партія.**

Торжество „экономическаго" направленія привело бы къ политической эксплуатаціи русскаго рабочаго класса демократической и либеральной буржуазіей.

Тактика, защищаемая мною въ этой статьѣ, столь же неизбѣжно дала бы русской соціальдемократіи, — этому передовому отряду русскаго рабочаго класса, — политическую гегемонію въ освободительной борьбѣ съ царизмомъ.

Сколько застарѣлой близорукости нужно для того, чтобы поколебаться въ выборѣ хотя бы на одну минуту!

Что же дальше? [1].

> Mit der Gründlichk it der geschichtlichen Aktion wird also der Umfang der Masse zuneh en, deren Aktion sie ist.
>
> **Karl Marx**

Зима и весна текущаго года ознаменовались въ Россіи такими необычайными, такими потрясающими событіями, что теперь, когда нѣсколько улеглось вызванное ими волненіе, всякій тотъ, кто не вполнѣ равнодушенъ къ судьбѣ своей родины, испытываетъ потребность выяснить себѣ смыслъ этихъ событій и опредѣлить вытекающія изъ нихъ задачи. *Что же дальше?* — вотъ вопросъ, которымъ много занималась наша легальная печать, и къ которому съ еще большимъ вниманіемъ должны отнестись заграничные русскіе писатели, имѣющіе (болѣе или менѣе полное) право думать, что хотятъ, и говорить, что думаютъ.

Займемся же этимъ вопросомъ.

Что именно произошло въ Россіи?

Произошли, во-первыхъ, такъ называемыя студенческія волненія.

Волненія этого рода у насъ совсѣмъ не новость. Они не переставали повторяться, начиная съ 1861 г., когда произошли крупные университетскіе „безпорядки". Съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ, и много воды утекло подъ мостами, много перемѣнъ совершилось въ нашей общественной жизни —чрезвычайно сильно преобразовались наши экономическія отношенія: не одинъ разъ смѣнялись одно другимъ различныя правительственныя „вѣянія": наша интеллигенція перешла нѣсколько

[1] Эта статья напечатана во 2—3-ей книжкѣ „Зари", вышедшей въ декабрѣ 1901 года.

различныхъ, отчасти даже противоположныхъ настроеній, — а наши студенты по прежнему сохраняли свою, всѣмъ городовымъ и всѣмъ дворникамъ извѣстную, склонность къ „*бунту*“, и по прежнему производимые ими „безпорядки“ возвращались съ неумолимою правильностью астрономическихъ явленій. Трудно даже и представить себѣ, сколько тяжелыхъ и совершенно незаслуженныхъ страданій несли они съ собою, какъ для самихъ учащихся, такъ и для ихъ родителей: кто сосчитаетъ „*слезы бѣдныхъ матерей*“, пролитыя по поводу арестовъ и высылокъ, обыкновенно сопровождающихъ у насъ студенческія волненія? И кто вычислитъ невознаградимыя потери молодыхъ, свѣжихъ и честныхъ силъ, понесенныя нашей страной вслѣдствіе этихъ арестовъ и высылокъ? Періодическія нарушенія правильности университетской жизни чрезвычайно дорого обходились Россіи. Неудивительно, поэтому, если благоразумные и разсудительные люди, дорожа дѣломъ просвѣщенія и сожалѣя о печальной участи молодыхъ нарушителей „порядка“, неоднократно и настойчиво взывали къ „здравому смыслу“ студентовъ, совѣтуя имъ не горячиться безъ толку, не забывать, что плетью обуха не перешибешь, и не губить задаромъ своей молодости:

Сила ломитъ и соломушку,
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшіе Еремушку
Въ люди вывели скорѣй..

Какъ это часто случается съ ними, благоразумные и разсудительные люди не понимали одного и притомъ самаго главнаго: того, что постоянство всякаго даннаго явленія указываетъ на постоянство вызывающей его причины, и что, вслѣдствіе этого, всѣ тѣ, которые дѣйствительно дорожили судьбами русскаго просвѣщенія и искренно сожалѣли о гибели русскихъ молодыхъ силъ, нравственно обязаны были направить свои усилія на *устраненіе тяжелыхъ условій, дѣлающихъ спокойный умственный трудъ* роскошью, почти совер-

шенно недоступной для сколько нибудь чуткаго и отзывчиваго русскаго студента. Объ этихъ условіяхъ добряки, читавшіе благоразумныя нотаціи молодежи, или совсѣмъ не упоминали, или упоминали въ самыхъ неопредѣленныхъ и туманныхъ выраженіяхъ. Оно и понятно: прямое и рѣзкое указаніе на эти условія могло бы вызвать неудовольствіе начальства, а благоразумные и разсудительные люди слишкомъ разсудительны и благоразумны для того, чтобы „прать противъ рожна", вводя начальство во гнѣвъ и во искушеніе. Но не менѣе понятно и то, что „*тьсня безобразная*" о силѣ, ломящей соломушку, не могла успокоить нашу учащуюся молодежь. Студенты продолжали волноваться чуть не ежегодно, и нынѣшней зимой ихъ волненіе разлилось по всѣмъ университетскимъ городамъ такой широкой и такой сильной волною, а репрессивныя мѣры, принятыя противъ нихъ правительствомъ, оказались такими дикими и такими свирѣпыми, что на всей необъятной Руси, отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды, началось сочувственное студентамъ движеніе. Тогда и въ самыхъ недогадливыхъ головахъ промелькнуло, наконецъ, нѣчто похожее на догадку. Самъ императоръ призналъ „*благовременнымъ*" приступить къ „*коренному пересмотру и исправленію нашего учебнаго дѣла*". Это обстоятельство нѣсколько развязало языки даже чрезвычайно осторожнымъ публицистамъ. „Разъ съ высоты трона раздался призывъ къ участію въ жизни школы семьи и общества, — объявила газета „*Россія*" въ номерѣ отъ 8-го апрѣля, — то голосъ общественной мысли не можетъ оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ событій, пассивнымъ зрителемъ чужихъ ошибокъ, заблужденій и недоразумѣній". Лучше поздно, чѣмъ никогда! И хотя, конечно „*голосъ общественной мысли*" не обнаружилъ большого гражданскаго мужества, оставаясь „*безмолвнымъ*" (нечего сказать, хорошъ „**ГОЛОСЪ**"!) до тѣхъ поръ, пока не получилъ ободренія „съ высоты трона", но отсутствіе гражданскаго *муже-*

слова не всегда означаетъ отсутствіе гражданской *мудрости*. Какъ знать! Иногда и робкій человѣкъ дастъ такой совѣтъ, который принесетъ не мало пользы самымъ мужественнымъ людямъ. Прислушаемся же къ „голосу общественной мысли". Что говоритъ намъ учащейся молодежи? Какой свѣтъ проливаетъ онъ на ея нынѣшнее, невыносимое положеніе?

Въ статьѣ, озаглавленной: „*Что нужно нашимъ университетамъ?*" и подписанной: „*профессоръ*", „*Россія*" (№ 702) указываетъ на необходимость устраненія нынѣшняго университетскаго устава, который, — по справедливому замѣчанію г. „профессора", — продиктованъ интересами политики, а не науки и учебнаго дѣла. Г. „профессоръ" требуетъ возвращенія къ уставу 1863 года. Это совершенно опредѣленный планъ. Вопросъ заключается лишь въ томъ, могло ли бы осуществленіе этого плана въ самомъ дѣлѣ обновить нашу университетскую жизнь и обезпечить ей спокойствіе, безусловно необходимое для ея правильнаго развитія. Г. „профессоръ", повидимому, думаетъ, что *да*, а мы убѣждены, что *нѣтъ*.

Г. „профессоръ" утверждаетъ что уставъ 1863 г. основанъ былъ на избирательномъ началѣ. Это болѣе или менѣе справедливо въ отношеніи къ *учащимъ*. Но въ какой мѣрѣ пользовались „избирательнымъ началомъ" *учащіеся*? Всякій знаетъ, въ какой. Они *совсѣмъ* не пользовались имъ, потому что выбирать имъ было *некого*. Студенты представляли собою большее или меньшее число *единицъ*, не связанныхъ между собою никакими *законными* отношеніями. *Студенческія корпораціи были запрещены*. Чѣмъ была продиктована эта мѣра: интересами политики, или интересами науки? На этотъ вопросъ разумѣется можетъ быть только одинъ отвѣтъ: *интересами политики*. Какова же была политика, помѣшавшая ввести въ уставъ 1863 года право студенческихъ корпорацій? Ясно, что въ этой политикѣ было очень мало *либерализма*. Это была та „*охранительная*" политика, ко-

торая всѣми способами старается помѣшать проникновенію освободительныхъ идей въ наше студенчество. Составители устава 1863 г. боялись, что корпораціи облегчатъ это проникновеніе: поэтому они запретили корпораціи. Неужели это не ясно г. „профессору“? А если это ясно ему, то зачѣмъ же онъ изображаетъ въ ложномъ свѣтѣ уставъ 1863 года? Зачѣмъ онъ вводитъ въ обманъ общественное мнѣніе?

Волненія учащейся молодежи почти ежегодно возобновлялись въ семидесятыхъ годахъ, т. е. именно тогда, когда дѣйствовалъ уставъ 1863 года. Почему г. „профессоръ“ думаетъ, что этотъ уставъ, не устранявшій недовольства студентовъ семидесятыхъ годовъ, успокоитъ нынѣшнихъ студентовъ? Или, можетъ быть, онъ вовсе не задается цѣлью ихъ успокоенія? Можетъ быть, онъ и самъ хорошо знаетъ, что возвращеніемъ къ уставу 1863 года не предупредишь университетскихъ „исторій“? Но въ такомъ случаѣ онъ совсѣмъ обходитъ вопросъ, поставленный на очередь царскимъ рескриптомъ на имя новаго министра народнаго просвѣщенія. Вѣдь „коренной пересмотръ и радикальное исправленіе нашего учебнаго дѣла“ предпринимаются правительствомъ именно для того, чтобы положить конецъ студенческимъ волненіямъ. Кто не хочетъ говорить о средствахъ достиженія этой цѣли, тотъ остается „безмолвнымъ свидѣтелемъ событій, пассивнымъ зрителемъ чужихъ ошибокъ, заблужденій и недоразумѣній“. А вѣдь „*Россія*“ убѣждена, что теперь, послѣ пресловутаго „призыва съ высоты трона“, такая роль нравственно непозволительна!

II.

Въ интересахъ истины спѣшу замѣтить, что не всѣ наши профессора готовы удовольствоваться возвращеніемъ къ уставу 1863 года. Такъ, въ „*Русскія Вѣдомости*“ сообщали отъ перваго мая, что нѣкоторые изъ факультетовъ высказались за „разрѣшеніе въ извѣстныхъ предѣлахъ студенче-

скихъ организацій, имѣющихъ цѣлью, какъ выясненіе ихъ нуждъ, такъ и благотворительныя цѣли (кассы взаимопомощи) и этическія (студенческіе суды)". Подобные проекты вообще нерѣдко появляются теперь въ различныхъ органахъ нашей печати. Я не буду останавливаться ни на одномъ изъ нихъ въ частности, потому что къ тому времени, когда выйдетъ вторая книжка „*Зари*" и предлагаемая статья дойдетъ до читателя, судьба всѣхъ этихъ проектовъ, вѣроятно, будетъ уже рѣшена волею начальства въ томъ или другомъ смыслѣ. Я выскажу лишь общій взглядъ свой на возможное значеніе академической свободы въ дѣлѣ преслѣдованія той цѣли, которую поставило себѣ правительство Николая II, т. е. въ дѣлѣ *успокоенія* нашей учащейся молодежи.

Я, разумѣется, желаю студентамъ всякихъ *благъ*, а потому и всякихъ *правъ*. Я прекрасно понимаю, какими тисками сдавливаетъ ихъ нынѣшній университетскій уставъ, и очень обрадуюсь его устраненію. Но я убѣжденъ, что коренная причина студенческихъ волненій заключается не въ недостаткахъ университетскаго устава и не въ отсутствіи у насъ академической свободы, какъ ни велики эти недостатки и какъ ни печально это отсутствіе. Она лежитъ гораздо глубже. Она заключается въ томъ дикомъ произволѣ, который тяготѣетъ надо всей русской землей и съ которымъ не можетъ теперь помириться ни одинъ мыслящій и безкорыстный русскій человѣкъ. Недовольство, выражающееся въ студенческихъ волненіяхъ, коренится въ общемъ недовольствѣ интеллигенціи. Нашему полицейскому государству искренно сочувствуютъ теперь развѣ только въ полицейскихъ участкахъ; все живое, все независимое относится къ нему съ почти нескрываемымъ презрѣніемъ и съ почти непреодолимымъ отвращеніемъ. Это презрѣніе и это отвращеніе составляетъ нравственную атмосферу, господствующую въ интеллигентномъ обществѣ; тысячи и тысячи дѣтей усваиваютъ его по наслѣдству отъ родителей, всасываютъ съ мо-

лкомъ матери. Университеты только укрѣпляютъ, развиваютъ и *обнаруживаютъ* то недовольство, которое вызывается и поддерживается общими условіями русской жизни. И пока наше полицейское государство, со свойственнымъ ему циническимъ попраніемъ элементарнѣйшихъ правъ человѣческой личности, не отойдетъ въ область тѣхъ печальныхъ преданій, которымъ, по выраженію Грибоѣдова, *вѣрится съ трудомъ*; пока оно не уступитъ мѣста такъ называемому правовому, т. е. *конституціонному* государству, до тѣхъ поръ лучшая часть русскаго студенчества останется *оппозиціоннымъ общественнымъ* элементомъ, и до тѣхъ поръ ея оппозиціонное настроеніе не перестанетъ прорываться время отъ времени въ видѣ *волненій*. *Академическая* свобода, конечно, *необходима* для нашихъ учебныхъ заведеній; но ея *недостаточно*; она должна быть дополнена *политической свободой*. Чтобы успокоить мыслящаго русскаго *студента*, надо эмансипировать русскаго *обывателя*, превративъ его въ *гражданина*.

Это до такой степени вѣрно, что смутное сознаніе этого проникаетъ даже въ головы, совсѣмъ не зараженныя революціонными идеями. Такъ, напримѣръ, „*С.-Петербургія Вѣдомости*, въ статьѣ *Квинтэссенція университетскаго вопроса*“ (№ 110), категорически объявили, что „невозможно выдумать такой университетскій уставъ, который гарантировалъ бы возможность нарушенія спокойнаго теченія академической жизни“. Въ виду того, что основная причина аномалій „имѣетъ общій характеръ“, лѣчить эти аномаліи возможно только посредствомъ законодательныхъ мѣръ общаго характера. Названная газета выставила даже цѣлую программу такихъ мѣръ. Вотъ эта программа.

„Предоставленіе большого простора общественнымъ инстинктамъ и общественной самодѣятельности, главнымъ образомъ, путемъ правильной организаціи мѣстнаго самоуправленія; усиленія начала законности, въ частности, обезпеченія правъ личности, путемъ замѣны начала личнаго усмот-

рѣпія, гдѣ оно по существу дѣла не является необходимымъ, точнымъ обезпеченіемъ правъ и обязанностей съ надлежащей санкціей и контролемъ ихъ осуществленія; постановка печати на почву опредѣленной законной нормировки съ уголовно-судебной, хотя бы и очень строгой, отвѣтственностью на случай нарушеній."

Газета наивно думаетъ, что *законность и общественная самодѣятельность* могутъ процвѣсти у насъ даже при *абсолютизмѣ*, который сковываетъ Россію по рукамъ и по ногамъ и который *безаконенъ по своему существу*. Но, какъ ни велико ея заблужденіе въ этомъ случаѣ, она права въ своемъ скептическомъ отношеніи къ радужнымъ надеждамъ, возлагаемымъ на пересмотръ университетскаго устава. „Коренной пересмотръ и исправленіе нашего учебнаго дѣла" представляютъ собою гораздо болѣе сложную и трудную задачу, чѣмъ это думалъ Николай II или, — точнѣе — авторъ рескрипта на имя г. Ванновскаго. Рѣшеніе этой сложной и трудной задачи предполагаетъ предварительное рѣшеніе другой задачи, не педагогическаго, а общественнаго характера. Задача эта называется *„кореннымъ пересмотромъ и исправленіемъ" нашего политическаго порядка.*

Правительство Николая II не помышляетъ объ этой послѣдней задачѣ, да оно и не могло бы, разумѣется, рѣшить ее. Вотъ почему я убѣжденъ, что еще не такъ скоро придетъ то желанное время, когда наша учащаяся молодежь получитъ возможность спокойно заниматься науками, и когда родители перестанутъ дрожать за участь дѣтей, поступающихъ въ высшія учебныя заведенія.

И именно потому, что, къ моему крайнему сожалѣнію, еще не такъ скоро придетъ это желанное время, именно потому, что лучшей и благороднѣйшей части нашего студенчества суждено еще довольно долго горѣть святымъ огнемъ гражданскаго негодованія, я не хочу предаваться безполезнымъ сожалѣніямъ о тѣхъ страданіяхъ, которыя ей еще предстоитъ испытать, и о тѣхъ жерт-

вахъ, которыя еще не одинъ разъ будутъ вырваны изъ ея рядовъ и принесены Молоху полицейскаго порядка. Пусть московскіе профессора слезливо голосятъ на тему о самообладаніи, спокойствіи, покорности, умѣренности и аккуратности. Я предпочитаю напомнить русскому студенчеству тѣ благородныя слова, съ которыми великій Фихте нѣкогда обращался къ своимъ слушателямъ.

„Я убѣжденъ, — говорилъ этотъ благородный мыслитель, — что царству исконнаго врага человѣческаго рода — зла вообще, въ различныя эпохи являющагося въ самыхъ различныхъ видахъ, конецъ можетъ быть положенъ только развитіемъ науки въ человѣческомъ родѣ. Вамъ извѣстно, что я разумѣю подъ этимъ воплощеніе знанія, разума, мудрости въ самую жизнь... Но эта духовная война противъ зла требуетъ внѣшняго мира, тишины, неприкосновенности личностей, ее ведущихъ. Если бы это условіе было нарушено, если бы свободное развитіе человѣческаго духа стѣснялось или запрещалось, тогда *прежде всего другого* слѣдовало бы завоевать эту свободу, ничего не щадя для нея, жертвуя ей кровью и достояніемъ, потому что, если она не завоевана и пока она не завоевана, немыслимо никакое улучшеніе человѣческихъ отношеній, и человѣческій родъ вынужденъ вести постыдное и безцѣльное существованіе“.

Какъ не похожа эта мужественная проповѣдь на слезливыя причитанія московскихъ книжныхъ червей! Фихте былъ *будильникомъ*, а московскіе книжные черви взяли на себя роль *усыпителей*. Они какъ будто и не догадываются, что ихъ воззваніе къ студентамъ навсегда останется позорнымъ документомъ въ исторіи московскаго „ученаго сословія“ [1]).

[1]) При собираніи подписей къ этому позорному документу начальство прибѣгло къ не менѣе позорнымъ пріемамъ, занимающимъ среднее мѣсто между шантажемъ и подлогомъ. Имена нѣкоторыхъ профессоровъ подписаны были подъ воззваніемъ противъ ихъ воли. Это профессора довели объ этомъ до свѣдѣнія читающей публики. Но за то другіе составляющіе боль-

Какой нибудь книжный червь возразитъ мнѣ, пожалуй, что Фихте говорилъ собственно о борьбѣ съ иноземнымъ завоевателемъ. Но это будетъ пустое возраженіе. Во-первыхъ, Фихте, говоря по поводу *частнаго случая*, — предстоявшей борьбы съ иноземнымъ завоевателемъ, — высказалъ *общій* свой *взглядъ* на нравственную обязанность всѣхъ мыслящихъ гражданъ всякой страны, въ которой нѣтъ свободы и неприкосновенности личности, и населеніе которой вынуждено, поэтому, вести постыдное и безцѣльное существованіе. А во вторыхъ, откуда же видно, что иностранное иго вреднѣе и унизительнѣе, чѣмъ иго, налагаемое на страну ея собственнымъ правительствомъ? Мы, русскіе, давно уже имѣли множество превосходнѣйшихъ случаевъ убѣдиться въ томъ, что „*турки внутренніе*“ куда опаснѣе для насъ, чѣмъ „*турки внѣшніе*“.

III.

Къ сожалѣнію, на роль усыпителей у насъ теперь, какъ и всегда, очень много охотниковъ. Такъ газета „*Россія*“, которая ничего не придумала для обновленія нашей университетской жизни, кромѣ жалкихъ паллiативовъ, сочла своимъ долгомъ предостеречь учащуюся молодежь отъ увлеченія духомъ борьбы. Она посовѣтовала ей довѣрчиво отнестись къ царю, „благожелательная заботливость“ котораго является будто бы единственной опорой студенческихъ требованій: „Безъ этой опоры, — говорила газета — не только студенчество, но и все русское общество лишено возможности предъявлять какія бы то ни было требованія, потому что ничѣмъ не можетъ подкрѣпить эти требованія“.

„*Россія*“ вѣритъ въ „благожелательную заботливость“ Николая II. Блаженъ, кто вѣруетъ! Однако, на чемъ основывается эта ея вѣра? Мы

шинство, какъ видно, подписались добровольно и по существу противъ воззванія ничего не имѣютъ.

уже знаемъ, — со словъ писавшаго въ „*Россіи*“ г. „профессора“, — что университетскій уставъ 1884 года былъ продиктованъ *интересами реакціонной политики.* Мы знаемъ также, что и при составленіи устава 1863 года интересы реакціонной (или, по крайней мѣрѣ, консервативной) политики не были забыты. Но допустимъ на минуту, что политика, продиктовавшая уставъ 1863 года, была очень либеральна. Спрашивается, какъ относится къ ней императоръ Николай II? Всякій знаетъ, что онъ относится къ ней совершенно такъ же, какъ относился императоръ Александръ третій, которому политика его отца представлялась чуть не революціонной политикой, достойной, если не якобинца то, по меньшей мѣрѣ, жирондиста. Николай II оставался вѣрнымъ орудіемъ реакціи съ самаго начала своего царствованія, съ того самого момента, когда, вступивъ на „прародительскій престолъ“, онъ, въ своей знаменитой рѣчи, назвалъ „*безсмысленнымъ мечтаніемъ*“ всякую надежду на добровольныя уступки со стороны самодержавной власти. И всѣ дѣйствія его правительства не только не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на перемѣну его образа мыслей, но, напротивъ, ежедневно и, можно сказать, ежечасно приносятъ намъ все новыя и новыя доказательства того, что онъ твердо рѣшился оставаться на пути, указанномъ ему Александромъ III. Его „благожелательная заботливость“ не дала и не дастъ намъ ничего, кромѣ ряда самыхъ реакціонныхъ мѣропріятій; а газета „Россія“ приглашаетъ своихъ читателей ждать отъ царя великихъ и богатыхъ милостей; она увѣряетъ, — не только студентовъ, но и всѣхъ русскихъ обывателей, — что его добрая воля является надежнѣйшимъ факторомъ нашего прогресса. Это уже слишкомъ! Русскіе обыватели не лишены, правда, весьма значительной доли наивности. Но при всей ихъ наивности врядъ ли кому удастся теперь убѣдить ихъ въ томъ, что курочка бычка родитъ, а поросеночекъ яичко снесетъ.

Да и что такое эти знаменитыя отнынѣ „*Временныя правила*“, примѣненіе которыхъ вызвало такое глубокое негодованіе, какъ въ Россіи, такъ и во всемъ цивилизованномъ мірѣ? Они явились логическимъ послѣдствіемъ реакціонной политики, продиктовавшей университетскій уставъ 1884 года и необходимымъ дополненіемъ этого устава. Ихъ идея зародилась впервые еще въ 1882 году. Ея отцемъ былъ — нужно ли прибавлять это? — Торквемада-Побѣдоносцевъ, который предложилъ ее „*Особому Совѣщанію*“ министровъ, состоявшемуся осенью 1882 года по поводу происходившихъ тогда студенческихъ волненій. По проекту г. Побѣдоносцева слѣдовало „*отдавать въ дисциплинарные батальоны и роты тѣхъ изъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, которые за свое дерзкое и грубое неповиновеніе начальству не только заслуживаютъ исключенія, но и требуютъ особыхъ мѣръ для исправленія*“[1]). Въ то время мысль эта хотя и была очень сочувственно встрѣчена Александромъ III, но все таки осталась безъ практическихъ послѣдствій. Въ 1899 году она, въ нѣсколько смягченномъ видѣ, легла въ основаніе „временныхъ правилъ“. Правительство Николая II выполнило то, передъ чѣмъ остановилось даже правительство Александра III. Нечего сказать, очень много обѣщаетъ „*благожелательная заботливость*“ главы этого правительства!

Уже одно то обстоятельство, что „на особо важную нынѣ должность министра народнаго просвѣщенія“ призванъ былъ старый, ограниченный солдатъ, изъ тѣхъ, которыхъ называютъ „бурбонами“, должно было бы очень сильно поколебать вѣру въ царскую „заботливость“ объ учащейся молодежи. Вѣдь г. Ванновскій былъ однимъ изъ немногихъ министровъ Александра III, принявшихъ въ принципѣ мысль г. Побѣдоносцева объ отдачѣ въ солдаты студентовъ, уличенныхъ въ

[1]) Смотри напечатанные въ „*Листкахъ* г. В. Черткова „*Тайные документы о мѣрахъ противъ студенческихъ безпорядковъ*“, стр. 46.

неповиновеніи начальству. Онъ былъ только противъ опредѣленія ихъ въ *дисциплинарные баталіоны* [1]). Онъ стоялъ, значитъ, какъ разъ за ту мѣру, которая была осуществлена впослѣдствіи въ видѣ „временныхъ правилъ“ и довела учащихся чуть не до возстанія съ оружіемъ въ рукахъ. И этому то человѣку императоръ поручилъ успокоить молодежь, внеся въ дѣло ея воспитанія „разумъ, любовь и сердечное попеченіе“! Этотъ то „*фельдфебель*“, когда то находившій наиболѣе естественной мысль объ „*успокоеніи*“ студентовъ посредствомъ *нагаечки*, произведенъ во всероссійскіе „*Вольтеры*“ съ обязательствомъ начать новую эру въ исторіи нашего просвѣщенія, отдавъ молодежи свое *сердце нѣжное, какъ ласка*!

По истинѣ можно сказать, что, если, призывая г. Ванновскаго, нашъ батюшка не насмѣхался надъ своими „вѣрноподданными“, то онъ обнаружилъ полнѣйшее, всесовершеннѣйшее непониманіе нынѣшняго положенія нашихъ университетовъ. А у насъ нашлись люди, усмотрѣвшіе въ его рескриптѣ на имя фельдфебеля-Вольтэра широкую либеральную программу и умилившіеся тамъ, гдѣ умѣстны и позволительны были только гнѣвъ, негодованіе и насмѣшка.

Правда, въ своемъ докладѣ о студенческихъ безпорядкахъ 1899 года г. Ванновскій уже не говорилъ объ отдачѣ опальныхъ студентовъ въ солдаты. Онъ даже указывалъ на необходимость „немедленнаго пересмотра уставовъ высшихъ и среднихъ заведеній“, а въ ожиданіи такого пересмотра рекомендовалъ „частное исправленіе уставовъ“, въ проектѣ котораго фигурируетъ, между прочимъ, „введеніе съ должной осторожностью постепенно и въ предѣлахъ возможности корпоративнаго устройства студентовъ“ [2]). Но, во-первыхъ, корпоративное устройство не шло въ проектъ г. Ванновс-

---

[1]) Тамъ же стр. 47.

[2]) Смотри изданный „*Рабочимъ Знаменемъ*“ „*Докладъ Ванновскаго по поводу студенческихъ безпорядковъ 1899 года, стр. 50 и 51.*

скаго дальше „курсовыхъ старостъ и курсовыхъ сходовъ по примѣру Военно-медицинской Академіи“ [1]); во-вторыхъ, введеніе корпоративнаго устройства сопровождалось, въ томъ же проектѣ, *усиленіемъ инспекціи* [2]) *и ограниченіемъ числа студентовъ* [3]); въ третьихъ, къ человѣку, сравнительно недавно одобрявшему отдачу студентовъ въ солдаты, общество не должно было бы относиться съ довѣріемъ, даже въ томъ случаѣ, если бы онъ теперь рѣшительно осудилъ эту мѣру; а въ четвертыхъ, этотъ человѣкъ совсѣмъ и не показываетъ, что она ему не нравится: вѣдь студенты, отданные въ солдаты за „безпорядки“ текущаго года, остаются въ казармахъ, хотя г. Ванновскій имѣетъ полную возможность вернуть ихъ въ университетскія аудиторіи [4]). Новый министръ народнаго просвѣщенія, очевидно, продолжаетъ вѣрить въ педагогическія свойства *учебнаго шага*. Много ли же обѣщаетъ нашей учащейся молодежи его „сердечное“ о ней попеченіе.

---

[1]) Тамъ же стр. 52,

[2]) Тамъ же стр. 51.

[3]) Тамъ же, стр. 50: „Установленіе количества студентовъ въ соотвѣтствіи съ вмѣстимостью Университета (рѣчь идетъ о Петербургскомъ Университетѣ), ибо въ настоящее время послѣдній не можетъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ студентовъ, если бы они явились туда одновременно“. Реакціонная подкладка этого предложенія едва ли нуждается въ разъясненіяхъ.

[4]) Въ настоящее время общество „дождалось“ таки „акта милосердія“ генер. Ванновскаго: студенты „помилованы“. но помилованы такъ, какъ это привыкло дѣлать самодержавное правительство. Нѣсколько изъятій отъ общей кары — вотъ единственный отвѣтъ правительства на чаянія общества, вотъ награда студентамъ за то, что они — вопреки призывамъ „непримиримыхъ“ — возобновили занятія, выразивъ свое довѣріе добрымъ намѣреніямъ ген. Ванновскаго. Мы говоримъ о нѣсколькихъ изъятіяхъ потому, что большинству сданныхъ въ солдаты студентовъ „манифестъ“ даетъ только зачетъ ихъ подневольной службы въ тотъ срокъ, который они должны были бы отбывать, какъ *исключенные* студенты. Самаго исключенія манифестъ для этой категоріи студентовъ не отмѣняетъ, равно какъ и связанной съ этимъ исключеніемъ потери права служить вольноопредѣляющимся.

IV.

Очень ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что неумѣстное умиленіе по поводу царскаго рескрипта выразилось лишь въ органахъ, подобныхъ „*Россіи*“, съ которыхъ нечего и взыскивать въ виду ихъ несомнѣнной „оголтѣлости“. Нѣтъ, это умиленіе высказалось даже въ такихъ изданіяхъ, къ которымъ, казалось бы, можно было предъявить болѣе серьезныя требованія, и которыя, a tort ou a raison, считаются у насъ прогрессивными. Вотъ, напримѣръ, въ „*Русскихъ Вѣдомостяхъ*“ г. П. Обнинскій, „старый студентъ, слушавшій Грановскаго“, обнаружилъ восторженность, достойную лишь публицистовъ „*Россіи*“ и „*Новаго Времени*“. Г. П. Обнинскій сравниваетъ положеніе дѣла нашего высшаго образованія съ положеніемъ у насъ желѣзно-дорожнаго дѣла: „Катастрофы, снѣжные заносы, опозданіе поѣздовъ, долгія остановки среди пустынныхъ полей, ветхіе паровозы — вотъ обычныя темы нашей желѣзно-дорожной хроники, — за катастрофой слѣдуетъ дознаніе, допрашиваются свидѣтели и эксперты, но получается хаосъ мнѣній и заключеній, въ которомъ трудно разобраться: одни знаютъ истинную причину бѣды, но боятся сказать ее, другіе, похрабрѣе, но близорукіе, указываютъ ее не тамъ, гдѣ она существуетъ на дѣлѣ, третьи и готовы были бы сказать правду, но ихъ не спрашиваютъ, и когда потерпѣвшіе пассажиры бросаются къ жалобной книгѣ, таковая оказывается запертой, а ключъ неизвѣстно у кого“. Нѣчто подобное происходило у насъ и съ просвѣщеніемъ. „Здѣсь тѣ же катастрофы, тѣ же остановки, та же затаенная правда, та же запертая жалобная книга“. Такъ было, — по словамъ г. П. Обнинскаго, — до самаго недавняго времени, а теперь, послѣ появленія рескрипта на имя г. Ванновскаго, дѣло обстоитъ совершенно иначе, теперь отыскался ключъ и раскрылась жалобная книга. „Заговорило общество, заговорила печать и, санкціонируя ихъ завѣтныя пожеланія, рескриптъ на

имя новаго министра народнаго просвѣщенія открыль широкую и свободную возможность для всесторонней расчистки и направленія загроможденнаго пути. [1])

Широкая и свободная возможность! Вашими бы устами, г. Обшинскій, да медъ пить! Но въ качествѣ „стараго студента, слушавшаго Грановскаго", вамъ можно было бы знать, что широкое и свободное обсужденіе такого важнаго, обширнаго и сложнаго вопроса, какъ вопросъ „о судьбахъ нашего высшаго образованія", *невозможно безъ полной свободы печати, которая играетъ теперь роль запертой на ключъ жалобной книги.* Намъ не было ни малѣйшей надобности *отыскивать* этотъ ключъ: мы очень хорошо знаемъ, что онъ находится въ рукахъ у начальства. Но бѣда въ томъ, что начальство, захватившее его въ свои руки, не допускаетъ къ жалобной книгѣ никого изъ тѣхъ людей, которые, пренебрегая безосновательнымъ умиленіемъ, съумѣли бы и захотѣли бы крупно и четко, „чернымъ по бѣлому", написать въ ней, кто — истинный виновникъ заносовъ, остановокъ, катастрофъ и опозданій, такъ сильно тормазящихъ ходъ русскаго просвѣщенія. А пока люди этого разряда не имѣютъ доступа къ жалобной книгѣ; пока ею имѣютъ право пользоваться только *прекрасныя души*, неспособныя пойти дальше робкихъ вздоховъ и плаксиво-либерально-благопамѣренныхъ славословій, до тѣхъ поръ ее надо считать *закрытою*, и до тѣхъ поръ „всесторонняя расчистка и исправленіе загроможденнаго пути" останутся, — говоря слогомъ его императорскаго величества, — *безсмысленными мечтаніями.*

Чѣмъ обнаружилъ новый министръ народнаго просвѣщенія свою готовность исполнить „благія пожеланія" г. П. Обшинскаго? Рѣшительно ничѣмъ.

„Я приглашаю учащуюся молодежь съ довѣріемъ относиться къ мѣропріятіямъ правительства,

[1]) „*Р. В.*", № 104, фельетонъ: „*Къ университетскому вопросу*".

вѣрить въ неустанныя о ней попеченія, помнить свой долгъ и, спокойно занимаясь изученіемъ наукъ, дать намъ возможность посвятить свое время и силы на устроительство русской школы и учебнаго дѣла. Я глубоко убѣжденъ и свято вѣрю, что, при дружномъ единеніи и взаимномъ содѣйствіи, мы, съ Божьею помощью, въ ближайшемъ будущемъ будемъ поставлены въ возможность исполнить желаніе возлюбленнаго монарха: видѣть въ русской молодежи твердую и вѣрную надежду отечества и стойкую опору въ его будущемъ".

Такъ говоритъ г. Ванновскій въ своемъ приказѣ по корпусу... виноватъ, я хотѣлъ сказать по министерству народнаго просвѣщенія. Его слова заключаютъ въ себѣ не больше и не меньше того, что долженъ былъ и могъ сказать министръ неограниченнаго государя: пусть только студенты ведутъ себя смирно, и тогда правительство, не отвлекаемое отъ своей великой цѣли ихъ волненіями, обучитъ и воспитаетъ ихъ... согласно желанію возлюбленнаго монарха. Министръ Николая Перваго, „*Незабвеннаго*", сказалъ бы совершенно то же самое. Гдѣ же тутъ объщаніе серьезныхъ реформъ? Гдѣ же тутъ дѣйствительное пониманіе важности взятой на себя обязанности?

Правда, въ своемъ „*приказѣ*" г. Ванновскій обращался къ „родителямъ и семьямъ учащихся", приглашая ихъ помочь ему „въ осуществленіи великаго дѣла воспитанія молодого поколѣнія". Новый министръ вполнѣ справедливо замѣтилъ, что основы воспитанія лежатъ въ семьѣ. Но подобные трюизмы не доказываютъ ровно ничего и никому не даютъ права видѣть въ г. Ванновскомъ какого-то Георге всероссійскаго просвѣщенія. Г. Ванновскій говорилъ о „*домашнемъ воздѣйствіи*" родителей на дѣтей. Пусть же слушатель Граповскаго скажетъ намъ гдѣ, когда и какое правительство запрещало родителямъ воспитывать своихъ дѣтей въ духѣ, согласномъ съ общимъ направленіемъ правительственной политики? Такого правительства нигдѣ и никогда не было. Даже въ царство-

ваніе „Незабвеннаго“ русскіе обыватели имѣли полное право кричать „ура“! и изображать передъ своими чадами и домочадцами прелести *самодержавія, православія и народности.*

Г. П. Обпинскаго и подобныхъ ему „прогрессистовъ“ умилило слово: „*приглашаю*“, которое они немедленно замѣнили въ своемъ умѣ словомъ: „*призываю*“. Они забыли, что призывъ призыву рознь, и что есть такіе призывы, которые, какъ говорится, хоть брось. Нѣкогда Александръ II, напуганный „нигилистами“, *призывалъ* петербургскихъ домовладѣльцевъ *слѣдить за своими жильцами*, т. е. исполнять обязанпость сыщиковъ. Неужели и такой призывъ заключалъ въ себѣ пѣчто многообѣщающее? Неужели и онъ сулилъ осуществленіе чьихъ-нибудь „*завѣтныхъ пожеланій*“?

„*Московскія Вѣдомости*“ имѣли полное основаніе пасмѣхаться надъ добряками, вообразившими по своей крайней простотѣ, что царскій рескриптъ на имя г. Ванновскаго и „приказъ“ этого послѣдняго предвѣщаетъ созывъ русскаго парламента.

До какой степени мало склоненъ г. Ванновскій къ парламентскому образу правленія, показала рѣчь, съ которой онъ обратился 6-го апрѣля къ чиновникамъ своего министерства.

„Я не намѣренъ, — объявилъ онъ имъ, — созывать многочисленныхъ коммиссій, которыя часто замедляютъ и осложняютъ ходъ дѣла; я буду собирать ихъ, по мѣрѣ надобности, изъ лицъ, которыя лично мнѣ извѣстны своею опытностью и знаніями и помогутъ мнѣ разобраться въ вопросахъ учебнаго дѣла“.

Вотъ оно какъ! Г. Ванновскій не хочетъ слышать *даже о коммиссіяхъ*, которыя все таки разсуждаютъ и разговариваютъ, между тѣмъ какъ онъ, въ своемъ качествѣ военнаго человѣка, не терпитъ ни разсужденій, ни разговоровъ, а признаетъ только „команды слова“, употребляемыя, какъ извѣстно, по большей части въ повелительномъ наклоненіи: „*стой!*“, „*слушай!*“, „*равняйся!*“, „*строй-*

ся!“, „*заряжай!*“ и т. п. А „прогрессисты“ въ родѣ г. П. Обинскаго ждутъ отъ него расширенія общественной самодѣятельности. Святая простота!

Самодержавіе царя соотвѣтствуетъ самодержавіе его министровъ, а самодержавіе его министровъ естественно дополняется самодержавіемъ прочей чиновной братіи. И ни одна изъ этихъ эманацій „излюбленнаго монарха“ не думаетъ отрекаться отъ принадлежащей ей частицы абсолютизма. Если наше общество хочетъ *самодѣятельности*, то ему надо *вырвать ее: выпросить* ее невозможно.

V.

Царь, сдѣлавшій строгій выговоръ князю Вяземскому за то, что тотъ попытался остановить варварское избіеніе безоружныхъ манифестантовъ на Казанской площади, не можетъ быть заподозрѣнъ даже и въ самомъ умѣренномъ либерализмѣ. Онъ простираетъ свою „благожелательную заботливость“ лишь на свою *отчизну*. Разсчитывать на его добрую волю значитъ тѣшить себя ребяческимъ вымысломъ. Это ясно, какъ день. И, однако, наши болѣе или менѣе „передовые“ друзья просвѣщенія, толкующіе о добрыхъ намѣреніяхъ императора, далеко не такъ наивны, какъ они кажутся на первый взглядъ. Въ основѣ всѣхъ ихъ толковъ на эту тему лежитъ сознаніе той безспорной истины, что *политическія отношенія опредѣляются отношеніемъ силъ*. Читатель помнитъ, какими соображеніями подкрѣпляла газета „*Россія*“ благоразумный совѣтъ, данный ею студенчеству. „Благожелательная заботливость царя“ есть единственная опора студенческихъ требованій: „внѣ этой опоры не только студенчество, но и общество лишено возможности предъявлять какія бы то ни было требованія, потому что ничѣмъ не могутъ подкрѣпить эти требованія“.

Das also war des Pudels Kern! Мы должны быть *смирны*, потому что мы *безсильны*. Это по своему совершенно логично. Кто *требуетъ*, тотъ долженъ быть готовъ, въ случаѣ отказа, *вступить въ борьбу*.

Для *борьбы* нужна *сила*. *Исходъ* борьбы зависитъ отъ *соотношенія силъ*. Кто заранѣе сознаетъ себя *безсильнымъ*, тотъ *не требуетъ* ничего; онъ только *проситъ и надѣется*. Все это вполнѣ вѣрно и все это значитъ, что свободо-мыслящая часть русскихъ обывателей добьется своихъ благихъ пожеланій *только въ томъ случаѣ, если будетъ обладать силой*. Вопросъ нашей политической эмансипаціи есть *вопросъ силы*.

Изъ этого самъ собою вытекаетъ такой выводъ.

Кто не содѣйствуетъ, тѣмъ или другимъ способомъ, росту силы, способной положить конецъ существующему у насъ порядку вещей, тотъ ровно ничего не дѣлаетъ для освобожденія своей родины. А кто, по той или другой причинѣ, хотя бы, напримѣръ, по причинѣ неумѣнія или нетерпѣнія, препятствуетъ росту этой силы, тотъ совершаетъ тяжкій, хотя, можетъ быть, и невольный грѣхъ противъ свободы.

Запомнимъ этотъ выводъ. Онъ очень пригодится намъ при обсужденіи практическихъ задачъ, поставленныхъ на очередь событіями текущаго года.

Гдѣ же сила, способная противостать давящей насъ власти?

Студенты не разъ обращались къ *обществу*. Къ нему же — не одинъ разъ — взывала и наша революціонная печать. Я нисколько не осуждаю такихъ воззваній. Я очень хорошо понимаю ихъ. Но я спрашиваю читателя, какъ велика сила нашего общества, и способна ли эта сила справиться съ царизмомъ?

Газета „*Россія*“ увѣряетъ, что общество совершенно безсильно. Это и правда, и неправда. Неправда — потому, что наше общество *очень сильно въ возможности*. Правда — потому, что оно было до сихъ поръ *совершенно безсильно въ дѣйствительности*.

Несмотря на все свое презрѣніе и отвращеніе къ полицейскому государству, наше образованное общество привыкло покоряться и молчать даже въ такихъ случаяхъ, когда покорность и молчаніе

становится стыдомъ и преступленіемъ. Оно молчало, когда лучшіе люди русской земли гибли въ ссылкѣ и въ изгнаніи, въ тюрьмахъ, крѣпостяхъ и на висѣлицахъ. Оно молчало, когда въ отвѣтъ на стоны голоднаго народа правительство издавало предписанія, затруднявшія помощь голодающимъ, и тѣмъ буквально вырывало *у нищаго суму*. Оно молчало, когда его собственныя дѣти, плоть отъ его плоти и кость отъ его костей, погибая въ неравной борьбѣ съ разнузданной полицейской властью, протягивали къ нему руки и просили его о поддержкѣ. Оно молчало, молчало и молчало, отвѣчая на дикія выходки коронованныхъ и прочихъ самодуровъ развѣ только подавленными вздохами. Таково было общее правило. Откуда же оно взялось? Отчего наше общество оставалось безотвѣтнымъ? оттого ли, что русскіе люди рабы — по природѣ своей? Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Рабами дѣлаются, а не родятся. Такія имена, какъ Рылѣевъ, Пестель, Михайловъ, Чернышевскій, Бардина, Желябовъ и многія другія, прославленныя нашими соотечественниками, ясно доказываютъ своимъ примѣромъ, что и русскія сердца могутъ быть, по выраженію Пушкина, *для чести живы*, что и въ нихъ можетъ жить горячая любовь къ свободѣ и непримиримая ненависть къ деспотизму. Если борцы, подобные только что названнымъ, составляли лишь чрезвычайно рѣдкое исключеніе, своимъ примѣромъ еще болѣе оттѣняя жалкую покорность окружавшаго ихъ общества, то, во первыхъ, герои вездѣ болѣе или менѣе рѣдки, а во вторыхъ—постыдная апатичность нашего общества легко объясняется тѣмъ, что оно не могло разсчитывать на дѣятельную *поддержку со стороны народа*. Герценъ справедливо замѣтилъ, что такъ какъ народъ не понималъ декабристовъ, то ихъ смѣлое предпріятіе было заранѣе осуждено на неудачу. Тоже самое приходится сказать и обо всѣхъ другихъ неудачныхъ освободительныхъ попыткахъ, имѣвшихъ у насъ мѣсто послѣ возстанія на Сенатской площади; всѣ онѣ объясняются отсутствіемъ поддер-

жки со стороны народа. Н. Г. Чернышевскій горько жаловался въ своихъ „*Письмахъ безъ адреса*“ на равнодушіе народа къ стремленіямъ нашей передовой интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ. Такая же горькая жалоба часто слышится въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Г. И. Успенскаго и въ воспоминаніяхъ многихъ революціонеровъ слѣдующаго десятилѣтія. Народъ, который очень много выигралъ бы, если бы осуществились стремленія революціонеровъ, продолжалъ видѣть въ царѣ своего вѣрнаго друга и заступника, а въ революціонерахъ — нетерпѣливыхъ выразителей эксплуататорскихъ стремленій нашего дворянства и чиновничества. Въ этомъ заключался глубокій трагизмъ исторіи нашей свободомыслящей интеллигенціи. Несмотря на отчаянныя попытки сойтись съ народомъ, свободомыслящіе русскіе люди не могли перескочить черезъ пропасть, отдѣлявшую ихъ отъ него, и потому по необходимости оставались, по выраженію того же Герцена, *умною ненужностью, иностранцами у себя дома*. Общество знало объ этомъ разрывѣ съ народомъ и понимало вытекающія изъ него практическія послѣдствія. Поэтому, сочувствуя революціонерамъ по крайней мѣрѣ въ томъ, что составляло *политическій элементъ ихъ стремленій*, оно, говоря вообще, не вѣрило въ ихъ побѣду и въ свою очередь оставляло ихъ безъ серьезной поддержки. Оно покорялось и молчало по той простой причинѣ, что протестъ и борьба не сулили ему никакого практическаго успѣха. Чтобы поколебать этотъ скептицизмъ и преодолѣть вытекающую изъ него апатію, нужны были такія знаменія, которыя отсутствовали въ нашей общественной жизни. Только смѣлые подвиги народовольцевъ разбудили на короткое время наше общество, породивъ въ немъ нѣкоторую надежду на избавленіе. Но народовольцы были разбиты, и общество сдѣлалось еще болѣе апатичнымъ, чѣмъ было. Состояніе Россіи послѣ разгрома народовольцевъ можно хорошо охарактеризовать словами Некрасова:

Слышно только, о ночь безпросвѣтная!
Вихри злобы и бѣшенства носятся
Надъ тобою, страна безотвѣтная.
Все живое, все честное косится...

Вполнѣ и надолго разбудить наше общество смогутъ только такіе факты, которые покажутъ всѣмъ, имѣющимъ очи, что пропасть, отдѣляющая свободомыслящую интеллигенцію отъ народа, исчезла или, по крайней мѣрѣ, *исчезаетъ*. Въ обществѣ явится бодрость и надежда на лучшее будущее, когда оно увидитъ, что въ народной массѣ или хоть въ нѣкоторой, наиболѣе развитой ея части, начинается движеніе, способное поколебать непоколебимую прежде основу *„власти роковой“*. Факты, свидѣтельствовавшіе о началѣ такого движенія, стали появляться не со вчерашняго дня. Въ печальное царствованіе Александра III они одни только и составляли свѣтлыя точки на мрачномъ фонѣ нашей общественной жизни. Но тогда этихъ свѣтлыхъ точекъ было еще слишкомъ мало, и онѣ гасли, казалось, совершенно безслѣдно. Имъ придавали значеніе только очень немногіе „интеллигенты“. Большинство на минуту поражалось ими, — какъ поразилось оно, напримѣръ, морозовской стачкой 1886 года, — но затѣмъ забывало о нихъ подъ вліяніемъ какой нибудь болѣе обычной или болѣе понятной „злобы дня“. Людей, указывавшихъ на рабочее движеніе, какъ на новую, грядущую общественную силу, третировали, какъ чудаковъ, смотрящихъ на Россію сквозь *нѣмецкіе очки* и мѣшающихъ серьезнымъ русскимъ людямъ дѣлать серьезное русское дѣло. Только колоссальныя, массовыя стачки петербургскихъ рабочихъ весною 1896 года показали, что эти чудаки были не совсѣмъ не правы, и что ихъ *„нѣмецкія“* теоріи не такъ уже „неприложимы“ къ *русской* дѣйствительности, какъ это утверждали народники и субъективисты. Но сильное впечатлѣніе, произведенное стачками 1896 года, постепенно сглаживалось, и наше общество оставалось все еще очень далекимъ отъ пониманіе того, до

какой степени измѣняются шансы освободительной борьбы съ царизмомъ, благодаря начинающемуся движенію рабочихъ. Чтобы приблизить его къ пониманію этой истины, нужны были потрясающія событія текущаго года.

VI.

Я сказалъ, что въ нынѣшнемъ году у насъ произошли такъ называемыя студенческія волненія. Это такъ, но это не все. Студенческія волненія никого не вразумили бы именно потому, что они составляютъ обычное явленіе нашей университетской жизни. Замѣчательно и поучительно въ этихъ волненіяхъ то, что къ студентамъ очень сочувственно отнеслась *рабочая масса*. Поэтому на вопросъ, что же именно произошло въ нашемъ отечествѣ, надо отвѣчать такъ:

Произошли, во-первыхъ, волненія студентовъ, поддержанныхъ значительной массой рабочихъ.

Огромное общественное значеніе событій текущаго года опредѣляется, *между прочимъ*, именно этимъ сочувственнымъ отношеніемъ къ студенчеству многихъ тысячъ рабочихъ. Высказывая такой взглядъ, я очень хорошо знаю (по горькому опыту), что иной, зараженный „экономическими“ предразсудками, читатель можетъ упрекнуть меня въ стремленіи сдѣлать изъ русскихъ пролетаріевъ политическихъ вассаловъ свободо-мыслящей интеллигенціи. Но такой упрекъ будетъ столь же несправедливъ, какъ и всѣ прочіе упреки, посылаемые „экономистами“ революціонной соціальдемократіи.

Въ томъ-то и заключается величіе современной *идеи рабочаго сословія*, что самоотверженная защита всѣхъ угнетенныхъ и энергическая поддержка всѣхъ несправедливо обиженныхъ и униженныхъ принадлежитъ къ числу насущнѣйшихъ и важнѣйшихъ интересовъ пролетаріата. Если пролетаріатъ хочетъ поставить защиту своихъ классовыхъ интересовъ на широкую основу политической борьбы, онъ долженъ бороться за общіе интересы не-

тины, культуры, справедливости и человѣчности. Сознательные русскіе рабочіе уже по одному тому не могли равнодушно смотрѣть на полицейскую расправу со студентами, что ярмо полицейскаго произвола давитъ ихъ собственную шею, и что ихъ собственная шея изранена этимъ ярмомъ. Сознательный слой русскаго пролетаріата *обязанъ* былъ поддержать студентовъ, потому что студенты расшатывали полицейское государство, по рукамъ и по ногамъ сковавшее все трудящееся населеніе Россіи. Политическая зрѣлость русскаго рабочаго класса въ значительной степени будетъ измѣряться теперь мѣрою его сочувствія каждому прогрессивному общественному движенію, направленному противъ существующаго порядка вещей. И русскій пролетаріатъ показалъ, что онъ уже умѣетъ сочувствовать движеніямъ этого рода. Участіе многихъ тысячъ рабочихъ въ демонстраціяхъ нынѣшняго года составитъ эпоху въ исторіи политическаго развитія нашей страны.

„*Касса взаимопомощи*“ студентовъ петербургскаго университета въ своемъ февральскомъ листкѣ, напечатанномъ въ типографіи „*Союза борьбы*“, указывая на политическое значеніе нашего университетскаго вопроса, старалась ободрить студентовъ будущимъ сочувствіемъ со стороны рабочихъ. „Рѣшенія университетскаго вопроса, — говорилось въ листкѣ, —надо искать въ рѣшеніи болѣе широкаго и неотложнаго вопроса — вопроса о расширеніи политическихъ рамокъ для русской общественной жизни... Насильникамъ надо противопоставить силу... А эта сила уже растетъ, ее выдвигаетъ сама жизнь, въ ней лежитъ залогъ лучшаго будущаго. Быстро расползается она по странѣ, охватывая ее все цѣпче и крѣпче, грозная, пока безсознательная. Но пробудись въ ней сознаніе — и конецъ абсолютизму, конецъ замаскированному рабству“. [1])

[1]) Цитировано изъ № 3 „*Искры*“.

Авторы листка говорили о пробужденіи политическаго сознанія въ русскомъ пролетаріатѣ, какъ о дѣлѣ *будущаго*. Они имѣли полное право говорить о немъ въ *настоящемъ времени*. Они могли бы, нисколько не грѣша противъ дѣйствительности, указать своимъ читателямъ на то, что наша трудящаяся масса, въ лицѣ своихъ передовыхъ слоевъ, уже *становится сознательной*, и что, вслѣдствіе этого, для „замаскированнаго рабства“ наступаетъ уже *начало конца*. Но не забудемъ, что листокъ вышелъ въ февралѣ. Въ апрѣлѣ или въ маѣ, послѣ московскихъ, харьковскихъ, кіевскихъ и петербургскихъ (майскихъ) событій, авторы листка уже не говорили бы о рабочемъ классѣ, какъ о силѣ „*пока безсознательной*“. И они, конечно, радостно поздравили бы борющееся студенчество съ новымъ и самымъ надежнымъ союзникомъ.

Выступленіе рабочихъ на арену политической борьбы явилось наглядпѣйшимъ и убѣдительнѣйшимъ опроверженіемъ доводовъ, выдвигаемыхъ разсудительными и благоразумными людьми въ пользу смиреномудрія. Оно показало, что газета „*Россія*“ (сознательно или безсознательно) говорила неправду, увѣряя студентовъ въ томъ, что они, равно какъ и все русское общество, ничѣмъ не могутъ подкрѣпить свои требованія. Теперь ясно, что студенчество и общество могутъ быть сильны не „заботливой благожелательностью“ царя, составляющей надежную „опору“ только для разбойниковъ пѣшей и конной полиціи, а *поддержкой со стороны рабочаго класса*. Теперь борьба съ царизмомъ утрачиваетъ свой, нѣкогда безнадежный характеръ. Теперь сама жизнь внятно отвѣчаетъ на вопросъ, гдѣ можно найти силу, необходимую для борьбы за политическую свободу. Поэтому молчаніе утрачиваетъ теперь всякую тѣнь оправданія, а политическая апатія становится непростительнымъ грѣхомъ не только передъ Россіей, но и передъ всей Европой, въ которой нашъ царизмъ всегда и неутомимо игралъ роль добровольнаго жандарма.

Что передовые элементы русскаго общества значительно ободрились подъ вліяніемъ сочувственнаго отношенія рабочихъ къ студентамъ, это видно по многимъ признакамъ. Я не хочу указывать на нихъ страха ради полицейска; при томъ же читатель, навѣрное, и самъ ихъ подмѣтилъ. [1]) Замѣчу только, что чѣмъ больше оппозиціонные элементы нашего общества проникнутся сознаніемъ огромной политической важности революціоннаго рабочаго движенія и чѣмъ дѣятельнѣе они будутъ поддерживать его, тѣмъ въ большей мѣрѣ ихъ *возможная* сила перейдетъ въ *дѣйствительную*.

Чтобы побѣдить царизмъ, надо быть въ состояніи противопоставить (по вышеприведенному выраженію студенческаго листка) *насильникамъ силу*. *Такой* силы, которая съ успѣхомъ могла бы противостать насильникамъ, у русскаго общества нѣтъ и быть не можетъ, какъ нигдѣ не было ее у высшихъ классовъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе такъ называемой *новой* исторіи. Даже въ Англіи семнадцатаго вѣка, гдѣ королевская власть еще только стремилась къ самодержавію и гдѣ она далеко не располагала оборонительными средствами современныхъ намъ правительствъ, революціонной буржуазіи удалось побѣдить короля лишь потому, что она была поддержана низшими слоями населенія. Но, не будучи въ состояніи поразить „насильниковъ“ своей собственной силой, общество можетъ въ высокой степени содѣйствовать развитію *революціонной силы народа*. Во Франціи оппозиціонные и революціонные слои буржуазіи не только сдѣлали особенно много для пробужденія и роста политической мысли въ рабочемъ классѣ, но также имѣли рѣшительное вліяніе на ходъ и исходъ народныхъ *демонстрацій* и народныхъ *возстаній*. Хотя эти слои и не принимали *непосредственнаго* участія, — или принимали лишь *слабое* непосредственное уча-

---

[1]) Наша легальная печать, по совершенно понятнымъ причинамъ, никогда не была *точнымъ* выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Теперь она выражаетъ его можетъ быть, менѣе точно, чѣмъ когда бы то ни было.

стіе въ уличной борьбѣ, однако они поддерживали возставшихъ, оказывая имъ множество мелкихъ, но незамѣнимыхъ услугъ, а главное, — деморализуя защитниковъ власти и отнимая у нихъ вѣру въ нравственную правоту ея дѣла. Для примѣра я укажу, какъ описываетъ одинъ изъ историковъ іюльской революціи 1830 года настроеніе офицеровъ во время борьбы съ возставшимъ народомъ.

„Опасное чувство неувѣренности въ себѣ и нравственнаго угнетенія начало распространяться между защитниками дѣла, которое само по себѣ было справедливо, но которое испортили несвоевременно аггрессивными дѣйствіями [1]). Уже два офицера (рѣчь идетъ о 29-мъ іюля, Г. П.), г. г. де-ла-Туръ-дю-Пэнъ и Тюрго, подали въ отставку. Видимо обезкураженный, маршалъ (Мармонъ, которому король ввѣрилъ главное начальство надъ войсками, Г. П.) нѣсколько разъ мѣнялъ планъ обороны [2]).

Это отсутствіе нравственной самоувѣренности и это угнетенное настроеніе духа съ особенною яркостью обнаруживается въ письмѣ къ Полиньяку одного изъ подавшихъ въ отставку офицеровъ.

„Послѣ цѣлаго дня убійствъ и раззореній, которыя были совершены вопреки всѣмъ законамъ, божескимъ и человѣческимъ, и въ которыхъ я принялъ участіе лишь изъ чувства подчиненности, о которомъ я теперь сожалѣю, моя совѣсть рѣшительно запрещаетъ мнѣ служить дальше хотя бы только одну минуту. Въ теченіе моей жизни я далъ достаточно доказательствъ моей преданности королю, и я считаю себя въ правѣ, не опасаясь обидной клеветы, различать то, что исходитъ лично отъ него, отъ того, что дѣлается его именемъ. Я прошу Васъ, поэтому, повергнуть на усмотрѣніе короля мое прошеніе объ отставкѣ. Имѣю честь быть и т. д.

Графъ Раулъ де ла-Туръ-дю-Пэнъ [3]). 28 іюля 1830 г.

---

[1]) Цитируемый мною авторъ сочувствуетъ Бурбонамъ.

[2]) Histoire de France pendant la derniere année de la Restauration, par un ancien magistrat. Paris, 1839, t. I, p. 305-306.

[3]) Тамъ же тѣ же страницы, въ примѣчаніи.

Другіе офицеры отказывались стрѣлять въ народъ. Такъ, напримѣръ, когда 28 іюля въ улицѣ Сентъ-Оноре одинъ начальникъ отряда приказалъ своимъ солдатамъ стрѣлять, субалтернъ-офицеръ, вмѣсто того, чтобы повторить это приказаніе, скомандовалъ: „*на плечо!*“[1]). Возставшій народъ отвѣтилъ на эту команду громкимъ крикомъ: „*да здравствуетъ линейныя войска* (vive la ligne)!“, что, конечно, еще болѣе ослабило воинственное настроеніе защитниковъ власти.

Офицеры, отказывавшіеся убивать „*вопреки всѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ*“, навѣрное были заражены духомъ либеральныхъ общественныхъ круговъ, глубоко ненавидѣвшихъ Бурбоновъ и отъ всей души сочувствовавшихъ инсургентамъ. Если въ іюнѣ 1848 года настроеніе и поведеніе сражавшихся съ рабочими войскъ было совсѣмъ другое, то это въ значительной степени произошло отъ того, что симпатіи французскаго общества не были и не могли быть на сторонѣ возставшихъ.

VII.

Поддержка со стороны *общества* ускоритъ ростъ и приблизитъ торжество революціонной силы *народа*. Это неоспоримая истина. Понять эту неоспоримую истину безусловно необходимо всѣмъ, не беззаботнымъ на счетъ политики дѣтямъ русской земли, потому что теперь, когда прологъ разъигранъ, и началось первое дѣйствіе великой драмы, друзья свободы должны быть мудры, какъ зміи: каждая ошибка замедлитъ ихъ побѣдоносное шествіе впередъ, за каждое недомысліе имъ придется заплатить неудачами.

Наши революціонеры могли пренебрегать „обществомъ“ до тѣхъ поръ, пока „политика“ представлялась имъ дѣломъ, недостойнымъ истиннаго

[1]) Тамъ же, томъ I, стр. 261 262. Луи Блан, въ свой „Histoire de dix ans“, и Вольбель, въ „Histoire de la Restauration“, тоже приводятъ много яркихъ примѣровъ такого рода.

соціалиста. Но, какъ только политическая борьба заняла видное мѣсто въ ихъ программѣ, сейчасъ же явилось у нихъ сознаніе того, какъ важно имъ обезпечить себѣ сочувствіе общества. Партія „*Народной Воли*“ задавалась, между прочимъ, цѣлью убѣдить свободомыслящую часть общества въ томъ, что „при современной постановкѣ партіонныхъ задачъ“ интересы либерализма сходятся съ интересами революціонеровъ [1]). Достичь этой цѣли было, однако, не такъ легко потому, что на самомъ дѣлѣ тогдашняя „*постановка партіонныхъ задачъ*“ должна была скорѣе затруднять, чѣмъ облегчать сближеніе общества съ революціонерами. Когда народовольцы требовали созыва учредительнаго собранія, они тутъ же увѣряли, что у насъ, благодаря нѣкоторымъ счастливымъ особенностямъ народнаго міросозерцанія и характера, первые же выборы въ такое собраніе дали бы огромный численный перевѣсъ сторонникамъ *соціальной революціи* [2]). Такая перспектива, разумѣется, не могла очень обрадовать *либераловъ*. И если либералы всетаки до извѣстной степени сочувствовали „народовольцамъ“, то лишь потому, что соціально-революціонныя ожиданія этихъ послѣднихъ казались имъ совершенно несбыточными [3]). Но такое обстоятельство въ свою очередь не могло содѣйствовать укрѣпленію въ либералахъ вѣры въ *политическую зрѣлость* революціонеровъ. А когда революціонеры отъ толковъ о созывѣ учредительнаго собранія перешли къ разсужденіямъ о необходимости захвата власти съ цѣлью немедленнаго осуществленія соціально-революціонной программы, тогда либеральное общество еще менѣе было въ

---

[1]) См. Записку „*Подготовительная работа партіи*“, напечатанную впослѣдствіи въ „Календарѣ Народной Воли“.

[2]) Говорили (и писали), что ихъ было бы до 90% общаго числа депутатовъ.

[3]) Говоря, что либералы сочувствовали народовольцамъ лишь до извѣстной степени, я хочу этимъ сказать не то, что ихъ сочувствіе къ нимъ было *мало*, а то что оно не достигло тѣхъ большихъ размѣровъ, которыхъ могло бы достигнуть, если бы задачи партіи „*Народной Воли*“ были поставлены иначе.

состояніи сочувствовать ихъ планамъ и еще болѣе должно было сомнѣваться въ ихъ политической зрѣлости.

Народовольцы называли себя соціалистами-*народниками*, и это названіе, къ величайшему вреду для ихъ партіи, вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительности: у нихъ въ самомъ дѣлѣ было очень много *народническихъ предразсудковъ*. Эти предразсудки дѣлали совершенно невозможной „правильную постановку партіонныхъ задачъ" и придавали утопическій оттѣнокъ всѣмъ стремленіямъ партіи.

Стоя на точкѣ зрѣнія современнаго научнаго соціализма, мы имѣемъ полную возможность избѣжать ошибокъ, бывшихъ неизбѣжными для русскихъ революціонеровъ семидесятыхъ годовъ.

Съ точки зрѣнія современнаго научнаго соціализма, всякіе толки о *соціалистическомъ переворотѣ*, какъ *о ближайшей цѣли* революціоннаго движенія въ Россіи, представляются вполнѣ и безусловно неосновательными. Ближайшей цѣлью революціоннаго движенія является *низверженіе абсолютизма*, которое, обезпечивъ русскому пролетаріату политическія права и политическую свободу, дастъ ему широкую возможность роста и зрѣть, развиваться и организоваться для *соціалистической революціи. Торжество соціализма* не можетъ совпасть съ *паденіемъ абсолютизма*. Эти два момента по необходимости будутъ отдѣлены одинъ отъ другого значительнымъ промежуткомъ времени. И именно потому, что они будутъ отдѣлены одинъ отъ другого во времени, *соціальдемократы*, въ своей непримиримой борьбѣ съ абсолютизмомъ, могутъ съ полнымъ правомъ и ни мало не противорѣча себѣ, указывать всѣмъ, кому надлежитъ знать и понимать это, что *ихъ интересы въ настоящее время совпадаютъ съ интересами свободомыслящей части нашего общества.*

Спѣшу, однако, оговориться. *Полное и всестороннее* совпаденіе нашихъ интересовъ съ интересами передовыхъ элементовъ общества, а слѣдо-

вательно, и полное и всесторонее сочувствіе этихъ элементовъ соціалъ-демократіи возможно было бы только въ томъ случаѣ, если бы мы, подобно нашимъ легальнымъ *будто-бы-марксистамъ*, отказались отъ мысли о будущей *диктатурѣ революціоннаго пролетаріата* и ограничились проповѣдью *„соціальной реформы"*, не идущей дальше смягченія нѣкоторыхъ *грубыхъ* и устраненія нѣкоторыхъ *отсталыхъ* формъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Уподобившись такимъ будто-бы-марксистамъ, мы дѣйствительно могли бы разсчитывать на симпатіи рѣшительно всего общества, за исключеніемъ только Разуваевыхъ разныхъ сословій, да небольшой горсти народниковъ старой и новой формаціи. Сочувствіе къ намъ всѣхъ остальныхъ общественныхъ слоевъ и теченій несомнѣнно было бы сильнѣе, шире, а главное — цѣльнѣе [1]). Но тогда мы превратились бы въ смягченныхъ и облагороженныхъ *буржуа* dernière mode и перестали бы быть партіей *революціоннаго пролетаріата*. А это обстоятельство значительно подорвало бы нашу силу, силу всего освободительнаго движенія, идущаго изъ среды народа.

Наша сила есть сила трудящейся и эксплуатируемой массы, и прежде всего — *пролетаріата*. Какъ я уже сказалъ, общество можетъ пріобрѣсти силу и политическое значеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно будетъ содѣйствовать росту и торжеству революціонной энергіи рабочаго класса. Революціонная же энергія рабочаго класса достигнетъ наибольшаго напряженія лишь тогда, когда онъ ясно увидитъ нашу *конечную цѣль: соціальную революцію, полное уничтоженіе эксплуатаціи трудящихся*. Вотъ почему наше превращеніе въ ру-

---

[1]) „Единственное, что позволяютъ намъ утверждать данныя науки, это то, что настоящее экономическое развитіе ведетъ къ постепенному отмиранію самыхъ тяжелыхъ и грубыхъ формъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ"... (С. Н. Булгаковъ, *Капитализмъ и земледѣліе*. Москва, 1900 г., томъ II, стр. 456). Г. С. Булгакова не приметъ за свирѣпаго потрясателя основъ даже самая нервная либеральная дама.

пихъ будто-бы-марксистовъ было бы очень невыгодно для насъ даже съ точки зрѣнія нашей *ближайшей политической цѣли*, не говоря уже объ огромнѣйшей невыгодѣ его *съ точки зрѣнія будущности русскаго рабочаго движенія*. И вотъ почему о такомъ превращеніи не можетъ быть и рѣчи. Мы будемъ поддерживать всякое движеніе, направленное противъ существующаго порядка вещей. Но мы ни на минуту не перестанемъ вырабатывать въ умахъ рабочихъ ясное представленіе о нашей конечной цѣли. *Мы хотимъ, чтобы борьба съ царизмомъ служила для пролетаріата школой, всесторонне развивающей его классовое самосознаніе.*

VIII.

Либеральное общество, если только оно дѣйствительно созрѣло для пониманія того соотношенія политическихъ силъ, которое существуетъ теперь въ нашемъ отечествѣ, не можетъ требовать отъ насъ отказа отъ нашей конечной цѣли, потому что такой отказъ принесъ бы глубокій вредъ освободительному движенію. Оно должно понять и отчасти уже поняло, что будимое и развиваемое нами классовое самосознаніе рабочихъ представляетъ собою теперь вѣрнѣйшее средство созданія революціонной силы въ русскомъ народѣ и надежнѣйшій залогъ политическаго освобожденія Россіи. Оно должно понять и отчасти уже поняло, что каждый новый успѣхъ соціалъдемократической агитаціи въ рабочемъ классѣ будетъ равносиленъ новому пораженію царизма. Оно должно понять и, вѣроятно, отчасти уже поняло, что завоеваніе политической свободы принесло бы ему гораздо больше *непосредственной* пользы, чѣмъ рабочему классу, на который упала бы, однако, главная тяжесть борьбы. Наша *конечная цѣль* не оттолкнетъ отъ насъ передовыхъ элементовъ нашего общества, если только мы сумѣемъ хорошенько уяснить ему свою *ближайшую политическую задачу*.

бывшись „*выручать студентовъ*“ [1]), аттаковавшихъ полиціей, рабочіе очень облегчили нашему либеральному обществу правильное пониманіе этой нашей задачи. Мы должны воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Теперь насъ хорошо поняли, можетъ быть, только *нѣкоторые*. Сдѣлаемъ такъ, чтобы насъ поняли *всѣ*. Тогда намъ, навѣрное, будутъ сочувствовать *многіе*.

Но для того, чтобы передовые элементы общества поняли и оцѣнили освободительныя стремленія революціонной соціальдемократіи, она должна прежде всего *организоваться*.

Созданіе крѣпкой, стройной, единой и нераздѣльной организаціи русскихъ соціальдемократовъ составляетъ теперь *самую насущную изо всѣхъ стоящихъ передъ нами ближайшихъ практическихъ задачъ*. Отсутствіе такой организаціи уже нанесло намъ *очень много вреда*. Оно помѣшало намъ всесторонне использовать волненія текущаго года въ интересахъ нашего движенія. Мы должны сознать „*то, что есть*“, и имѣть нравственное мужество громко высказать сознанную нами горькую истину: жизнь далеко опередила насъ. Это большая бѣда для такой партіи, которая, подобно нашей, хочетъ и должна *руководить* самыми передовыми теченіями жизни. Но эта бѣда поправимая, а для энергичныхъ людей большая, но поправимая бѣда служитъ лишь новымъ побужденіемъ къ новымъ усиліямъ. Нагонимъ жизнь. Наверстаемъ потерянное. Займемъ по праву принадлежащее соціальдемократамъ мѣсто руководителей. Это для насъ тѣмъ легче, что, опережая насъ, русская общественная жизнь шла въ томъ самомъ направленіи, которое было впервые предусмотрѣно и опредѣлено нами. Быстрый ходъ ея развитія является лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу нашихъ взглядовъ. А

---

[1]) Часовъ около 11 (24 го февраля въ Москвѣ) толпы рабочихъ осаждали манежъ съ криками: „выручай студентовъ!“. Были частыя стычки съ казаками и жандармами; за употребленіе нагаекъ, казаковъ стаскивали съ лошадей и поколачивали“. (См. толстовскіе „*Листки Свободнаго Слова*“, № 23, стр. 12.)

при этомъ условіи положеніе людей, опережен-ныхъ жизнью, не смотря на печальныя свои сто-роны, заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много от-роднаго и ободряющаго. Оно показываетъ, что *мы имѣемъ за себя непреодолимую стихійную силу общественнаго развитія.*

Когда русская соціаль-демократія будетъ строй-но и строго организована, — а я увѣренъ, что это желанное время не далеко, — тогда она сразу вы-растетъ на цѣлую голову, и тогда ей не страшны будутъ ни преслѣдованія, ни временныя неудачи. Организація даетъ возможность сравнительно легко поправить всякія неудачи и переносить всякія преслѣдованія.

Иные говорятъ: нашей партіи очень трудно ор-ганизоваться, потому что она, постоянно находясь подъ непріятельскимъ огнемъ, постоянно несетъ тяжелыя потери. И это, конечно, вѣрно. Но съ другой стороны непріятельскій огонь страшенъ для нея потому, что она не организована. Тутъ — за-колдованный кругъ, изъ котораго можно выйти лишь энергическимъ усиліемъ воли. Пусть наша партія организуется. Организація, какъ хорошій земляной окопъ, прикроетъ ее отъ непріятельскаго огня и низведетъ ея потери до возможнаго мини-мума[1]).

А эти потери теперь въ самомъ дѣлѣ огромны, и при томъ ихъ вредное вліяніе быстро растетъ по мѣрѣ того, какъ умножаются и усложняются ея практическія задачи. Теперь она уже не можетъ дольше позволять себѣ *роскошь неорганизованности* и тотъ *комфортъ разъединенности*, благодаря кото-рому каждый „*баронъ*“ можетъ дѣйствовать по своей особой „*фантазіи*“.

Когда очереднымъ вопросомъ былъ у насъ во-просъ *объ агитаціи*, тогда многіе и многіе изъ насъ горячо нападали на „*кружковщину*“. Нападки были

---

[1]) Возникновеніе крѣпкой организаціи „*Земли и Воли*“ въ семидесятыхъ годахъ сразу и очень значительно уменьшило число „проваловъ“, которые до тѣхъ поръ были такъ же мно-гочисленны, какъ теперь.

справедливы. Кружковщина, дѣйствительно, великое зло. Но нужно помнить, что мы не избавились отъ него и по настоящее время. Кружковщина до сихъ поръ тяготѣетъ надъ нами, насквозь пропитывая наши *организаціонныя отношенія*. Но партія, претендующая и имѣющая полное право на серьезную политическую роль, не должна и не можетъ помириться съ господствомъ кружковщины въ ея организаціонныхъ отношеніяхъ. Ей безусловно необходима организація, объединяющая въ *одно дисциплинированное цѣлое* всѣ ея силы, вносящая единство въ ея дѣятельность и подчиняющая работу многочисленныхъ кружковъ, разсыпавшихся по широкому лицу нашей земли, *руководству всероссійскаго центра*. Только при этомъ условіи она будетъ въ состояніи сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ она *обязана сдѣлаться: руководительницей великаго освободительнаго движенія въ Россіи*.

А когда сліяніе всѣхъ ея, теперь разрозненныхъ, силъ въ одно стройное цѣлое станетъ совершившимся фактомъ, когда у нея будетъ „единое тѣло и единъ духъ“, тогда передъ ней снова встанетъ, во всемъ своемъ неизмѣримомъ величіи, *задача агитаціи*. Въ области агитаціи ей предстоитъ сдѣлать еще чрезвычайно много. Не будемъ обманывать себя. Массовая политическая агитація еще только началась. Мы сдѣлали въ ея направленіи лишь самые первые шаги, и съ нашей стороны было бы смѣшнымъ и непростительнымъ ребячествомъ разсчитывать на очень скорую побѣду. Въ демонстраціяхъ нынѣшняго года участвовали, положимъ, десятки тысячъ рабочихъ. Это уже очень хорошо; но этого мало. *Батальоны и полки* недостаточны для насъ: намъ нужны *корпуса и цѣлыя арміи*. Мы ежечасно и ежеминутно должны помнить золотыя слова Маркса, взятыя мною какъ эпиграфъ для настоящей статьи: Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Aktion wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Aktion sie ist [1]).

[1]) Чѣмъ глубже захватывается жизнь даннымъ историческимъ дѣйствіемъ, тѣмъ больше величина совершающей его массы.

IX.

И какъ плодотворна, какъ завлекательна теперь агитаціонная дѣятельность въ русской рабочей средѣ! Подобно сказочному богатырю, родившемуся для избавленія русской земли отъ ея злыхъ поработителей, нашъ пролетаріатъ растетъ теперь не по днямъ, а по часамъ, быстро накопляя силу непобѣдимую. Искреннихъ друзей его долженъ особенно радовать тотъ въ высшей степени замѣчательный и отрадный фактъ, что *его классовое самосознаніе не отстаетъ отъ его революціоннаго настроенія.* Соціаль-демократическія идеи глубоко проникли въ его среду и неискоренимо упрочились въ ней. Онъ умѣетъ „выручать студентовъ", но онъ умѣетъ выступать и за свое собственное дѣло. Въ маѣ нынѣшняго года онъ своею кровью запечатлѣлъ свою принадлежность къ международной семьѣ соціалистическихъ пролетаріевъ. Въ Петербургѣ и подъ Петербургомъ произошли настоящія сраженія рабочихъ съ полиціей и войскомъ. „Перваго мая (по русскому стилю) забастовали рабочіе Выборгской стороны (какъ говорятъ, на всѣхъ фабрикахъ). 4-го мая рабочіе нѣсколькихъ фабрикъ направились въ городъ съ цѣлью устроить демонстрацію. У Самсоніевскаго моста имъ загородила дорогу конная и пѣшая полиція. Рабочіе пустили въ ходъ ножки и палки. Бой длился нѣсколько часовъ[1]). Черезъ три дня на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ, въ связи съ празднованіемъ перваго мая, завязался новый бой, при чемъ на мѣстѣ осталось, какъ говорятъ, шесть убитыхъ. Въ провинціи, говоря вообще, май прошелъ спокойнѣе, но и тамъ воззванія, распространенныя нашими товарищами по поводу перваго мая, были сочувственно встрѣчены тысячами пролетаріевъ, а въ Тифлисѣ майскій праздникъ ознаменовался жестокимъ столкновеніемъ рабочихъ съ властями. Полиція лѣзетъ изъ кожи: она арестуетъ

[1]) „Искра", № 5, стр. 4.

рабочихъ сотнями; она хочетъ остановить рабочее движеніе, запугавъ его участниковъ. Тщетная надежда! Наши сознательные рабочіе такъ полны вѣры въ свое дѣло и преданности ему, что запугать ихъ невозможно. Кто хочетъ узнать, какой духъ оживляетъ этихъ неустрашимыхъ борцовъ, пусть прочитаетъ напечатанное въ № 5 „*Искры*“ письмо одной работницы, написанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ кроваваго столкновенія 4-го мая на Самсоніевскомъ мосту. Я привожу наиболѣе замѣчательныя мѣста изъ этого письма.

„Не примите это письмо за малодушіе, я очень измучилась и не знаю, что дѣлать... Вы навѣрно знаете, что у насъ былъ бунтъ, и что В. нѣтъ больше. Я не видала его съ 29-го, и онъ говорилъ мнѣ тогда, что, вѣроятно, перваго у нихъ работать не будутъ. Я, какъ услыхала, что на Выборгской битва, бросила работу, побѣжала туда, къ мосту пройти нельзя было: женщинъ сами рабочіе не пускали, я стала ждать В. на квартирѣ, а онъ больше не приходилъ. Я ужъ справлялась въ казармѣ о немъ, ничего не говорятъ, въ охранкѣ тоже... или убили его или ранили до смерти... Другіе говорили, что видѣли, какъ онъ былъ впереди, это онъ крикнулъ: „Да здравствуетъ революція!“, и какъ потомъ упалъ. Полиція не ушла, пока всѣ не отступили, и кто не могъ встать, подбирали сами. Вы не знаете, какъ мнѣ обидно, и это одинаково всѣмъ намъ, всѣмъ очень хотѣлось пройтись на Невскій или въ городъ, ужъ очень горько умирать, какъ собакамъ, въ углѣ, чтобы никто не видалъ даже; это, вѣрно, такая доля у рабочихъ, чтобы умирать не на людяхъ; вѣрно и красной смерти для нихъ жалко... Вотъ что еще я хотѣла сказать вамъ: хотя и очень многихъ у насъ взяли, можетъ, ихъ пѣтъ болѣе совсѣмъ, а все-таки мы твердо стоять будемъ. Вы не смотрите, что за работу взялись, теперь такое время, что на бросаніи работы никто стоять не будетъ: теперь всѣмъ нужно больше, всѣмъ на улицу хочется. В. (тоже рабочій) говоритъ, что жаль, что знамени

у нихъ не было. Другой разъ и знамя будетъ, и пистолетовъ достанутъ: на кампяхъ да на пожахъ далеко не увѣдешь, какъ начнутъ штыками колоть“[1]).

Когда въ нашу душу закрадется хоть малѣйшее сомнѣніе на счетъ будущности нашего дѣла, нужно перечитать это письмо. Оно бодритъ и возбуждаетъ читателя, заражая его своимъ сдержаннымъ, но могучимъ энтузіазмомъ. „Теперь такое время, что на бросаніи работы никто стоять не будетъ: теперь всѣмъ нужно больше, всѣмъ на улицу хочется“. И что ни дѣлай правительство, „а все-таки мы твердо стоять будемъ“. Когда такой духъ проникаетъ въ данный общественный классъ, можно съ полной увѣренностью сказать, что этому классу суждено побѣдить, и что онъ уже зрѣетъ для побѣды. Когда этотъ духъ, уже овладѣвшій нѣкоторыми слоями нашего пролетаріата, широко распространится въ нашей трудящейся массѣ, тогда русскому правительству останется,—по выраженію Лассаля,—лишь заниматься астрологіей, чтобы по звѣздамъ опредѣлить часъ своей гибели: что гибель совершенно неизбѣжна, это будетъ ясно и ему самому, и всѣмъ его окружающимъ[2]).

---

[1]) „Искра“, № 5, стр. 4.

[2]) Статья эта была уже набрана, когда мнѣ доставили другое, не менѣе замѣчательное письмо изъ рабочей среды. Авторъ письма высказываетъ свой взглядъ на газету „Искра“ и попутно характеризуетъ настроеніе петербургскихъ рабочихъ: „Я многимъ товарищамъ показывалъ, и весь номерокъ встрепался, а онъ дорогъ, много дороже „Мысли“, хоть и нѣтъ тамъ нашихъ строекъ. Тамъ про наше дѣло, про все русское дѣло, которое копѣйками не оцѣнишь и часами не опредѣлишь; когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы да полиція боятся насъ рабочихъ и тѣхъ интеллигентовъ, за которыми мы идемъ. Они и правда страшны и царю, и хозяевамъ, и всѣмъ, а не только хозяйскимъ карманамъ. Конечно, я просто рабочій и совсѣмъ не такой ужъ развитой, но я очень чувствую, гдѣ правда, знаю, что нужно рабочимъ. Рабочій народъ теперь легко можетъ загорѣться, уже все тлѣетъ внизу, нужна только искра, и будетъ пожаръ. Ахъ, какъ это вѣрно сказано, что изъ искры возгорается пламень. Сейчасъ всѣ рабочіе точно керосиномъ облитые, многіе даже на лицо перемѣнились, и это всѣ видятъ; теперь ужъ мастера многихъ не

Но нужно именно, чтобы настроеніе, сказавшееся въ цитированномъ мною письмѣ, широко распространилось въ трудящейся массѣ. *Великая цѣль политическаго освобожденія Россіи можетъ быть достигнута только великимъ революціоннымъ движеніемъ массы.* Помимо массового движенія она недостижима, и если бы намъ пришлось, по той или другой причинѣ, отказаться отъ мысли вызвать такое движеніе, то мы должны были бы *оставить всякую надежду.* Поэтому очень вредны всякія, сознательныя или безсознательныя, уклоненія отъ агитаціонной дѣятельности въ массѣ, и уже совершенно непозволительны такіе пріемы борьбы, которые оторвали бы *революціонеровъ отъ массы, штабъ отъ арміи.*

Къ числу подобныхъ пріемовъ принадлежитъ такъ называемый *терроръ*, вызывающій теперь въ Россіи такъ много самыхъ разнообразныхъ и горячихъ толковъ и споровъ. Интересно, что за-

трогаютъ, и въ праздникъ полиція вѣжливенько проситъ на нашей сторонѣ толпой не стоять, и такъ проситъ, будто рабочій завтра свободу получитъ. Раньше каждая стачка была событіе, а теперь всякій видитъ, что одна стачка начего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее." Понятно, что „экономическое" направленіе не можетъ удовлетворить рабочихъ, проникнутыхъ такимъ настроеніемъ. „Теперь ужъ намъ не кассы нужны, не кружка, даже не книжки,—продолжаетъ авторъ письма,—теперь просто учи, какъ въ бой идти, какъ въ бою воевать". Авторъ прекрасно знаетъ, что жертвы неизбѣжны, но онъ не боится ихъ, онъ знаетъ, что безъ жертвъ никогда еще не была добыта свобода. „Со многими мы простимся, многихъ у насъ вырвутъ, мясо и ошибокъ надѣлаемъ, да въ такомъ дѣлѣ и иначе нельзя, во первыхъ, а второе — ужъ дѣло больно крупное начинается. Это еще не конецъ, это только первый пожаръ, и его потушатъ, но огонь будетъ такъ великъ, что и слѣпые увидятъ, что кому нужно, кто кому врагъ, а ужъ второй пожаръ солдаты заливать не пойдутъ". При такомъ настроеніи рабочихъ наша будущая побѣда обезпечена. Наша партія обязана позаботиться лишь о томъ, чтобы ошибки, дѣйствительно неизбѣжныя въ начинающейся теперь борьбѣ, *были доведены до возможнаго минимума.* Каждая ошибка будетъ равносильна гибели многихъ дорогихъ силъ. А чтобы довести до минимума такія ошибки, соціалъ-демократія должна имѣть большое вліяніе. *А большое вліяніе невозможно безъ централизованной организаціи:* новый доводъ **противъ организаціонной кружковщины.**

ницинками террора выступаютъ у насъ иногда люди, которые еще вчера были „*экономистами*“ чистѣйшей воды. Это, впрочемъ, неудивительно. Многіе „*экономисты*“ потому и отрицали *политическую борьбу*, что не могли представить ее себѣ иначе, какъ въ видѣ „*террора*“. Они были противъ *политики* единственно потому, что, находясь въ спокойномъ состояніи, понимали, какъ опасенъ *терроръ* для успѣховъ *массовой агитаціи*. Теперь, когда и ихъ коснулось общее возбужденіе, они отрицаютъ свое отрицаніе „*политики*“, проповѣдуя *терроризмъ*, который по прежнему представляется имъ единственнымъ возможнымъ видомъ *политической борьбы*. Такъ одна ошибка естественно ведетъ за собой другую. Увлеченіе терроризмомъ, охватившее теперь нѣкоторыхъ изъ нашихъ „экономистовъ“, можно назвать,—употребляя геометрическій терминъ,—*дополнительной ошибкой экономизма*.

Противъ террора уже высказались люди, авторитетный голосъ которыхъ не останется, конечно, *гласомъ вопіющаго въ пустынѣ*.[1]) Излишне повторять здѣсь доводы, выдвинутые этими людьми. Но полезно будетъ вспомнить, какъ смотрѣли на отношеніе террора къ революціонной агитаціи въ массѣ нѣкоторые наши *террористы классики*.

X.

Въ брошюрѣ „*Террористическая борьба*“, изданной въ Женевѣ въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, Николай Морозовъ такъ изображаетъ смѣну различныхъ фазисовъ революціоннаго движенія въ Россіи.

„Начавшись въ 1872 году пропагандой среди рабочаго населенія въ Петербургѣ, это движеніе скоро перешло къ провинціальному населенію. — Въ крестьянской сермягѣ, съ посохомъ въ рукахъ и котомкой книгъ за плечами, отряхнувъ съ ногъ прахъ дряхлаго міра, шли пропагандисты по се-

[1]) См. № 3 и 4 „Искры“.

леніямъ и деревнямъ своей необозримой родины. Не было губерніи, куда не заходили бы они со своею провѣдью. Движеніе быстро росло, и лѣтомъ 1874 года пропаганда охватила почти всю Европейскую Россію. — Но, какъ ни неожиданно было это движеніе для правительства, послѣднее немедленно приняло противъ него свои мѣры, и къ концу 1874 года почти всѣ пропагандисты томились въ казематахъ въ ожиданіи ссылки, каторги или безконечнаго заключенія въ центральныхъ тюрьмахъ. — Въ 1875 году, потерпѣвъ окончательное пораженіе въ деревняхъ, движеніе снова направилось къ городскому люду для того, чтобы дѣйствовать черезъ него въ деревнѣ, но и здѣсь оно было задушено правительствомъ; почти всѣ пропагандисты этого періода и рабочіе, послѣдовавшіе за ними, были схвачены при первыхъ шагахъ своей дѣятельности. — Въ 1876—77 гг. настало нѣкоторое затишье, изрѣдка прерываемое противоправительственными демонстраціями мирнаго характера и двумя-тремя революціонными попытками въ томъ или другомъ направленіи. Продолжать прежній путь, не обращая вниманія на преслѣдованія правительства, было очевидно невозможно. Волей-неволей приходилось сводить съ нимъ счеты. — И вотъ мало по малу начались таинственныя убійства правительственныхъ дѣятелей. — 24-го января 1878 года раздался выстрѣлъ въ петербургскаго градоначальника Трепова въ его пріемной; этотъ выстрѣлъ сдѣлался точкой перелома во всей послѣдующей борьбѣ. Начиная съ этого момента, движеніе опредѣлилось и пошло почти безъ уклоненій къ своей уже ясно поставленной цѣли“.

Я нарочно сдѣлалъ безъ сокращеній эту длинную выписку, чтобы читатель ясно увидѣлъ, *почему террористическая борьба представлялась* Морозову *неизбѣжнымъ и единственно возможнымъ пріемомъ политической борьбы.* Приведенная мною страница не оставляетъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ: *Н. Морозовъ считалъ дѣятельность въ*

народной массѣ совершенно невозможной[2]). По его мнѣнію, „*терроръ явился естественнымъ слѣдствіемъ неудачъ испытанныхъ революціонерами при ихъ попыткахъ возбудить революціонное движеніе въ народѣ.*" Въ другомъ мѣстѣ своей брошюры онъ доказываетъ необходимость террористической борьбы ссылкой на общія соціально-политическія условія русской жизни.

„Въ настоящее время въ безпредѣльныхъ равнинахъ Россіи съ ея рѣдкими деревнями и сравнительно незначительными рабочими городами, гдѣ разрозненность крестьянскаго населенія мѣшаетъ съорганизоваться большому деревенскому возстанію, а незначительность городского пролетаріата не представляла до сихъ поръ серьезной опасности для правительства, начинающаяся революція приняла совершенно своеобразныя формы. Лишенная возможности проявиться въ деревенскомъ или городскомъ возстаніи, она выразилась въ „террористическомъ движеніи" интеллигентной молодежи".

Террористическое движеніе представляется здѣсь, какъ *движеніе „интеллигентной молодежи"*, поставленной въ *невозможность вызвать массовое, деревенское или городское возстаніе*, а самая эта невозможность разсматривается, какъ *результатъ экономической отсталости Россіи* и ея слабой населенности.

Другой сторонникъ террора, В. Тарновскій, въ брошюрѣ „*Терроризмъ и Рутина*", появившейся приблизительно около того же времени, какъ и брошюра П. Морозова[2]), возражая покойному Драгоманову, который противопоставлялъ террору открытое нападеніе на правительство, говоритъ:

„Что Вы хотите сказать этимъ „открытымъ нападеніемъ"? Если здѣсь нужно видѣть массо-

[1]) Въ его краткомъ изображеніи исторіи нашего революціоннаго движенія встрѣчаются *многія неточности*. Но здѣсь намъ до нихъ нѣтъ дѣла. Намъ важна здѣсь *психологія писателя*, а не вѣрность сдѣланнаго имъ изображенія.

[2]) Если я не ошибаюсь, брошюра Тарновскаго вышла нѣсколькими мѣсяцами *позже*. Во всякомъ случаѣ объ брошюры появились еще въ царствованіе Александра II.

вую революцію, то считаете-ли Вы возможнымъ и резоннымъ поднять русскихъ простолюдиновъ на борьбу изъ-за политической свободы, — при ихъ исторической оторванности отъ интеллигенціи, при ихъ жизни впроголодь и тяжелой борьбѣ изъ-за куска хлѣба? Очень они проникнутся необходимостью такой штуки, какъ политическая свобода! — Но тогда неужели трудно понять, что всѣ Ваши „гражданскіе и военные люди", всѣ „народы" сводятся въ сущности къ интеллигенціи? Она, эта интеллигенція, обязана, да, „обязана" вынести на своихъ плечахъ политическую свободу въ Россіи, пользуясь терроромъ, какъ средствомъ".[2])

В. Тарновскій насмѣхался, какъ надъ очевидною нелѣпостью, надъ мыслью о томъ, что „*русскіе простолюдины*" могутъ понять важное для нихъ значеніе, „такой штуки, какъ политическая свобода". Для него, какъ и для Н. Морозова, единственнымъ слоемъ, созрѣвшимъ для политической борьбы, былъ *слой революціонной интеллигенціи*. И такъ какъ этотъ слой ни въ какомъ случаѣ не могъ разсчитывать на поддержку со стороны народа, то терроръ и оказывался единственнымъ возможнымъ для нея средствомъ рѣшительной политической борьбы съ правительствомъ. Тутъ есть своя логика, хотя несомнѣнно, что уже и въ то время не всѣ „русскіе простолюдины" были

---

[1]) Въ недавно вышедшей брошюрѣ: „*Возрожденіе революціонизма въ Россіи*" о терроръ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Теперь, кажется, революціонеры перемѣняютъ свое отношеніе къ этому способу борьбы и мало по малу признаютъ, что терроръ вовсе не исключительная привиллегія партіи, не желающей якобы опираться на трудящіяся массы, а именно всего лишь только *способъ* дѣйствія, которымъ въ крайніе моменты жизнь заставляетъ пользоваться *вся* партія *безотносительно* къ научной подкладкѣ [ихъ міровоззрѣнія" (стр. 62). Научная подкладка міровоззрѣнія тутъ, дѣйствительно, не при чемъ. Но авторъ брошюры, какъ видно, плохо знакомъ съ исторіей нашей революціонной литературы. Если бы онъ лучше зналъ ее, то онъ зналъ бы, что для многихъ террористовъ семидесятыхъ годовъ терроръ былъ, разумѣется, не „привиллегіей" (при чемъ тутъ это слово?), а необходимостью для партіи, не *могущей* опираться на народъ.

такъ равнодушны къ мысли о политической свободѣ, какъ это думалъ В. Тарновскій: достаточно вспомнить, что „*Сѣверно-русскій рабочій союзъ*“ тогда уже включилъ въ свою программу (къ великому огорченію народнической интеллигенціи) требованіе политическихъ правъ и политической свободы. Но В. Тарновскій, подобно Н. Морозову, совѣмъ не вѣрилъ въ успѣхъ начинавшагося тогда рабочаго движенія; онъ совершенно не признавалъ существованія у насъ другихъ революціонныхъ элементовъ, кромѣ интеллигенціи, поэтому онъ могъ, нисколько не противорѣча себѣ, указывать на терроръ, какъ на единственно-возможное средство политической борьбы. Но мы, которые знаемъ то, чего нельзя не знать въ настоящее время, т. е., что въ средѣ „*русскихъ простолюдиновъ*“ происходитъ съ каждымъ часомъ крѣпнущее движеніе *русскихъ пролетаріевъ*; мы, которые видимъ то, чего нельзя не видѣть въ настоящее время, т. е. то, что передовые слои русскаго пролетаріата готовы неустанно бороться за политическую свободу, можемъ ли мы смотрѣть на терроръ глазами В. Тарновскаго или Н. Морозова? Можемъ ли мы видѣть въ немъ единственное возможное у насъ средство политической борьбы [1]).

Достаточно поставить эти вопросы, чтобы тотчасъ же рѣшить ихъ отрицательно. Нѣтъ, люди, не утратившіе вѣры въ массовое движеніе и понимающіе его коренную важность, должны, — если не хотятъ разстаться съ логикой, — смотрѣть на терроръ съ другой точки зрѣнія. Для такихъ людей терроръ можетъ имѣть развѣ только значеніе *вспомогательнаго пріема*. Отчасти такъ смотрѣли на терроръ и нѣкоторые революціонеры семидесятыхъ годовъ. [2]) Въ передовой статьѣ перваго но-

[1]) Нѣтъ нужды указывать на то, что *экономическое* положеніе Россіи не можетъ представляться намъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно представлялось Морозову и Тарновскому, писавшимъ двадцать лѣтъ тому назадъ и къ тому же смотрѣвшимъ черезъ народническую призму.

[2]) Кажется, можно утверждать, что такъ смотрѣлъ на терроръ, напримѣръ, Желябовъ, на судѣ заявившій, какъ извѣст-

мера газеты „*Земля и Воля*“ говорится, что террористы должны играть въ революціонной партіи роль *охранительнаго отряда*. Въ то время очень многіе думали, что террористическій отрядъ въ самомъ дѣлѣ можетъ ограничиться такою ролью. Но прошло едва нѣсколько мѣсяцевъ, и взглядъ на терроръ совершенно измѣнился. Одни стали доказывать, что террору должны быть отданы всѣ силы партіи, такъ какъ онъ есть „*революція въ дѣйствіи*“ [1]), а другіе, напротивъ, готовы были совсѣмъ отказаться отъ террора, такъ какъ убѣдились, что террористическая борьба имѣетъ свою логику и что, разъ начавшись, она не можетъ остановиться до тѣхъ поръ, пока въ самомъ дѣлѣ не поглотитъ всѣхъ силъ партіи и не парализуетъ почти всѣхъ другихъ отраслей ея дѣятельности, а прежде всего *агитаціонной дѣятельности въ массѣ*.

Опытъ показалъ, что революціонеры, выдвигавшіе противъ террора это послѣднее соображеніе, были правы: террористическая борьба дѣйствительно поглотила всѣ силы партіи и парализовала почти всѣ другія отрасли ея дѣятельности. Наши товарищи должны знать и помнить это. *Имъ совѣтуютъ повторить старую ошибку, между тѣмъ какъ они обязаны избѣжать ея.*

Авторъ брошюры „*Возрожденіе революціонизма въ Россіи*“, считаетъ возможнымъ защищать терроръ, какъ агитаціонное (онъ говоритъ: *экспитативное*) средство. Но защита террора съ *агитаціонной* точки зрѣнія возможна еще менѣе, чѣмъ съ точки зрѣнія охраны *революціонной организаціи* („террористы — охранительный отрядъ“).

Агитаторъ долженъ стараться *какъ можно болѣе сблизиться съ массой*; а террористическая дѣятельность *отдаляетъ революціонера отъ массы*, замыкая его въ тѣсномъ кругѣ посвященныхъ въ „конспиративное“ дѣло товарищей-конспираторовъ.

А кромѣ того, — и это самое главное, — *есть*

---

[1]), о своемъ несогласіи съ Н. Морозовымъ по вопросу о терроръ, какъ исключительномъ пріемѣ политической борьбы.

[1]) См. въ особенности послѣдніе „*Листки Земли и Воли*“.

гораздо болѣе сильное средство возбужденія массы. Средство это —ея собственная, непосредственная борьба съ властью *путемъ всевозможныхъ видовъ нелегальнаго массового движенія.* Это движеніе совершенно незамѣнимо по своему воспитательному значенію; каждый его успѣхъ приближаетъ насъ къ побѣдѣ. А между тѣмъ терроръ грозитъ сильно задержать его, отдаливъ организованныхъ революціонеровъ отъ неорганизованной, но уже созрѣвшей для активной борьбы и рвущейся на активную борьбу массы.

Террористическая дѣятельность и политическая агитація въ массѣ могутъ идти рука объ руку, поддерживая и дополняя другъ друга, только при самыхъ рѣдкихъ, совершенно исключительныхъ условіяхъ. Ни одного изъ такихъ условій у насъ теперь нѣтъ въ наличности и долго еще не будетъ [1]). Въ настоящее время терроръ не цѣлесообразенъ, поэтому онъ вреденъ [2]).

Но въ такомъ случаѣ, какъ же вы относитесь къ выстрѣлу Карповича? спроситъ меня, пожалуй, иной читатель, какъ не разъ уже спрашивали меня въ устной бесѣдѣ.

На этотъ вопросъ я отвѣчаю другимъ вопросомъ: а думаете ли вы, что Карповичъ высказался бы за терроръ, если бы онъ былъ не частнымъ лицомъ, прислушивающимся лишь къ голосу своего *нравственнаго* негодованія, а *членомъ партіи*, обязаннымъ подчиняться *сознательному политическому разсчету?*

На этотъ вопросъ я до сихъ поръ не получилъ удовлетворительнаго отвѣта.

---

[1]) Въ апрѣльской книжкѣ лондонской Przedswit'a помѣщена интересна ястатья П. Гурковскаго „Powstani czy teror?" Хотя она не исчерпываетъ вопроса и не вполнѣ вѣрно изображаетъ русское революціонное движеніе 70-хъ годовъ, но я всетаки очень рекомендую ее тѣмъ изъ нашихъ тов., которые знаютъ по-польски.

[2]) Прим. къ настоящему изданію. Теперь эти условія отчасти уже находятся на лицо; поэтому теперь намъ нужно отчасти измѣнить свое отношеніе къ террору. Объ этом см. мои статьи въ Искрѣ: „*О демонстраціяхъ*" (№ 41) и „Врозь идти вмѣстѣ бить" (№ 87).

Нѣкоторые защитники террора совершенно искренно считаютъ себя самыми передовыми революціонерами. Въ дѣйствительности они далеко отстали отъ хода развитія нашего революціоннаго движенія и стараются вернуть его назадъ, лѣтъ на двадцать съ лишнимъ.

Но моя статья уже переросла предположенные для нея размѣры. Пора кончать, откладывая недосказанное до другого раза и подводя итогъ тому, что сказано.

На вопросъ—*что же дальше?* — приходится дать теперь слѣдующій отвѣтъ:

Дальше — продолженіе начатой освободительной борьбы, въ интересахъ которой мы должны:

1. Организзваться.

2. Принять всѣ зависящія отъ насъ мѣры для выясненія оппозиціоннымъ элементамъ общества истиннаго характера преслѣдуемой нами ближайшей политической задачи.

3. Продолжать политическую агитацію въ трудящейся массѣ.

4. Придать этой агитаціи *болѣе широкіе размѣры.*

5. Придать этой агитаціи *еще болѣе широкіе размѣры, распространивъ ее по возможности и на сельское населеніе.*

6. Тоже въ большей степени.

7. Тоже въ еще большей степени.

8. Тоже въ самой большой степени.

9. А потомъ... но объ этомъ мы успѣемъ потолковать и въ другой разъ: время терпитъ. Теперь же намъ нужно главнымъ образомъ помнить, что безъ организаціи наше дѣло не можетъ идти впередъ и что:

Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Aktion wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Aktion sie ist.

Оглавленіе.

	Стр.
Посвященіе	III
Отъ автора	V
Соціализмъ и политическая борьба (Предисловіе).	XI
Современныя задачи русскихъ рабочихъ . . .	84
Какъ добиваться конституціи?	97
Политическія задачи русскихъ соціалистовъ . .	124
Еще разъ соціализмъ и политическая борьба . .	141
Что же дальше?	183

2007237604